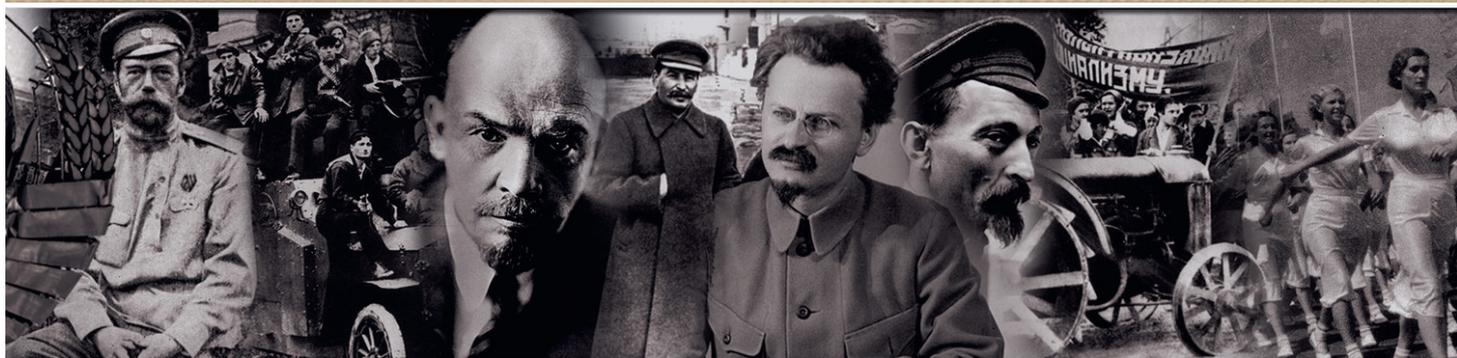

НИКОЛАЙ СВАНИДЗЕ

ПОГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ. НАША ИСТОРИЯ

1913 - 1940

ЭЙФОРΙΑ

МАРИНА СВАНИДЗЕ

Table-Talk

Николай Сванидзе

**Погибель Империи. Наша
история. 1913–1940. Эйфория**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Сванидзе Н. К.

Погибель Империи. Наша история. 1913–1940. Эйфория /
Н. К. Сванидзе — «Издательство АСТ», 2019 — (Table-Talk)

ISBN 978-5-17-108896-5

История российского и советского 20 века переписывалась многократно. И прошлыми поколениями, и уже на наших глазах. Многие действующие лица и события подолгу находились в вынужденном забвении. Их возвращение в историческое пространство спустя десятилетия было знаковым. Чем больше населена история человеческим судьбами, тем ярче и полней наше восприятие прошлого. В этой книге – на основе сценариев документальных фильмов «Исторические хроники с Николаем Сванидзе» – множество персонажей: государственные деятели, известные писатели, простые крестьяне, маршалы, артисты и режиссеры. Год за годом 20 века они, один за другим, входят в жизнь страны, и никому из них, да и вообще никому, не удается остаться сторонним наблюдателем в нашей яркой и трагической истории. В книге представлены документальные свидетельства эпохи: фрагменты дневников, воспоминаний, писем и интервью действующих лиц.

УДК 821.161.1-4

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-108896-5

© Сванидзе Н. К., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

1913	6
1914	18
1915	29
1916	40
1917	50
1918	69
1919	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Николай Сванидзе, Марина Сванидзе
Погибель Империи. Наша история
1913–1940
Эйфория

Серия «Table-Talk»

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

© Марина Сванидзе, Николай Сванидзе, текст
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

1913

1913-й – год празднования 300-летия дома Романовых.

1913-й – год торжества российского правосудия. Двенадцать православных присяжных заседателей вынесли оправдательный приговор иудею Менахему Менделю Бейлису.

1913-й – последний мирный год.

Великому русскому художнику Илье Ефимовичу Репину в 1913 году представилась неожиданная возможность переписать свою самую знаменитую картину.

16 января 1913 года, как раз во время празднования 300-летия дома Романовых, молодой человек, иконописец из старообрядцев Абрам Балашов, нанес три ножевых удара по лицам царя и царевича. Один удар пришелся по лицу царя – от середины виска, пересекая ухо, до плеча, второй удар прошел по носу царевича, третий удар разрезал царевичу щеку, нож соскользнул и повредил пальцы его правой руки.

Это зверское покушение произошло в Москве, в Третьяковской галерее. Жертвами покушения стали Иван Грозный и сын его Иван. А точнее, картина великого русского художника Ильи Ефимовича Репина.

Илья Семенович Остроухов, возглавлявший в этот момент Третьяковскую галерею, тотчас же подал в отставку. На самом деле в этой отставке вполне можно усмотреть политическую подоплеку.

Дело в том, что эпизод 16 января 1913 года – символическое, но удавшееся покушение на самого первого Романова. Иван, убитый своим отцом Иваном Васильевичем Грозным, был сыном первой, любимой жены царя Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой. Так вот, царица Анастасия приходилась двоюродной бабушкой первому царю из династии Романовых, Михаилу.

Только торжества по поводу 300-летия царствования династии Романовых не позволили привлечь к происшедшему в Третьяковке высочайшего внимания Николая II, склонного к мистицизму.

Репин поехал в Третьяковку, лично произвел реставрацию и уехал.

Надо сказать, что Илья Ефимович имел особую страсть к переписыванию своих старых картин, причем всегда переписывал к худшему. Так вот, в результате авторской реставрации Иван Грозный получил совершенно новую голову в отвратительной лиловой гамме.

Это зрелище застал художник, реставратор и новый директор Третьяковки Игорь Грабарь. Он схватил вату, обмакнул в керосин и стер всю свежую живопись. Затем в течение недели акварельными красками им была проведена повторная реставрация. Она завершилась банкетом в ресторане «Прага».

На мероприятии были все свои во главе с Шаляпиным и Буниным. Здание ресторана его владелец Тарарыкин выиграл на бильярде. После революции ресторан у Тарарыкина отобрали и сделали здесь общедоступную столовую Моссельпрома, а в 30-е годы – это уже спецстоловая, где любили обедать охранники Сталина. Арбат тогда был главной правительственной трассой, по которой Сталин ездил из Кремля на так называемую ближнюю дачу в Кунцево.

Так вот, в то самое время, когда в Москве, в ресторане «Прага», отмечали исцеление Ивана Грозного и сына его Ивана, в Петербурге Романовы к своему 300-летию принимали поздравления от различных депутатий. Это происходило в зале рядом с Малахитовой гостиной.

Все огромное романовское семейство стояло за государем и государыней. В отличие от своего отца, императора Александра III, Николай не был и не мог быть патриархом для этой семьи. Сестра Николая Ольга говорит, что «бесчисленные дяди и кузены сорвались с поводка», что Николай не в состоянии принимать решения без оглядки на них.

Семья была огромна. Премьер-министр Витте говорит: «У нас всяких великих князей размножилось целое стадо». Они поженились. Жены требовали денег. Некоторые из великих князей, женившись, продолжали жить с любовницами за границей. В этом случае жены требовали еще больше денег. Для этого увеличивали бюджет Министерства двора. Но и этого оказывалось мало. Вот как в случае с третьим сыном великой княгини Марии Николаевны Юрием Лейхтенбергским. Его жена, дочь князя Николая Черногорского, пожелала, чтобы ежегодная контрибуция, которую Турция платила России в размере 3 000 000 рублей, шла не в российский бюджет, а ей в руки для ее родной Черногории – союзницы России. Министерство финансов отказало, но государь сказал: «Что же делать, я уже обещал». Кстати, эта дама со своей сестрой привели ко двору Распутина. Кроме денег, были другие линии влияния. Великий князь Николай Николаевич, дядя Николая, заразился мистицизмом до того, как эту инфекцию в семью повторно внесла императрица. Это великий князь Николай Николаевич был компаньоном государя по столоверчению. Да ладно бы столоверчение. Николай Николаевич состоял в теснейшем контакте с черносотенным «Союзом русского народа». Отсюда тяга государя к этой погромной националистической организации.

В октябре 1905 года, в ужасе от революции, великий князь Николай Николаевич кричал: «Подпиши конституцию!» Потом его друзья-черносотенцы на сборище в петербургском Манеже уже орали: «Долой конституцию!», собрались устроить уличное шествие под этим лозунгом, а он, великий князь Николай Николаевич, решил сделаться почетным председателем союза черносотенцев. Но потом это сочли не совсем безопасным.

Единственное, что, пожалуй, успешно получалось у государя в отношении семьи, так это высылка за пределы родины тех великих князей, которые вступали в неравнородные браки. Мезальянс Николай строго карал запретом на въезд в Россию. Несомненно, после 1917 года эти изгнанники помянули родственника добрым словом.

Единственное, что спланивало Романовых, – общая неприязнь к императрице.

24 февраля 1913 года каждый поздравляющий подходил сначала к императрице Александре Федоровне, делал поклон, целовал ей руку и снова делал поклон. Затем он подходил к вдовствующей императрице Марии Федоровне и затем уже к государю. Молодая императрица сидела, но Мария Федоровна все время стояла.

Меню парадного обеда в Зимнем дворце 24 февраля 1913 года, по нынешним ресторанным меркам, скромное:

- Супы черепаховый и из дичи.
- Пирожки разные.
- Стерлядь двинская на шампанском.
- Филе телятины московской.
- Холодное из уток.
- Соус апельсиновый.
- Пунш «Виктория».
- Жаркое – пуляры французские и фазаны.
- На сладкое – персики по-императорски.

Музыкальная программа в тот вечер была представлена, помимо прочего, дуэтом Маши и Дубровского.

Кстати, о Пушкине. Несмотря на то что великому князю Михаилу Михайловичу, внуку Николая I, за женитьбу на внучке Пушкина был запрещен въезд в Россию, Пушкина Романовы, несомненно, любили. Сохранилась фотография, запечатлевшая тогда еще наследника престола Николая в роли Евгения Онегина. В роли Татьяны – великая княгиня Елизавета Федоровна.

Сохранилась также фотография, где муж Елизаветы Федоровны, великий князь Сергей Александрович, в костюме царевича Федора в «Царе Борисе» по драме Алексея Константино-

вича Толстого. А на картине Репина «Заседание Государственного совета» он в совсем другом костюме. Картина была выставлена в Мариинском дворце, где заседал Госсовет в 1903 году.

В 1903 году в Кишиневе был инспирирован один из страшнейших еврейских погромов в русской истории. Главным идеологом этого позорного направления российской внутренней политики был как раз Сергей Александрович. В этом отношении его влияние на Николая огромно и бесспорно. Кроме того, на Сергее Александровиче лежит вся ответственность за смертоубийство на Ходынке в день коронации Николая. В определенном смысле Сергей Александрович был большим интернационалистом, потому что человеческая жизнь, независимо от национальности, для него не имела никакой ценности. Великий князь был убит террористом Каляевым в феврале 1905-го. Потомки Романовых в своих мемуарах обходят фигуру Сергея Александровича. Вот редкое воспоминание, в котором он фигурирует: двоюродный брат Николая II Дмитрий родился в подмосковном имении Сергея Александровича Ильинское. Кстати, Дмитрий будет участником убийства Распутина в 1916 году вместе с Феликсом Юсуповым, соседом Сергея Александровича по имению. Мать Дмитрия умерла при родах. Ребенок был хилым и слабым. Никто не думал, что он выживет. По рекомендации врачей Сергей Александрович собственноручно купал младенца в подогретом бульоне.

30 октября 1913 года оказалось днем посмертного поражения великого князя-антисемита. В этот день на судебном процессе в Киеве судом присяжных оправдан Менахем Мендель Бейлис.

В октябре 1913 года завершился громкий процесс, вошедший в российскую историю как «дело Бейлиса». Следствие шло два года. Единственный подозреваемый – Менахем Мендель Бейлис, иудейского вероисповедания, отец пятерых детей. Обвиняется в ритуальном убийстве мальчика, православного Андрея Ющинского, с целью получения христианской крови для выпечки мацы к еврейской Пасхе. Эта версия рассматривалась официальным следствием как единственная. Фракция крайних националистов-черносотенцев во главе с Пуришкевичем занималась этим вопросом в Думе. Собственное расследование вели члены молодежной черносотенной организации «Двуглавый орел».

В последний день судебного заседания напротив Киевского окружного суда в Софийском соборе шла служба по убиенному Андрею Ющинскому. Площадь заполнена готовыми ко всему погромщиками в состоянии крайнего нетерпения.

Последним на суде выступил адвокат Бейлиса Владимир Маклаков. Его родной брат, министр внутренних дел Николай Маклаков, в этом деле был по другую сторону баррикад.

Адвокат обратился к присяжным: «Мы все должны просить вас об одном: берегитесь осудить невиновного. Это будет грехом вашей совести, это будет позором для русского правосудия. И этот позор не забудется никогда».

Теперь о присяжных, которые должны были решить судьбу Бейлиса в Киевском окружном суде. Когда писатель Владимир Короленко, который ни минуты не сомневался в сфабрикованности обвинений, увидел присяжных, его охватило отчаяние. Это были семеро крестьян и пятеро мещан и мелких чиновников, которые едва ли могли разобраться в противоречивых психиатрических и сложных богословских экспертизах. Однако именно эти присяжные признали Бейлиса невиновным.

Я хочу поименно назвать этих русских присяжных заседателей, оправдавших Менахема Менделя Бейлиса.

- Митрофан Кутовой, крестьянин
- Савва Мостицкий, киевский извозчик
- Георгий Оглоблин, чиновник
- Константин Синьковский, служащий почты
- Порфирий Клименко, работник Демидовского винного склада
- Митрофан Тертычный, крестьянин

- Петр Калитенко, служащий киевского вокзала
- Фауст Савенко, крестьянин
- Архип Олейник, крестьянин
- Иосаф Соколовский, крестьянин
- Иван Перепелица, домовладелец на Вознесенском спуске
- Макарий Мельников, губернский секретарь

Вернемся к картине Ильи Ефимовича Репина «Заседание Государственного совета».

В левой части картины, кстати написанной учеником Репина Кустодиевым, мы видим обер-прокурора Синода, незабвенного, потому что крайне реакционного, политического долгожителя Константина Петровича Победоносцева. Он слуга трех господ, трех Романовых – Александров II и III и Николая II. И какой слуга! Благодаря ему была провалена первая русская Конституция накануне убийства Александра II, он не дал ее утвердить в первые дни воцарения Александра III. Он был поклонником полицейского воздействия, потому что в ином случае нужны были бы реформы. Витте говорит по этому поводу: «Это его, Победоносцева, великий грех, тогда бы история России сложилась иначе и мы не переживали бы позорную и подлейшую революцию-анархию».

У Победоносцева особые отношения как с Репиным, так и с Иваном Грозным.

В феврале 1885 года картина, известная под бытовым названием «Иван Грозный убивает своего сына», появилась на передвижной выставке в Санкт-Петербурге. Выставку посетил Александр III, и репинская работа ему понравилась. Победоносцев тоже сходил на выставку, насторожился и в тот же день, 15 февраля 1885 года, написал императору: «На передвижной выставке выставлена картина, оскорбляющая у многих правительственное чувство: трудно понять, какой мыслью задается художник, рассказывая во всей реальности именно такие моменты. И к чему тут Иван Грозный? Кроме тенденции известного рода, не приберешь другого мотива».

Всеслышащее ухо Победоносцева четко уловило то, что говорили, а вернее, думали посетители выставки, стоя перед картиной Репина. А они думали: «Ведь это цареубийство». То есть Репин, написав царя-убийцу, снял с него налет сакральности, святости, неприкосновенности. Он сделал его просто человеческим существом, преступившим нравственный закон. То есть царь – просто преступник, просто убийца.

Бдительный Победоносцев попал в точку. Потому что Лев Толстой после посещения выставки в письме Репину пишет про Грозного: «Он самый плюгавый и жалкий убийца. Хорошо, очень хорошо».

Пошли разговоры, что картину запретят. И действительно, когда выставка открылась в Москве, Третьяков получил уведомление от московского обер-полицмейстера:

«Милостивый государь, Павел Михайлович, Государь император высочайше повелел картину Репина не допускать до выставок и не допускать ее распространение в публичке».

Далее Третьякову, который приобрел картину, было предложено дать подписку об исполнении высочайшего указания.

В течение трех месяцев картина находилась в отдельной комнате. И лишь заступничество перед императором влиятельных лиц, иного, чем Победоносцев, сорта, сняло с картины запрет.

Такое ощущение, что сам Репин так до конца и не определился, что побудило его написать картину «Сыноубийца». Это ее оригинальное репинское название.

Иногда Репин говорил, что всех взволновало убийство Александра II 1 марта 1881 года, что через весь этот год прошла кровавая полоса и вот тут-то он и вспомнил про сюжет с Грозным.

А иногда Репин говорил совсем по-другому. Вот съездил он в Испанию, понаблюдал за зрителями на корриде, понял, насколько зрелище убийства и крови привлекает толпу. Приехал домой, написал кровавую сцену «Иван Грозный с сыном» и еще раз убедился в том, что картина крови имела большой успех.

Репинское заявление насчет толпы и крови заслуживает внимания. Оно кажется циничным, эпатажным, отдает массовой культурой XXI века, но это на первый взгляд.

Просто Илья Ефимович Репин – шестидесятник. Он сам себя так называл. Это понятие появилось в XIX веке, хотя привыкли мы к нему в XX. В XX веке шестидесятниками назывались люди, которые появились в культуре и политике после XX съезда партии, на волне хрущевской, постсталинской оттепели. Шестидесятники XIX века – дети эпохи Александра II, отменившего крепостное право. Но в обиход словечко «шестидесятники» вошло в жесткие времена Александра III. Шестидесятник Репин реформатора Александра II добрым словом не поминал, говорил о демократических идеалах вообще, зато часто вспоминал Гоголя. В чем был несомненно прав, потому что России в стабильную эпоху Александра III Гоголя остро не хватало.

После 1917 года письмо Победоносцева к Александру III по поводу «Грозного» было опубликовано.

Вот репинская реакция после ознакомления с письмом:

«Победоносцев – ничтожество, полицейский. А Александр III – осел, во всю натуру. Все яснее и яснее становится подготовленная им русская катастрофа. Безграмотный мужлан Распутин был сравнительно гений, он и составил достойный финал им всем, – завершилось, ведь сколько их предупреждали».

В продолжение темы – фрагмент из воспоминаний Репина:

«Однажды меня с художником Галкиным пригласили во дворец написать царицу Александру Федоровну. И вот вышла к нам немка. Выражение лица змеиное. Сидит и кусает надменные и тонкие губы. Я так и написал ее. Злой и беременной. Подходит ко мне министр двора и говорит: „Что вы делаете? Посмотрите сюда”. И показал мне портрет Галкина.

У Галкина получилась голубоокая фея.

„Простите, я так не умею”, – сказал я смиренно и попросил с поклонами, чтобы меня отпустили домой».

Что касается другой своей натуры, а именно «Бурлаков», то Репин и здесь был откровенен: «Должен честно сознаться, что меня нисколько не занимал вопрос быта и оплаты труда бурлаков. Меня это нисколько не занимает, нет».

Черт знает сколько лет спустя после написания картины «Бурлаки на Волге», а если точнее, то спустя 53 года, Илья Ефимович Репин пишет письмо Ворошилову. Дело было в сентябре 1926 года, после того как группа советских художников по поручению ГПУ приезжала к Репину и уговаривала вернуться на родину. Надо сказать, Репин никогда родину не покидал. Он задолго до революции поселился на даче в Финляндии, которая входила в состав Российской империи. Там и продолжал жить после того, как родина в лице большевиков на время, то есть до 1940 года, оставила Финляндию в покое. ГПУ обещало Репину в случае приезда в

СССР полный пансион. Оно же, ГПУ, посоветовало обратиться за дополнительной помощью к Ворошилову.

И вот Репин пишет:

«Высокопоставленный товарищ Климентий Ефремович!

Долго я не смел писать Вам, но необходимость заставила. Дело серьезное.

В жизни мне везло, и я никогда не просил. Мой труд меня обеспечивал, и я имел уже имение, собственную квартиру в Питере и, несмотря на разрастающуюся семью, имел уже в Государственном и Московско-Купеческом банках около 200 тысяч рублей золотом.

После 81 года жизни – ни имения, ни денег. Но у меня еще были друзья.

Стали звать меня в Питер, даже приезжали, говорили: „Хлопочите, вам возвратят ваше имение, деньги и квартиру в Питере“.

Простите.

Престарелый художник Илья Репин, автор „Бурлаков” и „Запорожцев”».

Надо сказать, картина «Репин пишет письмо Ворошилову» ничуть не уступает полотну «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Жалко, не написал Репин такого автопортрета. Ему шел уже восемьдесят второй год, да и ситуация была очень сложная. Об этой ситуации – в справке ГПУ в деле Репина. Речь идет о судьбе дочери Репина Татьяны Ильиничны, проживавшей в бывшем владении Репина под Витебском. В репинском доме в течение девяти лет бесплатно размещалась школа. Дочка Репина работала учительницей, пока не оставила работу по причине потери слуха.

СПРАВКА ГПУ

5 февраля с. г. у Репиной описано все имущество (включая надетое на теле белье, детские пеленки и т. п.) с предупреждением, что оно будет конфисковано. Т. И. Репиной было велено лично возить лес из Николаевского совхоза. Когда она явилась в сельсовет с заявлением о невозможности для нее выполнить предписанную работу, но с предложением воспользоваться ее лошадью, она была подвергнута обыску и оставлена до вечера под арестом. Одновременно был произведен обыск в доме (как и у всех обложенных индивидуальным налогом). 31 марта Т. И. Репина вызывалась в сельсовет для заполнения анкеты на предмет выселения в Сибирь.

Вот на таком фоне Репин написал Ворошилову. Ворошилов попросил совета у Сталина:

«Дорогой Коба!

Посылаю тебе письмо Репина для ознакомления. Очень прошу, если это тебя не затруднит, черкнуть пару слов по этому поводу. Жму руку. Ворошилов».

На письме резолюция Сталина:

«Клим!

Я думаю, что Соввласть должна поддержать Репина всемерно.

Привет. И. Сталин».

Ворошилов пишет Репину:

«...Надеюсь, что Рабоче-крестьянское правительство сделает все необходимое для удовлетворения Ваших требований».

Позже Ворошилов опять пишет Репину:

«Вашу личную жизнь и Ваших близких государство обеспечит полностью».

И еще Ворошилов пишет художнику Бродскому, любимому ученику Репина:

«Меня больше всего тревожит белогвардейское окружение Репина.

Действуйте, как хотите, но так, чтобы И.Е. был перемещен к себе на родину».

Репин в свою очередь пишет Бродскому, что гордится перепиской с Ворошиловым, что завещает отдать его письма в музей. Потом к Репину в Куоккалу командировали его старого знакомого Корнея Ивановича Чуковского. Вернувшись в Москву, Чуковский сказал, что Репин в СССР не приедет. В Финскую войну, когда Красная армия проходила через Куоккалу, в руки НКВД попали дневники Репина. Там была запись: «Приезжал Чуковский уговаривать меня вернуться в Россию. Очень не советовал».

На самом деле Ворошилову и Сталину не стоило огорчаться, что Репин к ним не приехал и не вздумал написать их портреты. Иногда у Репина с портретами выходило нескладно, в том смысле что частенько в портретах его была зловещая сила. Кого напишет, в ближайшие же дни умирает. Написал Мусоргского – Мусоргский тотчас же умер. Написал Пирогова – Пирогов умер. Захотел написать Тютчева – Тютчев сразу заболел и скончался. Написал Гаршина – тот бросился в лестничный пролет. Наконец, Репин получил заказ на Столыпина. Едва только Репин закончил портрет, Столыпин уехал в Киев, где его сейчас же застрелили.

Он вообще был очень противоречивый человек, Илья Ефимович Репин. Вот он вспоминает:

«Сейчас приезжал ко мне один покупатель. Я его отговорил: „Дрянная картина, не стоит покупать“. Он и уехал».

«Боже мой, какая мерзость!» – писал он об одной из своих работ.

Или:

«Я раз зашел в лавку, мне говорят: „Не угодно ли репинский холст?“

А я говорю: „К черту“».

С женщинами тоже резок был. Сам признавался, что ему наскучивают долгие привязанности: достаточно года, два – слишком много.

По отношению к жене себя считал свободным, но ее продолжал ревновать. Особенно к сыну знаменитого художника Перова, который написал «Тройку» и «Последний кабак у заставы». При этом стыдился осуждения Крамского и особенно Третьякова.

Репинские привязанности отличались чрезвычайным разнообразием. Чаще всего это были светские дамы, которых он писал. Бывали жестокие страдания, как в случае, когда он влюбился в свою ученицу Званцеву, которая заставила его немедленно забыть баронессу Варвару Ивановну Иксуль.

Родственники баронессы Иксуль по мужу запечатлены Репиным на заседании Госсовета. Сама Варвара Ивановна, после того как ее бросил Репин, была писательницей, издателем с благословения самого Толстого. Она, поклонница Горького, вызволяла его из-под ареста. В годы Первой мировой войны ей было уже за шестьдесят, она организовывала лазареты, кор-

мила неимущих, была сестрой милосердия непосредственно на поле боя. Награждена Георгиевским крестом.

Итак, после баронессы была Званцева. Ее Репин оставил ради княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, которая была спонсором Дягилева. А Мария Клавдиевна, в свою очередь, уступила место Наталье Борисовне Нордман-Северовой, у которой и дача в Куоккале.

Чуковский, часто гостивший в Пенатах, пишет в дневнике: «Иду мимо дачи Репина, слышу, кто-то кричит на всю улицу: „Дрянь такая, пошла вон!“ Это жена Репина кричит мадам Нордман. Увидела меня, устыдилась.

Дура и с затеями – какой-то Манилов в юбке. На зеркале, которое разбилось, она заставила Репина нарисовать канареек, чтобы скрыть трещину. Репин и канарейки! Это просто символ ее влияния на Репина. А вы бы посмотрели, какие у них клозеты! Даже будки собачьи Репин расписывал».

Илья Ефимович с Натальей Борисовной сперва увлекались вегетарианством, потом плотно занялись танцами.

Сестра Толстого Мария Николаевна долго не могла забыть пляски под граммофон, которые чета Репиных устраивала по ночам в Ясной Поляне над комнатой Льва Николаевича.

Художник Игорь Грабарь в своей книге о Репине, издания 1937 года, неприлично жестко отзывается о Наталье Борисовне Нордман: «Репин начал тяготиться ее опекой и не слишком огорчился, когда она уехала в Италию, где и умерла».

Казалось бы, ну кто такой Репин? Ну, великий русский художник. Но история, связанная с ним, на самом деле кое-что говорит о царствующей семье. Константин Петрович Победоносцев в своем письме императору Александру III о картине «Иван Грозный...» несколько передернул, когда написал, что и прежние работы Репина «отличались той же дурной склонностью и были противны». Он так писал, чтобы царь запретил картину. И добился своего: царь картину запретил.

На самом деле Победоносцев беззастенчиво вторгся в сложные семейные отношения в доме Романовых. Обратимся еще раз к «Государственному совету» Репина. На картине по правую руку от Николая сидит его дядя, великий князь Владимир Александрович. И ведь не кто иной, как именно он, воспитанник Победоносцева, заказал Илье Ефимовичу картину «Бурлаки на Волге».

В бытность свою еще не президентом Академии художеств, а вице-президентом Владимир Александрович пригласил Репина показать ему свои эскизы. Репин только что вернулся с Волги. В назначенный час работы были разложены на полу в конференц-зале Академии. Владимир Александрович сразу же указал на эскиз «Бурлаков» и произнес:

– Вот этот сейчас же начинайте обрабатывать для меня.

В 1917 году между Февралем и Октябрем на линолеуме Илья Ефимович Репин пишет, как теперь сказали бы, ремейк своей картины «Бурлаки на Волге» и называет ее «Быдло империализма». Эта картина практически никому не известна и висит на ремнях в запасниках музея в Тбилиси. Приводим репинское объяснение смысла этой картины:

«Быдло – слово польское. Означает оскотевшего раба. Быдло – глубоко развращенное существо. Обычно подхалимствует перед своими господами. Но быстро приходит к расправе над этими господами, если они слабеют».

Первый вариант «Бурлаков на Волге», написанный по заказу одного из Романовых, был выставлен в Академии в 1873 году. Великий князь отлично объяснял характер репинских персонажей. Он знал их поименно. Картина долго висела в его бильярдной, и он жаловался Репину, что стена вечно пустует, потому что все просят у него «Бурлаков» на разные европейские выставки.

На этом фоне занятно выглядит мнение тогдашнего министра путей сообщения. Он доверительно говорил Репину: «Ну скажите, ради бога, какая нелегкая вас дернула писать эту нелепую картину? Да ведь этот допотопный способ транспортов мною уже сведен к нулю. Было бы патриотичнее не выставлять отрепанные онучи напоказ Европе на всемирных выставках».

Мнение другого министра путей сообщения, впоследствии министра финансов и премьер-министра Сергея Юльевича Витте, насчет картины Репина «Бурлаки на Волге» неизвестно. Витте также запечатлен Репиным на заседании Госсовета. Корней Иванович Чуковский вспоминает слова Репина о Витте: «Он гениальный человек».

В значительной степени благодаря усилиям этого государственного человека российский 1913 год стал тем, чем он стал. Именно 1913 год, а точнее экономическое состояние России в 1913 году, долгие советские годы неотвязным призраком преследовал советскую историческую и экономическую науки. Все годы пышного цветения советской власти мы сравнивали свои экономические показатели с 1913 годом; вопреки убегающему времени, 1913 год маниакально преследовал нас, пока само упоминание о нем не превратилось в крамолу.

В 1913-м Россия превратилась в индустриальную державу и прочно заняла 4-е место в мире. Темпы роста производства составляли 19 процентов в год.

Прирост населения в 1913 году составлял 16 процентов. Самый высокий прирост населения в Европе. На 56 процентов Россия собственными силами удовлетворяла внутренние потребности в станках и оборудовании.

Опережающими темпами развивались химическая промышленность и энергетика. Расходы по Министерству народного просвещения с 1900 по 1913-й возросли в 5 раз, составив в 1913 году 14,6 процента бюджетных расходов.

Если пересчитать цены и зарплаты 1913 года применительно к ценам и зарплатам 1985 года, мы получим:

- профессиональный рабочий получал ежемесячно около 2000 рублей;
- чернорабочий – 600–700 рублей;
- специалист-инженер – 20 000 рублей.

Теперь давайте вспомним наши зарплаты в 1985 году. Предел мечтаний классного дипломированного специалиста со степенью – 280–320 рублей. Средняя зарплата 100 рублей. При этом продуктов нет, все с черного хода и с переплатой.

В 1913-м внутренние российские инвестиции успешно конкурируют с иностранными. Иностранцы стремятся к получению российского гражданства.

Академик Станислав Густавович Струмилин – между прочим, академик с 1931 года, лауреат Ленинской и Государственной премий – свидетельствует, что заработки рабочих в крупной промышленности занимали второе место после американских.

Вот его выкладки:

Средний годовой заработок в обрабатывающей промышленности США в 1913 году достигал 573 долларов в год. Или 1,84 доллара в день.

В пересчете на русскую валюту его дневной заработок составлял 3 рубля 61 копейку.

В России, по данным 1913 года, средний годовой заработок рабочих составлял 300 рублей. То есть – 1 рубль 16 копеек в день.

Отсюда обычно делался вывод о резком отставании уровня жизни российских рабочих. И это было бы так, если не сравнивать цены на продукты в Штатах и в России. Но вся беда в том, что в Штатах в 1913 году продукты были в три раза дороже, чем в России. Тут и выясняется, что зарплата российского рабочего в 1913 году была только на 15 процентов ниже, чем у американского собрата.

Вот некоторые цены на продукты в 1913 году в Петербурге. Обращаю ваше внимание, цены даются за пуд, то есть за 16 килограммов каждого продукта.

- Мясо (первый сорт) – 9 рублей 38 копеек за пуд.

- Свинина (первый сорт) – 8 рублей 22 копейки за пуд.
- Караси мороженые – 8 рублей 48 копеек за пуд.
- Куры (первый сорт) – 1 рубль 93 копейки за пару.
- Хлеб ржаной – 3 копейки за фунт (русская мера веса, равная 409,5 г).
- Яйцо – 30 копеек за десяток.

А теперь зарплата в Петербурге в том же году. Зарплата за один день.

- Землекоп – 1 рубль 50 копеек.
- Кузнец – 2 рубля 26 копеек.
- Слесарь – 2 рубля 63 копейки.
- Чернорабочий – 1 рубль 24 копейки.

Повторяю, зарплату мы приводим за один день, а цену продуктов – за пуд. Если учитывать, что ни чернорабочий, ни слесарь в день не съедали пуд карасей, то картина, в общем, ясна. Справедливости ради добавим, что разброс цен и зарплат в России, как и сейчас, был значителен.

Теперь о перспективах России в оценках иностранных специалистов.

Если у России дела пойдут так, как они шли между 1900-м и 1912-м, то к середине XX столетия Россия будет доминировать в Европе в политическом, экономическом и финансовом отношении.

Отдельный прогноз в отношении сельского хозяйства.

Еще 25 лет мира и 25 лет землеустройства в либеральном направлении, предпринятом в рамках Столыпинской реформы, и Россия делается другой страной.

25 лет мира не оказалось. Мирного времени оставался год. Даже меньше.

Экономический подъем страны позволил расходувать огромные средства на армию и флот. В 1913-м между российскими и французскими генералами уже вовсю идет дискуссия на крайне захватывающую тему: генерал Жоффр объявляет, что Франция на 10-й день мобилизации после объявления войны сконцентрирует на позициях 1,5 миллиона человек. В ответ генерал Жилинский обещает, что в следующем, 1914 году Россия на 13-й день мобилизации бросит против Германии 800 тысяч человек.

После поражения в Русско-японской войне Россия преодолела комплекс проигравшего. И вновь становилась великой военно-морской державой. Однако отставание ее в военной области от Германии было фатальным.

Странное дело. Несмотря на отменный фон, связанный с экономическим подъемом, несмотря на спад террористической волны, последним в которой было убийство премьера Столыпина, несмотря на нехудшую, скажем так, редкую для России ситуацию, празднование 300-летия династии оставило у Романовых невеселое впечатление.

Сестра Николая Ольга говорит: «Все было вымученным».

Действительно, императрица настолько выбилась из сил в череде мероприятий, что на балу в петербургском Дворянском собрании чуть не упала в обморок.

По Волге государь поплыл без нее. И все вроде бы было как надо. Действительно, толпы крестьян выходили поглазеть на царя, некоторые от любопытства даже заходили в воду и стояли чуть ли не по пояс в воде.

Действительно, отдельные неуравновешенные люди падали на колени, чтобы поцеловать тень императора, когда он проходил мимо. Но великий князь Гавриил Константинович, наблюдавший все это, пишет: «Да, приглашенная публика на улицах и в театре кричала „ура“, но настроения не было. Все по-казенному».

Императорская семья в Костроме жила на двух пароходах. По утрам пили кофе в столовой. Великий князь Сергей Михайлович был все время не в духе и мрачно сидел за столом в старой генерал-адъютантской фуражке. Он вообще плохо одевался. Сергей Михайлович – сын двоюродного деда царя, Михаила Николаевича. И он представлен на репинском «Госсовете».

В 60-х годах прошлого века его правнуку князю Давиду Чавчавадзе, капитану армии США, работавшему в ЦРУ, после очередного развода хотели сосватать одну даму, недавно покинувшую Советский Союз. Трижды разведенный князь отказался от знакомства. Дама, которую ему сватали, была Светлана Сталина.

В 1913-м в Москву государь прибыл поездом на Александровский, ныне Белорусский, вокзал. Дальше по Москве верхом. Перед государем шел взвод собственного Его величества конвоя в конном строю. Войска стояли шпалерами. Государыня ехала с наследником, волновалась, лицо все в красных пятнах было. Великая княгиня Елизавета Федоровна ехала с великими княжнами.

Тверская улица, по которой двигалось шествие, была посыпана желтым песком, столбы – украшены цветами и флагами. Московское дворянство в Благородном собрании дало бал. Для императрицы был специально сделан лифт, потому что из-за больного сердца ей было трудно подняться по лестнице.

Великий князь Гавриил Константинович в воспоминаниях резюмирует:

«Не чувствуется, что Россия празднует юбилей своей династии. Я вынес впечатление, что юбилей Романовых прошел без подъема, и объясняю это тем, что революция уже начинала чувствоваться в воздухе».

На самом деле последним беззаботным романовским праздником был так называемый исторический бал в январе 1903 года в Зимнем дворце. Все последующее – после бала. Началась война с Японией, потом революция, террор, потом война и конец. Так что бал 1903 года можно действительно считать официально последним и в силу этого историческим. Хотя название свое он получил по иной причине. Дело в том, что 416 приглашенных должны были явиться в Зимний дворец в придворных костюмах XVII века. И они в этих костюмах явились. Мысль о костюмированном бале пришла в голову императрице 29 декабря 1902 года, во время завтрака с сыном поэта Жуковского Павлом Васильевичем и министром двора бароном Фредериксом.

Сам Фредерикс будет в костюме Богдана Хмельницкого.

Между ними затеялся спор о целесообразности петровской реформы русского костюма. Жуковский говорил, что русский костюм эстетически приятнее дворцовых мундиров. Тут-то и решили превратить один из балов в исторический. Высший свет в полном составе ринулся в петербургские и московские картинные галереи, всматривался в фамильные портреты, листал исторические труды. В эти дни отмечена рекордная посещаемость музеев.

Сто человек сразу отказались от участия в бале. Стоимость изготовления костюмов была очень высока. По решению министра двора часть костюмов шилась в мастерских Императорских театров. Кроме того, у гвардейских офицеров, особо стесненных в деньгах, администрация Императорских театров обещала выкупить костюмы после бала. Так как разнообразные исторические балы в России не были редкостью, приглашенные извлекали многое из сундуков и одалживали друг у друга. Так, барон Теофил Егорович Мейендорф собрал свой костюм воеводы из армии князя Пожарского по знакомым: желтые сапоги, шлем с подшлемником – у Шереметева, блестящую кольчугу и воротник – у Бобринского, парик с буклями – у некоей Ольги, а меч был его собственный.

Костюм графа Шереметева весил два пуда. Он записал это в дневнике вместе с проклятиями.

Великая княгиня Ксения Александровна рыдала: «Все утро прилаживаю алмазы к кокошнику. Больше никаких сил нет. Я как загнанная лошадь».

Все участники после бала по желанию императрицы были сфотографированы.

Может показаться грубым, но в исторической ретроспективе этот безумный и красивый бал в Зимнем – не что иное, как Последний Кабак у Заставы. Да и нет тут ничего грубого.

Это словосочетание уже было к тому времени введено в русский культурный обиход художником-передвижником Перовым, к сыну которого так ревновал свою жену Репин.

1914

Принято считать, что убийство австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараеве в июне 1914 года было лишь поводом для мировой войны. Причины же войны заключались в жесточайшем экономическом соперничестве между Англией и Германией, в борьбе за рынки и во внутренних противоречиях капитализма.

А вот хороший русский писатель и блестящий историк Марк Алданов говорит: «По случайности, в 1914 году судьбы мира были в руках двух неврастеников». Первый из них – германский император Вильгельм, второй – министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Леопольд Бертольд фон унд цу Унгаршиц. Когда в Сербии убили австрийского эрцгерцога Фердинанда, граф Бертольд, который славился честолюбием, лично написал Сербии ультиматум. И не показал его своему патрону – австрийскому императору Францу Иосифу, которому было 84 года, который больше всего боялся пожара от короткого замыкания и который слышать не хотел о войне. Честолюбие Бертольда тут уж явно было удовлетворено, потому что именно его ультиматум стал первым шагом к мировой войне.

С честолюбием первого европейского неврастеника кайзера Вильгельма все было в порядке и без войны. Германия процветала, он выдал замуж дочь, на свадьбу приезжали английский король и русский царь. Свадьба прошла весело и без политических разногласий.

28 июня 1914 года, когда Вильгельм был на регате в Киле, к его яхте подошла шлюпка. Стоящий в ней адмирал Мюллер держал в руках какую-то бумагу, но так как причалить не мог, он положил ее в портсигар и бросил на борт. В ней было сообщение об убийстве эрцгерцога.

Вильгельм любил эрцгерцога и его жену, к тому же он был всемогущ и по сравнению с австрийским министром иностранных дел мог позволить себе все. Кроме того, ему сказали, что 12 сербских террористов поехали в Вену, чтобы убить его во время похорон эрцгерцога. Кайзер на похороны не поехал. Он сказал, что с сербами надо покончить немедленно. Это само собой разумеется.

Никто не сказал ему, что это не совсем само собой разумеется и войной с Сербией действия сербских террористов не прекратит. Но, может быть, и не было желающих ему это сказать. Многим образованным людям в то время в Европе казалось, что ничего страшного не произойдет, если случится война. Другое дело генералы. Они думали, что будет беда, если войны не случится. И не только германские генералы, но и французские союзники русских генералов. К тому же германский канцлер сказал британскому послу, что договор о нейтралитете Бельгии – это клочок бумаги. А значит, путь на Францию открыт. Посол сообщил об этом в Лондон, добавив, что кайзер «в большой агитации от вина и говорил безостановочно 20 минут подряд».

В эти дни ходил анекдот: ключник потустороннего мира, апостол Петр, встречает эрцгерцога Фердинанда: «Ваше высочество, за вами сюда ожидается большая свита».

Особенно много народу ожидалось из России.

В фильме «Дом, в котором я живу» есть знаменитый кадр – главные герои идут по улице, а в конце ее встают цифры «1941». Мы всегда эмоционально реагируем на этот кадр. На самом деле с ничуть не меньшим, а может быть, и большим правом на нашу трагическую память могут претендовать цифры «1914». В 1914-м начались события, после которых рухнула огромная страна Россия. Первая мировая война начинает и возглавляет эту череду событий.

Первую мировую войну называют еще Великой войной. В этом названии – масштаб трагедии, количество жертв, перекройка карты Европы, страшная цепь последствий – большевизм, фашизм и, наконец, Вторая мировая война.

В самой комбинации цифр «1914» и «1941» есть что-то мистическое.

Император Николай Александрович Романов, к 1914 году уже двадцать лет как царствующий в России, был склонен к мистицизму. Число современников, свидетельствующих о его мистицизме, может конкурировать только с теми, кто пишет о нем как о глубоко верующем человеке. Мистицизм и христианская вера, казалось бы, несовместимы друг с другом. Но точкой их пересечения в душе российского императора оказалась его непостижимая убежденность в том, что он, Николай Александрович, действительно помазанник Божий на российской земле.

В течение двадцати лет правления Николая Россия отказывалась с этим соглашаться. Ходынка, разгром в Русско-японской войне, 1905 год, испуг до полного безвластия, тотальный эсеровский террор авторитет Николая не укрепили. Затем Столыпин шесть лет вместо царя осуществлял управление страной в качестве кризисного менеджера. Потом Столыпина убили. Николай не воспринял это как трагедию, тем более как национальную трагедию. Но исчезновение с российской политической сцены такого сильного персонажа, как Столыпин, также не повысило самооценку Николая. Его личные впечатления от первого десятилетия российского XX века были кошмарными и настолько подавляющими, что мысль о себе как о Божьем помазаннике должна была отступить.

Однако соблазн пришел с самой неожиданной стороны. Благодаря внятной экономической и финансовой политике нелюбимых Николаем премьеров Витте, Столыпина и Коковцова Россия была на мощном экономическом подъеме. Так вот, оказалось, что экономический подъем – это невероятное испытание для лидера страны, задавленного комплексами собственных неудач. В особенности если речь идет о самодержце гигантской страны со стремительно растущим населением. Женщины рожают детей, то есть солдат, доходы страны растут, инстинкт государственного самосохранения ослабевает. К тому же государь прежде всего человек военный. Он ценит свое военное образование и говорит, что свободнее всего чувствует себя среди военных.

В 11 часов утра 29 января 1914 года к премьер-министру с двухлетним стажем и уже десять лет как министру финансов Владимиру Николаевичу Коковцову явился курьер и передал небольшого формата письмо от государя.

Это было увольнение с должности в следующих высочайших формулировках:

*«Владимир Николаевич!
Не чувство неприязни, а давно и глубоко осознанная мною
государственная необходимость заставляет меня высказать Вам, что мне
нужно с Вами расстаться.
Быстрый ход внутренней жизни и поразительный подъем
экономических сил страны требуют принятия ряда решительных мер, с чем
может справиться только свежий человек».*

Кстати, о свежести. На место Коковцова был поставлен Горемыкин, ему в этот момент стукнуло 75 лет, в премьерское кресло Николай сажает его по второму заходу. Первый раз он его заменил Столыпиным. Так что если осетрина по-булгаковски, как известно, бывает только одной свежести, то по-царски у премьер-министра легко может быть две свежести и более. Горемыкин известен как крайне несамостоятельный чиновник, находящийся в постоянном ожидании указаний от Николая.

Но вернемся к отставке Владимира Николаевича Коковцова.

В 11 утра в пятницу 31 января 1914 года он вошел в кабинет государя.

Государь, только вернувшийся с прогулки, быстро пошел навстречу Коковцову, подал ему руку и, не выпуская его руки, стоял молча и смотрел ему прямо в глаза.

Современники отмечали, что, когда Николай бывал взволнован, он беспрерывно курил и смотрел себе под ноги. Коковцову Николай смотрел в глаза.

Потом он обнял его, два раза поцеловал и пожаловал графский титул. Потом опять поцеловал. Далее государь объявил, что назначает бывшему премьеру в виде заботы 300 тысяч рублей для единовременной выдачи. Коковцов отказался. «Ну, что же делать», – сказал государь, обошел вокруг стола, опять взял Коковцова за руку. Глаза его были полны слез. Коковцов поцеловал его руку, он поцеловал Коковцова в губы и прибавил: «Так расстаются друзья».

Такова эмоциональная составляющая воспоминаний Коковцова о прощальной аудиенции. Теперь об эмоциях несколько иного свойства. Премьер-министр, он же министр финансов, был убежденным противником войны и единственной преградой на пути возрастающего влияния военного ведомства. Когда Николай 31 января 1914 года со слезами и поцелуями сдавал Коковцова, он не мог не отдавать себе отчета в том, о чем он плачет. В ином случае самообладание не покинуло бы его. А его самообладание стало легендой еще при жизни Николая, вызывало толки об «азиатском фатализме».

На самом деле это выдержка, которая давалась воспитанием. Вроде бы неуместное сравнение, но так выпускницы Смольного института в сталинские времена, стоя с передачей мужьям в тюремных очередях, умели на людях скрывать свои чувства. Вероятно, именно по причине внешней сдержанности и фотографии Николая не оставляют какого-то определенного впечатления. Он хорошо выглядит, аккуратен, нельзя представить себе, чтобы он повысил голос. Кажется, что он должен быть педантичным, должен любить свежий воздух и порядок. На этом фоне чем-то из ряда вон выходящим кажется привычка Николая запивать портвейном не только сыр и десерт, но и горячие блюда.

Так что слезы при отставке премьер-министра – это однозначно ЧП, чрезвычайное положение.

Мать Николая, вдовствующая императрица Мария Федоровна, прочитала 30 января в газете об увольнении Коковцова. В тот же вечер, встретившись с сыном в театре, задала ему вопрос: «Зачем ты это сделал?»

И получила ответ государя:

«А ты думаешь, что мне это легко? Когда-нибудь в другой раз я расскажу тебе все подробно, а пока я и сам вижу, что не трудно уволить министра, но очень тяжело сознаваться в том, что этого не следовало делать».

Мария Федоровна рассказала об этом разговоре при встрече Коковцову и добавила:

«Мы идем верными шагами к катастрофе. Государь слушает только льстецов. Я сама скорее чувствую инстинктом, но не умею ясно представить себе, что именно нас ждет».

Председатель российского правительства считал гонку вооружений опасной до последней степени. Гонка вооружений вселяет в массовое сознание мысль о том, что война неизбежна. Волна нервного возбуждения при этом поднимается так высоко, что захлестывает даже самых убежденных противников войны. Все это российский премьер-министр излагал еще в июне 1912 года германскому канцлеру Бетману-Гольвегу во время встречи в верхах между российским и германским императорами. Канцлер в свою очередь заметил, что Россия еще в 1910 году приняла так называемый мобилизационный план номер 18, рассматривающий Германию в качестве потенциального врага. Это было чистой правдой. Государь подписал этот план с подачи военного министра, и вероятный противник был высочайше утвержден. Суть плана в следующем. Мы не бьем врага сразу. Мы заманиваем его все дальше и дальше в глубь

нашей территории, там, в глубине России, армия пополняется призванными из запаса и тогда уже переходит в наступление и гонит врага с родной земли. Подобный план, во-первых, несомненно, дает представление о том, что российский царь владеет огромной территорией, ему есть куда заманивать.

Во-вторых, лавры Кутузова с его вынужденным маневром образца 1812 года не дают покоя. При этом о сдаче Москвы Наполеону никто не вспоминает. А в-третьих, Германия ответила в 1911-м введением чрезвычайного военного налога и новой могучей программой вооружения.

В 1912 году российской военный министр, в свою очередь минуя председателя правительства и Думу, которая утверждает военный бюджет, напрямую выходит на Николая с требованием денег. Ввиду быстрого вооружения Германии нам нужен единовременный кредит в 350 миллионов рублей плюс добавлять министерству 100 миллионов рублей ежегодно. Имя министра финансов Коковцова, который считает, что гонка вооружений подрывает финансовую стабильность страны, – синоним врага народа. Министр финансов отвечает военному министру: «Хорошо, у меня есть свободные 450 миллионов рублей, я отдам их, но я попрошу помощи у государя. Пусть государь повелит своим именем всем гражданским министрам, чтобы они не просили денег». Это означало – деньги пойдут только на войну. Государь ответил очень просто: «Представьте мне завтра проект моего повеления об этом всем министрам, и я подпишу его с большой радостью».

Через год в Петербурге, во время встречи начальников генеральных штабов России и Франции, генерал Жоффр в светской беседе с российским министром финансов Коковцовым не без ехидства заметил, что завидует русскому военному министру Сухомлинову, потому что тот всегда может получить денег столько, сколько хочет. В ответ Коковцов показал Жоффру один финансовый документ, и генерал Жоффр собственными глазами увидел, что у русского военного министра налицо 200 миллионов рублей, то есть 500 миллионов франков, неиспользованных кредитов. Раскланиваясь с генералом Жоффром, Коковцов заметил: «Если должностное лицо не крадет деньги – это еще не достижение, потратить их вовремя и на дело – вот искусство».

В 1913-м на совещании у государя по вопросам внутренней и внешней политики с участием премьер-министра, министра иностранных дел, министра внутренних дел, начальника Генштаба и пары великих князей военный министр поставил вопрос об увеличении призыва. Премьер, он же глава Минфина, был против: «Призыв составляет у нас 570 тысяч человек. Увеличение на 120 тысяч гладко не пройдет». Тут от силовиков поднялся министр внутренних дел Маклаков. Его речь свелась к следующему: не следует бояться увеличивать призыв, наоборот, надо стремиться к тому, чтобы все молодые люди проходили через армию, потому что армия воспитывает и возвращает народу окрепшие физически и морально кадры.

К лету 1914 года, то есть к началу войны, Россия пришла с армией мирного времени в 1 миллион 423 тысячи человек. После мобилизации она составила 5 миллионов 338 тысяч человек. У Германии до объявления войны армия насчитывала 761 тысячу человек, после мобилизации – 2 миллиона 415 тысяч. У России на момент войны было 7088 артиллерийских орудий, а у Германии – 6528. Винтовок у России – 5 миллионов штук, у Германии – столько же. У России – 263 аэроплана и 4100 автомобилей, у Германии – 232 и 4000. Если сравнивать экзотические средства ведения войны, то у России – 14 дирижаблей, а у Германии – 15. Правда, у Германии 12 000 пулеметов, а у нас – 4100, да тяжелых орудий у Германии 2076, а у нас – 240. Но это пустяки. Нагоним.

Мысль о военном паритете с Германией создавала ощущение государственного благополучия. Хотелось чего-то дерзкого и великого. Масла в огонь подливали союзники: «Россия – европейский паровой коток». Кавалерийская лава казаков производит сильнейшее впечатление на европейские умы. Газетные художники рисуют казаков в подробнейших деталях. «Рус-

ские ресурсы настолько велики, что Германия будет истощена без нашей помощи России», – сказал министр иностранных дел Великобритании сэр Эдвард Грей в апреле 1914 года президенту Франции Пуанкаре.

Надо сказать, что сэр Эдвард Грей в это время уже катастрофически быстро терял зрение и к тому же находился в глубокой депрессии после смерти жены. Российский лидер Николай Романов был бодр, жена была рядом, но политическое зрение было никудышным. Из всех возможных целей он сфокусировал его на мысли, что Россия – великая военная держава. Эта мысль была очевидна и его отцу, императору Александру III, но тот 14 лет своего правления не втягивал страну в военные конфликты. Как-то раз, когда Александр III ловил рыбу на берегу Финского залива, адъютант принес ему телеграмму из Европы, на что государь кратко и емко ответил: «Когда русский царь ловит рыбу, Европа может подождать». По наследству вместе с тронном своему сыну Александр не передал выдержку рыбака.

Экс-премьер Витте высказал крамольную мысль: «В интересах России не следует пытаться играть лидирующую мировую роль, целесообразнее отойти во второй ряд мировых держав, организовывая тем временем страну, восстанавливая внутренний мир». Но уж чего не было у Николая, так это связи между внутренней и внешней политикой. В остальном все просто:

26 июня в Сараеве убит австрийский эрцгерцог Фердинанд.

20 июля – во Франции прекращены отпуска командного состава.

23 июля – Австро-Венгрия предъявляет ультиматум Сербии.

25 июля – Сербия объявляет мобилизацию.

Все еще надеются на мирный исход, а Ленин 25 июля уже пишет Инессе Арманд: «Мой дорогой, очень дорогой друг, все мои помыслы – о революции, которая начинается в России». В тот же день, когда Ленин написал это письмо, а французский президент Пуанкаре находился с визитом в Петербурге, свое письмо бабушке Марии Федоровне, жене Александра III, написал ее внук Алексей, сын Николая II: «Милая бабушка, президент Пуанкаре подарил мне чудный письменный прибор. Сегодня все – мама, папа, сестры – на параде. Любящий тебя Алексей».

28 июля – Австро-Венгрия объявляет войну Сербии.

29 июля – бомбардировка Белграда.

29 июля – Россия объявляет частичную мобилизацию.

31 июля – начало всеобщей мобилизации в России и Австро-Венгрии.

31 июля – Германия предъявляет России ультиматум: не прекратите мобилизацию – будет война. Ультиматум истек 1 августа в 12 часов дня. Николай не дал Вильгельму никакого ответа.

1 августа 1914 года Николай и его сестра великая княгиня Ольга присутствовали на смотре войск в Красном Селе. Ольга спросила у брата, следует ли ей остаться, чтобы в случае объявления войны лично проводить на фронт Ахтырский гусарский полк, шефом которого она была.

«Не беспокойся, душка, – ответил император. – Войны не будет. Поезжай домой».

Великая княгиня Ольга уехала в Петербург. Она принимала ванну, когда от Николая прибыл курьер и сообщил, что Германия объявила войну.

В 19:10 германский посол Пурталес явился к российскому министру иностранных дел Сазонову и от волнения вручил ему два варианта германского ответа. В случае, если Россия прекращает мобилизацию – мир, если не прекращает – война. Российский министр иностранных дел ответил:

«Я имею мужество взять на себя ответственность за войну, которая сделает Россию сильнее, чем когда-либо».

В ночь с 1 на 2 августа Николай вызвал к себе английского посла Бьюкенена и работал с ним с 11 вечера до часа ночи. В его присутствии он составил длиннейшую телеграмму английскому королю Георгу. Во втором часу ночи Николай зашел к императрице выпить чаю, после чего принял ванну и направился к себе, когда его догнал камердинер Тетерятников с телеграммой от императора Вильгельма. Через несколько часов после объявления войны России Вильгельм все еще в последний раз пытался убедить Николая не втягивать Россию в войну.

Судьба под видом камердинера Тетерятникова окликнула Николая в момент, когда он взялся за ручку двери своей спальни. Почему же фаталист Николай не прислушался к судьбе, когда она схватила его за рукав? Он же обязан был знать, что армии Самсонова и Ренненкампа, которые пойдут в Восточную Пруссию для отвлечения германских сил с Западного фронта, то есть для спасения Парижа, так вот, эти две русские армии пойдут без координации, без связи. По радио сообщения будут посылать открытым текстом, что называется клером, чему немцы крайне удивятся и будут черпать из них полную информацию. Генералы Самсонов и Ренненкампа не разговаривали друг с другом еще со времен Русско-японской войны. Николай лично остановил дуэль между ними. Николай должен был знать, что связь между командующим Северо-Западным фронтом Жилинским и командующими армиями будет осуществляться невероятным образом. От Жилинского адъютант на автомобиле едет на почтамт в Варшаву, отправляет телеграмму генералу Самсонову, потом опять за сотню километров едет туда же за ответом. Великий князь Олег Константинович, воевавший у Ренненкампа, пишет в дневнике:

«Обоз далеко. Все остались без кухни, без ничего. 14 дней в одном белье. (Это великий князь!) Я сам зарезал 20 кур. У солдат нет табака, папирос. Делюсь с ними тем, что присылают из дома».

Из дома, то есть от великого князя Константина Константиновича. У него, помимо Олега, в гусарском эскадроне воюют еще два сына – Гавриил и Игорь. Из воспоминаний Гавриила:

«Кони бредут по брюхо в вязком болоте, падают, затягиваются топью, исчезают. Гусары без коней ползут по болоту, некоторых больше не видно на поверхности. Игоря затянет до самого подбородка, над топью только голова и поднятые руки. С трудом вырвал его. Немцы, увидев, что мы тонем, ушли дальше».

Великий князь Олег будет смертельно ранен и скончается 22 лет от роду. Похоронен в Осташеве, на высоком берегу Рузы.

Многие приезжающие с фронта говорят о мародерстве. Солдат за мародерство секут. Ренненкампа мародеров нещадно расстреливает.

В газету «Киевская мысль» была прислана корреспонденция о безобразиях казаков в Галиции. Напечатали. Везде вместо слова «казаки» поставили «немцы». Когда редактору задали вопрос по этому поводу, он ответил: «Живем мы в России, и все знают, что под немцами надо подразумевать казаков».

Армия Самсонова в Восточной Пруссии будет окружена и разбита к 30 августа. 30 тысяч солдат будут убиты, 92 тысячи попадут в плен. В Германию отправят 60 поездов с трофеями. Генерал Самсонов покончит с собой, хотя война предоставляет другие возможности расстаться с жизнью.

Ренненкампа все это время будет бездействовать. Командующий фронтом Жилинский не будет координировать действия армий. Ренненкампа начнет самостоятельное отступление. Потеряет 145 тысяч человек, значительную часть армии все же сбережет.

Самсонов и Ренненкампа – лучшие генералы, которых сможет выставить русская армия.

С августа по декабрь 1914 года Россия потеряет 1 миллион 350 тысяч убитыми, ранеными и военнопленными.

В октябре Николай с наследником, десятилетним Алексеем, на месяц отправится из Петербурга в поездку по прифронтовой полосе. Раздача Георгиевских крестов, посещение перевязочных пунктов. Под Ровно, стоя перед строем солдат, Николай попросит поднять руку тех, кто на войне с самого начала. Поднимутся несколько рук. Будут целые роты, в которых не поднимется ни одна рука. Это означает: те, кто ушел на войну в августе, – все убиты.

Николай в 1914 году вручит третий Георгиевский крест знаменитому герою-казаку Кузьме Крючкову. Между прочим, полный Георгиевский кавалер в России имел 136 рублей золотом в год, 100 десятин земли, потомственное дворянство, первый офицерский чин и освобождение от налогов. Советская власть такой социальной защиты своим героям не дает. Проводив всю Первую мировую, после революции, в начале 1918 года, Крючков создает белый партизанский отряд. Последний свой бой хорунжий Крючков ведет уже в составе Донской Белой армии. Красную армию в этом бою у станицы Островской представляют китайские наемники. Георгиевский кавалер Крючков ранен наемником пулеметчиком-китайцем. А ночью в хату, где умирал Крючков, явится пьяный командарм Буденный и заорет: «Встань, белая гнида!» Крючков плюнет ему в лицо. Буденный лихо зарубит лежащего перед ним смертельно раненого Крючкова.

С конца августа 1914 года в Большом дворце Царского Села открыт лазарет, названный «Собственным Ея Величества лазаретом». Императрица со старшими дочерьми Ольгой и Татьяной проходят курс сестер милосердия военного времени. Им преподает главный врач царскосельского госпиталя, хирург-орденоносец, специалист по полостным операциям княжна Вера Игнатьевна Гедройц.

В обязанности женской части семьи Николая входят перевязки и обработка ран, смена постельного белья раненым, они присутствуют на операциях, уносят ампутированные руки и ноги.

Позже для тяжело раненных солдат был открыт лазарет в Зимнем дворце. Под него отведены все парадные залы, за исключением Георгиевского. Снята часть картин и статуй, полы покрыты линолеумом.

Раненых вносили по Иорданской лестнице. В Николаевском зале – раненные в голову и позвоночник. В Восточной галерее – ранения в конечности. В Гербовом зале – ранения в брюшную полость и тазобедренный сустав. Самые тяжелые – в Петровском зале за ширмами. Операционная – в комнате за Александровским залом. Перевязка – в Фельдмаршальском. В каждом зале – до 200 человек. Работают отличные специалисты.

Сестрами милосердия руководит баронесса Иксуль. Большинство женщин русского высшего света честно вынесли на себе все тяготы работы в лазаретах. Потом они говорили, что нищая жизнь в эмиграции после работы в лазарете уже была не страшна.

Честь и хвала им. Но в государственном военно-санитарном ведомстве царит полный хаос. В 1914 году верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич настаивал на снятии с должности начальника этого ведомства некоего Евдокимова. Его не удаляли, так как он пользовался расположением военного министра Сухомлинова и императрицы. Говорили, что Александра Федоровна желала просто поступить наперекор свекрови.

23 августа в Москву привезли 9000 раненых. Валили на солому в лазарете университета Шанявского (теперь это РГГУ). Без пищи. Без врачей.

В военных госпиталях полная нехватка всего, раненые лежат полуголые. Земский союз присылает белье – военное начальство запрещает им пользоваться.

Когда в госпиталь приезжает царь, возникает полная мешанина.

В Лефортовском госпитале во время приезда царя построена стена, отделявшая тяжелобольных, чтобы царь их не видел. Госпиталь переполнен. Лишних быстро вывозили, несколько тысяч человек лежали неделю в вагонах на запасных путях.

Распоряжение военных властей: если русский офицер вовремя не оказался в палате, с него приказано снимать штаны. Мера о штанах прививается. В некоторых госпиталях сняты штаны с военнопленных врачей, которые помогают нашим врачам. Ходят в подштанниках. Сестры жались и сшили им теплые штаны за свой счет.

Трезвой оценки поражения в Восточной Пруссии никто не даст. Катастрофа на Восточном фронте будет прикрываться репортажами о победах на Южном и Юго-Западном фронтах. Министр Сухомлинов будет давать оптимистические интервью. Британский связной офицер при штабе армии Самсонова, очевидец ее трагедии, доложит Черчиллю, в то время военноморскому министру Великобритании:

«Главная беда России – в желании всячески приукрасить ситуацию».

Николай очень плохо разбирался в людях, но это свойство своего окружения он обязан был знать.

Сергей Юльевич Витте говорит об этом очень прямо: «Государь сие знал и допускал». И дальше: «Царь, не имеющий царского характера, не может дать счастья стране».

За год до войны бывшего председателя Государственной думы Александра Ивановича Гучкова интервьюировали как специалиста по общественному мнению. Вопросы были такие: Начинать войну или нет? Если будет война, произойдет ли революция? Гучков ответил, что война означает неизбежную революцию. Государь может рассчитывать на преданность только гвардейских полков.

В феврале 1914 года бывший министр внутренних дел в правительстве Витте П. Н. Дурново направил Николаю записку, в которой писал, что война смертельна и для России, и для Германии.

«В побежденной стране неминуема социальная революция. Она неминуемо перекинется и на страну-победительницу, потому что Германия и Россия слишком тесно и давно связаны. Особенно благоприятные условия для революции война создаст в России».

Как в воду глядел П. Н. Дурново (и про Россию, и про Германию). Николай читал его записку. Но и это не главное. Николай смог бы избавить Россию и от Первой, и от Второй мировых войн, и от революции в ночь перед началом войны, если бы в тот миг, когда он взялся за ручку двери их общей с женой спальни, он, российский император, подумал о своих детях – о четырех девочках и одном больном мальчике. Если бы он в этот миг отпустил бы на волю свои эмоции и во всю силу отцовских чувств представил себе их возможный кошмарный конец. Тогда он сквозь кровавую пелену ближайших четырех лет увидел бы, как он будет спускаться в подвал с сыном на руках, как у него отнимут сына и вместе с дочерьми поставят к стенке. Он отчетливо расслышал бы звуки выстрелов в его детей, услышал бы крик и стон родных голосов, рассмотрел бы, как его девочек будут добивать штыками и прикладами и еще дважды выстрелят в ухо его четырнадцатилетнему сыну.

Не выдерживает критики самый главный миф о Николае – миф о том, что он человек, который больше всего на свете любил свою семью. Если бы он умел любить своих детей, он уберег бы не только их, но и Россию.

Наутро 2 августа 1914 года Николай сообщил французскому послу Морису Палеологу:

«Я спал необычайно крепко. Когда я проснулся, я чувствовал себя так, как будто камень свалился с моей души. Я почувствовал, что все кончено навсегда между мной и Вильгельмом».

2 августа 1914 года, в 15.30, в Георгиевском зале был отслужен молебен, на котором присутствовало около 5 тысяч человек. Главным образом офицеры. Они в походной форме. По окончании молебна Николай объявил о начале войны:

«Офицеры моей гвардии, я приветствую в вашем лице всю мою армию и благословляю ее. Я торжественно клянусь, что не заключу мира, пока остается хоть один враг на родной земле».

Это заявление – точный повтор слов, которые Александр I произнес в 1812 году.

Потом государь пошел в залы, выходящие на Дворцовую площадь, и вышел на балкон.

При виде государя гигантская толпа, запрудившая Дворцовую площадь, упала на колени и запела «Боже, царя храни». Царь хотел что-то сказать, его сбило громовое «Ура!». Председатель Государственной думы Михаил Владимирович Родзянко, протискиваясь сквозь толпу, спросил у попавшихся ему рабочих, как же теперь будет с забастовками. «То было наше семейное дело; теперь мы пришли к своему царю как к знамени, и мы пойдем с ним во имя победы над немцами». Война была повсеместно встречена с каким-то опьянением. По поместьям крестьяне приходили к господам прощаться, то есть получать на чай. Крестьяне в ярких рубашках по-праздничному, некоторые в ясный летний день в лакированных калошах. Будущий глава Временного правительства Александр Федорович Керенский свидетельствовал: «Учитывая огромные просторы страны, результаты мобилизации внушительны – лишь 4 процента военнообязанных не прибыли в срок к месту приписки».

Война для России началась с погрома магазинов, принадлежавших русским немцам. На третий день громили германское посольство, привратник бежал на крышу и там был убит, толпа заполнила особняк, била стекла, выбрасывала в окна мебель, мрамор и бронзу эпохи Возрождения. К утру 5 августа жандармский полковник Сизов докладывал министру внутренних дел Маклакову: «Так что, ваше превосходительство, германцы начисто выгореть изволили».

31 августа указом Николая Петербург переименовали в Петроград. Некоторые владельцы немецких фамилий обратились к Николаю с просьбой о русификации своих имен. Николай не дал согласия.

Однажды княгиня Зинаида Николаевна Юсупова заметила государю, что общество раздражено на придворных «немцев».

«Дорогая княгиня, – ответил государь, – что же я могу сделать? Они любят меня. Правда, многие стары и выжили из ума, как бедняга Фредерикс. Третьего дня он подошел ко мне, хлопнул по плечу и сказал: „И ты, братец, здесь? Тоже зван к обеду?“»

8 августа состоялось историческое заседание Государственной думы. Присутствовали все министры и дипломаты дружественных держав. Выступление министра иностранных дел Сазонова было встречено овацией. В его голосе слышались слезы. Министр финансов Барн доложил Думе о блестящем состоянии финансов и о том, что хранившиеся в Берлине деньги были вовремя вывезены.

В это время Ленин направил Каменеву телеграмму. Он давал четкие инструкции. Депутаты-большевики должны в полном одиночестве заявить на заседании Думы, что они против войны и желают России поражения, потому что это приведет к гражданской войне и победе рабочего класса.

Вместе с Лениным война вызвала воодушевление у российского бизнеса. У него на это были свои, экономические причины.

Германский капитал доминировал на российском рынке в базовых отраслях. Еще до войны бизнес попытался воздействовать на власть с целью закрытия русского рынка для Германии. Такую экономическую политику приветствовали англичане.

Английская королева Виктория, бабушка русской императрицы Александры Федоровны, жены Николая II (англичане называли ее Аликс), правила Англией с 1837 по 1901 год. Если перевести на русские реалии, то это значит от Николая I до Николая II. Или от Пушкина до Блока. И ее правление составило в Британии целую эпоху, соответственно Викторианскую.

На Монпелье-сквер, в одном из старых уважаемых мест в Лондоне, английский писатель Джон Голсуорси поселил своего Форсайта, классического человека Викторианской эпохи. Форсайт и такие, как он, – собственники.

Трезвые, уверенные в себе, они уже избавились от тех комплексов, которые свойственны быстро разбогатевшим выходцам из низов. Их легендарный здравый смысл заставляет их презирать болтунов и радикалов, ценить стабильность, уважать труд и деньги. Эти люди к концу Викторианской эпохи, то есть к началу XX века, стали опорой Англии. Россия таких людей в нужном количестве не вырастила. И ей это дорого обошлось.

В 1914 году начинается короткий период политического единения русского бизнеса и русской монархии. Писатель Михаил Пришвин отмечает, что с началом войны в деревне исчезли хулиганы и черносотенцы. Дело в том, что в 1914 году вся Россия вмиг стала националистической. В довершение картины всеобщего патриотического подъема к Рождеству Священный Синод запретит елочку «как вражескую немецкую затею, чуждую православному народу».

С прискорбием надо сказать, что еще до того, как все завертелось, до того, как Австрия объявила войну Сербии, 26 июля в Петербурге уже прошла грандиозная уличная манифестация. Толпа кричала: «Да здравствует война!» 1905 год был забыт, Николай чувствовал, что он любим.

Русские офицеры полагали, что война продлится шесть недель, раздумывали, сразу ли брать с собой парадную форму для въезда в Берлин или ее вышлют на фронт с первым курьером. Немецкие офицеры, в свою очередь, рассчитывали 2 сентября завтракать в Париже. Очень осведомленный английский военный атташе в Брюсселе заявил, что имеются финансовые причины, из-за которых великие державы долго не продержатся. Он слышал это от премьер-министра, сказавшего, что так думает лорд Холдейн. В Петербурге пессимистов, которые говорили, что война продлится шесть месяцев, обвиняли в пораженчестве.

За год до начала Первой мировой войны умирает генерал-фельдмаршал Альфред фон Шлиффен, крупнейший военный теоретик, начальник Генштаба Германии до 1905 года. Он автор теории блицкрига, или молниеносной войны. Идея Шлиффена была в том, чтобы обходным ударом через Бельгию быстро разбить главные силы Франции и обрушиться на Россию. Именно этот план Шлиффена германский Бундесвер пытался реализовать и в Первую, и во Вторую мировую войну.

В 1914 году план молниеносной войны реализовывал начальник германского Генштаба Гельмут фон Мольтке. Генерал-полковник Мольтке был убежден, что война будет длительной и изнуряющей.

19 января 1917 года, в 11 часов утра, на аудиенцию к Николаю в Царское Село приедет отставленный в 1914 году экс-премьер Владимир Николаевич Коковцов. Когда он входит в кабинет, государь стоит у окна у самых входных дверей. Он не предлагает посетителю сесть. Внешний вид Николая таков, что Коковцов спрашивает о состоянии его здоровья.

Он страшно исхудал, лицо осунулось и покрылось мелкими морщинами. Глаза выцвели, полностью утратили темно-коричневый оттенок, белки совсем желтые. Взгляд постоянно переключался с предмета на предмет.

Коковцов произносит: «Ваше величество, те, кто видит вас часто, очевидно, не замечают вашей перемены».

Государь с беспомощным выражением лица отвечает: «Я здоров и бодр, мне просто приходится много сидеть без движения. Может быть, я неважно спал эту ночь. Вот пройду по парку и снова приду в лучший вид».

Государь не может вспомнить, зачем он вызывал Коковцова. Со странной бессознательной улыбкой он смотрит на собеседника, как будто ищет у него поддержки. Он совершенно растерян, молчание тянется слишком долго. Все продолжая улыбаться, государь говорит: «Я

не готов сегодня к разговору, я подумаю, напишу вам, и при следующем свидании мы уже обо всем подробно поговорим». С той же улыбкой государь подает Коковцову руку и сам отворяет дверь в приемную.

В приемной доктор Боткин. Коковцов обращается к нему: «Вы что, не видите, что государь накануне душевной болезни, если уже не в ее власти, и вы понесете тяжелую ответственность, если не примете меры». Доктор Боткин отвечает, что государь просто устал.

Это было за пять недель до Февральской революции. В 1918 году доктора Боткина расстреляют вместе с Николаем.

1915

Год 1915-й. Русская армия отступает. Отступление на фронте оборачивается немецкими погромами на фабриках, в магазинах и частных квартирах в Москве. В Цюрихе Ленин мечтает о перерастании мировой войны в гражданскую. Весной 1915-го в Берне в Швейцарии проходит женская конференция с участием Крупской, Клары Цеткин и жены Зиновьева Лилиной. Дамы мечту Ленина о гражданской войне не поддержали. Проголосовали за лозунг «Труженицы всех стран, объединяйтесь!».

В это же самое время старец Григорий Распутин совершает свой легендарный загул в ресторане «Яр».

В разгар Русско-японской войны и революции в 1905 году русский император Николай пригласил приехать из Парижа французского медиума доктора Пайноса. Целью этого приглашения было желание Николая посоветоваться с духом своего отца Александра III о средствах умиротворения страны.

Самым подходящим местом для вызывания духа сочли детскую наследника Алексея, которому не исполнилось еще и года. Дух Александра III якобы неизменно являлся во время медиумических сеансов. Николай, вероятно, чувствовал себя Гамлетом. Наследник Алексей, очевидно, духа деда не видел, потому что спал.

В своем дневнике Николай не оставил информации о советах отца, зато ноября 1905 года появляется запись:

«Пили чай с Милицей и Станой, познакомились с человеком Божьим Григорием из Тобольской губернии».

В свою очередь Божий человек Григорий из Тобольской губернии, то есть Григорий Распутин, позже делился своими воспоминаниями о знакомстве с первой российской четой:

«Когда революция подняла высоко голову, то они очень испугались. И давай складывать вещи, чтобы куда-то спрятаться. Я долго их уговаривал плюнуть на все страхи и царствовать. Все не соглашались. Я на них начал топтать ногою и кричать. Первая государыня сдалась, а за нею и царь. Царица подняла кверху руки и со слезами сказала: „Григорий! Если все люди восстанут на тебя, то я не оставлю тебя, не слушаюсь”».

Царица, не лишённая воли, свое слово сдержала. Но даже лишённый воли Николай остался в этом вопросе непоколебимым настолько, что, можно сказать, пожертвовал короной, лишь бы оставить около себя Распутина.

Распутин обращался с венценосной парой сурово, уверенно и непринужденно. Это почерк опытного дрессировщика.

Морис Палеолог, французский посол в России, писал, что царь и царица в красочном многословии Распутина слышали, как им показалось, «голос земли русской». Поэтому, не отрекшись от Распутина, последние Романовы в соответствии с русской трагической традицией в известном смысле отдали жизнь за народ. Вообще поразительно, что русский царь разделил классическое представление русской интеллигенции, во-первых, о народе, а во-вторых, о том, как надо его любить. В данном, романовском, случае им даже не пришлось ходить в народ. Народ в лице Распутина сам к ним пришел. Суть знаменитой гипнотической силы Распутина как раз и заключалась в том, что Романовы приняли Распутина за народ. Он и был плоть от плоти народа.

На допросе в ЧК, но не в знаменитой ЧК, а в первой, организованной Временным правительством после Февральской революции, 6 апреля 1917 года соратник Распутина, знаме-

нитый великосветский гомосексуалист князь Андроников, рассказал: «Распутин нашел великий князь Николай Николаевич. У великого князя заболела собака. Он приказал ветеринару, чтобы собака выздоровела. Ветеринар сказал, что у него есть заговорщик в Сибири, который может заговорить собаку. Заговорщика выписали. Оказался – господин Распутин. Случайно или нет, но факт, что собака не околела. Потом он вылечил невесту великого князя Николая Николаевича».

Как раз с ней, черногорской княжной Анастасией, в первом браке герцогиней Лейхтенбергской, а по-домашнему Станой, и с ее сестрой Милицей и пил чай Николай, когда впервые увидел Распутина. Именно эти две сестрицы притащили чудотворца Распутина во дворец.

Экс-премьер Витте конкретно указывает на главную цель черногорок в истории с Распутиным: «Прежде всего явилось у них желание раздобыть побольше денег. Вообще эти особы крепко присосались к русским деньгам». Впоследствии, в эмиграции в Антибе, великому князю Николаю Николаевичу было на что жить. Стана была бережлива. Распутин лично благословил брак великого князя и черногорки. И, надо сказать, не только в благодарность за пропуск в Зимний. Черногорки номер 1 и номер 2, Сцилла и Харибда русского двора, Стана и Милица были ему готовыми клиентами.

Отец убийцы Распутина Феликса Юсупова, Феликс Юсупов-старший, вспоминает: «Однажды в Крыму встретил великую княгиню Милицу в карете с каким-то незнакомцем. Я поклонился ей, но она на поклон не ответила. Позже я спросил ее почему. Она ответила: „Потому что вы не могли меня видеть. Ведь со мной был доктор Филипп. А он был в шляпе. А когда он в шляпе, он и его спутники невидимы”».

Шарлатан доктор Филипп был во дворце до Распутина. Распутин его сменил.

1915 год. Петербург. Из полицейских донесений.

24 НОЯБРЯ. Распутин пришел домой очень пьяный и сейчас же ушел.

Вернулся в два часа ночи совершенно пьяный.

3 ДЕКАБРЯ. Распутин ушел с квартиры и вернулся пьяный.

5 ДЕКАБРЯ. Распутин вернулся в три часа ночи пьяный.

7 ДЕКАБРЯ. Распутин вернулся домой в пять часов утра довольно пьян.

15 ДЕКАБРЯ. Распутин с подполковником Езерским отправился на моторе в ресторан «Вилла Родэ» и в два часа ночи наблюдением были там оставлены.

20 ДЕКАБРЯ. Распутин с секретарем митрополита Питирима Осипенко отправились в ресторан «Вилла Родэ». Распутин вернулся домой около семи утра мертвецки пьяный.

Декабрь 1915-го – месяц не исключительный. Полицейские донесения за весь 1915 год фиксируют столь же однообразную картину. Пьянство между тем никого не должно вводить в заблуждение.

Это просто одно из принятых условий игры. Сама игра велась абсолютно трезво.

В 1915 году средства массовой информации впервые принялись за Распутина. Французский посол в России фиксирует это конкретной датой – 29 августа. До сего дня цензура и полиция защищали Распутина от всякой критики в газетах. В начале 1912 года вышла была серия статей, осуждающих Распутина за безнравственность по статье 1001 Уложения, то есть за порнографию.

Но статьи были арестованы, суды, под давлением министра юстиции Щегловитова, эти аресты утверждали. В одной из московских типографий был рассыпан шрифт и уничтожен текст подготовленной брошюры о Распутине, чем была крайне раздосадована старшая сестра императрицы великая княгиня Елизавета Федоровна, которая читала текст брошюры и надеялась на ее эффект в Царском Селе.

Из допроса бывшего министра внутренних дел Протопопова в ЧК Временного правительства 21 июля 1917 года:

– Были такие статьи, про которые я прямо указывал, что их нельзя печатать. Я указывал, и мне указывали.

– Кто вам указывал?

– Царское Село. Мне говорили, что печать надо обуздать, говорили: „Что вы допускаете, разве это возможно?“»

Николай жаловался: «Я не понимаю, неужели нет никакой возможности исполнить мою волю?»»

Военный министр Поливанов вспоминал, что ему был известен циркуляр, коим запрещалось писать о Распутине.

В 1915 году произошел настоящий прорыв. Кампанию против Распутина открыла газета «Биржевые ведомости». Было откровенно рассказано о разврате, интригах, воровстве, скандальных связях с высшим чиновничеством и высшим духовенством. Газета при этом избежала всякого намека на близость к царю и царице, но задалась вопросом, не является ли сговор бюрократии с Распутиным самым страшным обвинением режиму.

Публика восхищалась, что министр внутренних дел князь Щербатов разрешил публикацию этой статьи, но единодушно предсказывала, что он ненадолго сохранит свой портфель.

Где-то через неделю после выхода статьи, в первых числах сентября 1915 года, во время прогулки Распутин сказал сопровождающему его полицейскому охраннику: «Да, парень, душа очень скорбит, от скорби оглох». Охранник спросил его: «Почему это у вас так?» – «Да потому, парень, неладное творится в стране, да проклятые газеты пишут обо мне, раздражают, придется судиться». Министр внутренних дел князь Щербатов был снят с должности в середине сентября. На его место был поставлен Александр Хвостов, давний пациент Распутина.

Хвостов вспоминал, что однажды он захотел по просьбе жены лечиться от грызения ногтей и обратился к доктору-гипнотизеру, но тот не помог Хвостову, сказав, что есть в нем, Хвостове, мощная сила воли. Тогда Хвостов обратился к Распутину, и силу его гипноза он ощутил на себе очень определенно. Позднее он частенько плясал для Распутина у него на квартире в доме 64 по Гороховой улице.

Обычно они встречались на конспиративных квартирах. Одна из них месяца на три-четыре была нанята на Итальянской улице, другая – в переулке на Фонтанке, возле Министерства внутренних дел.

Эту квартиру обставлял лично шеф жандармов полковник Комиссаров, кстати после революции сотрудник уже той самой ВЧК. Комиссаров оборудовал на конспиративной квартире столовую, снабжал ее всем необходимым для деловых обедов и ужинов, под видом лакея посадил в квартире женатого филера.

На этой же квартире с Распутиным встречался и директор департамента полиции Белецкий. Его ведомство отвечало за политический сыск. После отставки министра внутренних дел Щербатова за статью о Распутине и назначения Хвостова на МВД Белецкий, с благословения Распутина, стал товарищем, то есть заместителем, министра внутренних дел.

Для тайных свиданий с претендентами на крупные государственные должности использовались также казематы Петропавловской крепости. Дочь коменданта Петропавловки генерала Никитина была пламенной поклонницей Распутина. Она отправлялась за Распутиным в город и привозила его в своем экипаже в крепость.

Здесь, в комнате мадемуазель Никитиной или в каземате, Распутин встречался с будущим премьер-министром Штюмером. Уход Горемыкина с премьерского поста для Распутина уже был делом решенным. 14 июня 1917 года на допросе Штюмер признался, что встречался с Распутиным в Петропавловской крепости. На том же допросе он сообщил, что на следующий день после своего назначения он, председатель Совета министров Российского государства, отправился на обязательную встречу с Распутиным на квартиру артистки частного театра Лерма г-жи Орловой. Объяснить, почему было выбрано столь странное место для встречи, Штюмер был не в состоянии. Он сказал: «Потому что другого места не было».

Штюмер на премьерский пост был предложен митрополитом Петроградским Питиримом. С Питиримом Распутин был на «ты». Впрочем, это неточно, потому что Распутин со всеми был на «ты». С Питиримом Распутин был на «ты», на «сволочь». У Питирима в лавре Распутин также устраивал встречи с министрами. При этом Питирим всем постоянно объяснял, что он с Распутиным незнаком.

Хвостов вспоминает: «Был большой конфуз. Питирим меня уверял, что он незнаком с Распутиным, а я застал у него Распутина».

Именно Распутину Питирим обязан назначением в Петроград. Сначала Питирим был епископом Тульским, но епархией на самом деле управлял его келейник Митрофаньч, находившийся с епископом в самых что ни на есть интимных отношениях. Затем он был переведен во Владикавказ, где келейником около него появляется Осипенко, впоследствии закадычный приятель Распутина, по одной версии – незаконный сын самого Питирима, а по другой – находившийся с Питиримом в тех же отношениях, что и его предшественник.

Потом Питирима перевели в Самару, а затем он стал экзархом Грузии. 23 ноября 1915 года Питирим неожиданно получил назначение в столицу. О мотивах назначения вспоминает поклонница Распутина г-жа Жуковская: «Распутин выскочил из-за стола и ударил в ладони: „Эх, барыня, сударыня... ее мать твою консисторию, а Питирима, сукина сына, проведем в митрополиты, ой, барыня, сударыня, мне что Синод, я знаю сам. Мне что Собор, плевать мне на церковь, мне что патриарх, на х... его, что Питирим, мне штоб было, как сказал!”»

Сергей Юльевич Витте говорил, что «церковь у нас обратилась в мертвое бюрократическое учреждение, церковное служение в службу земным богам. Мы постепенно становимся меньше христианами, нежели приверженцы других христианских религий. Мы делаемся постепенно менее всех верующими».

Кстати, о Синоде. Синод – это бюрократический орган, возглавляемый светским лицом. Создан Петром I для контроля и управления церковью. В Синоде у Распутина были друзья – директор хозяйственного управления, обер-секретарь и казначей. Казначей был у Распутина осведомителем. С женой казначея Распутин находился в половой связи.

Большой неожиданностью для Распутина стало назначение нового обер-прокурора Самарина. С прежним, Саблером, Распутин был в добрых отношениях, говорил про него: «Ведь Цаблер-то мне в ноги недавно поклонился. За то, что его в прокуроры доспел». При этом Распутин изображал, как Саблер ему кланялся. А тут – раз, и вместо Саблера – Самарин, который Распутина ненавидел и ненависти своей не скрывал.

Самарин продержался на посту с июля по сентябрь 1915 года. Любопытна сама процедура его отставки. Самарин прибыл к Николаю в Ставку и заговорил о влиянии «темных сил». Царь был любезен, пригласил к ужину, за ужином любезность государя еще возросла. Самарин вернулся в Петроград очарованным. Николай наутро написал премьеру записку: «Я вчера забыл сказать Самарину, что он уволен. Потрудитесь ему это сказать».

После отставки Самарина Распутин не успокоился. Так как на МВД он уже посадил Хвостова, то на должность обер-прокурора Синода был назначен родственник Хвостова Волжин. Потом Хвостов заинтриговал в надежде на премьерское место. Интрига не клеилась. Хвостов уже был готов собственноручно убить Распутина. Но тут Николай под непосредственным вли-

янием Распутина назначил главой правительства вышеупомянутого Штюмерера, которого сам Распутин называл старикашкой на веревочке. Хвостов слетел с МВД, а его родственник Волжин лишился поста обер-прокурора Синода. Вместо него был назначен Николай Раев, который до этого был начальником Высших женских курсов. Хвостов, уходя в отставку, в качестве выходного пособия прихватил миллион казенных рублей.

Если общение высших должностных лиц с Распутиным на конспиративных квартирах оказывалось недостаточным, те отправляли своих жен на Гороховую, 64, где жил Распутин.

Рабочая комната в квартире Распутина была обставлена кожаной мебелью. Здесь проходили встречи Распутина с представительницами высшего петроградского общества. Потом Распутин провожал даму со словами: «Ну-ну, матушка, все в порядке». По завершении приема посетительниц Распутин обычно отправлялся в баню, находившуюся напротив. Данные им в таких случаях обещания всегда исполнялись.

В отличие от дневных деловых визитов, ночи в квартире Распутина были шумными. Соседом Распутина имел несчастье быть чиновник Синода г-н Благовещенский. Так вот он вспоминал: «Пишу у себя в кабинете, а за стеной собралось очень большое веселое общество. К 12 часам пришли музыканты, человек 10–12, из какого-нибудь увеселительного сада. Опереточные мотивы перешли в бурную пляску. Неоднократно пропели грузинские песни. Потом, по-видимому, „сам” пел и плясал соло.

В этот день кухонное окно было открыто, штора приподнята. На кухню за закусками, фруктами, вином и морсом приходили все больше дамы и барышни. „Сам” несколько раз выбежал на кухню. Всю посуду мыли сами, прислуги нет, все прибирали дамы».

С весны 1915 года главное наступление Германии начинается на Восточном фронте, то есть против России. Российская армия к весне в полной мере уже ощущала снарядный голод.

Немцы почувствовали слабину. На десяток неприятельских снарядов мы отвечали одним. Из телеграммы командующего Юго-Западным фронтом Николая Иудовича Иванова, одного из самых толковых наших генералов (он пишет начальнику Генштаба Янушкевичу): «Остающийся у меня запас патронов не покрывает четверть комплекта». Также ощущается нехватка винтовок. Об отчаянии фронтового командования свидетельствует телеграмма с предложением вооружить пехотные роты топорами, насаженными на длинные рукоятки.

В результате страшных потерь в пехоте не хватало офицеров. Их переводили в пехоту из кавалерии. Так, по собственному желанию в пехоту перешел муж великой княжны Татианы Константиновны Константин Багратион. Он командовал ротой у генерала Брусилова и в первом же бою был убит пулей в лоб.

К сентябрю 1915 года Российская империя полностью потеряла Польшу, Литву, часть Латвии и Белоруссии. Оставлены города: Варшава, Вильно, Ковно, Гродно, Брест. Современники назвали этот кошмар великим отступлением. Наша армия теряла по 200 тысяч человек в месяц убитыми и ранеными, за 1915-й потерял почти миллион солдат и офицеров пленными. 40 тысяч лучших офицерских кадров призыва 1914 года были практически выбиты.

Офицерские школы ускоренным методом выпускали по 35 тысяч офицеров в год. Теперь на 3 тысячи солдат приходилось 10 офицеров не лучшей квалификации.

Отцами своим солдатам они быть не умели, слугами царю, как выяснилось, тоже.

Кроме того, уже к началу войны две трети офицеров – от подпоручика до полковника – были либо крестьянского, либо разночинного происхождения. Овеянные позднейшими легендами выпускники юнкерских училищ на четверть состояли из крестьян.

Постоянный представитель британского командования в России полковник Нокс беседовал с русскими солдатами. Вот их представления о тактике: «Мы будем отступать до Урала, и в армии неприятеля останется один немец и один австриец. Австрийца возьмем в плен, а немца уьем».

Общий отход русской армии сопровождался бегством огромных масс населения. Одна пятая часть населения России либо бежала, либо оказалась в оккупации.

Соратник убитого Столыпина Александр Васильевич Кривошеин писал: «Из всех испытаний войны исход беженцев – самое серьезное и трудноизлечимое. Болезни, печаль и нищета движутся вместе с беженцами на Россию. Они создают панику и уничтожают все, что осталось от порыва первых дней войны. Следующая миграция приведет Россию во мрак революции».

Генерал Поливанов, военный министр, в августе 1915 года говорил, что остается верить в необозримые пространства, непролазную грязь и милость святого Николая Чудотворца, покровителя святой Руси. С другой стороны, тот же Поливанов говорил, что произойдет национальное несчастье, когда события приблизятся к Твери и Туле.

При этом в Первую мировую войну в России никому не пришла в голову простая и зверская мысль о заградотрядах, когда дивизии НКВД стоят за спинами фронтовиков и пулеметным огнем гонят в наступление.

Вместо этого крайне обеспокоенный начальник Генштаба генерал Янушкевич пишет Николаю из Ставки: «Необходимо пообещать каждому солдату-крестьянину надел земли за верную службу. Как утопающий хватается за соломинку, я пытаюсь найти любой способ выхода из сложившегося положения».

Чудное дело. Именно об этом в это же самое время говорит Распутин. По его мнению, монастырские и казенные земли следует разделить между безземельными участниками войны. «Частные помещичьи земли тоже следует отдать и распределить среди солдат», – говорит Распутин.

В двадцатых числах марта 1915 года Распутин приехал в Москву, чтобы помолиться в Кремле на могиле героя российского Смутного времени начала XVII века патриарха Гермогена. Об этом никакой информации не было, зато о том, как Распутин провел вечер 26 марта, узнала вся Россия.

Из донесения начальника охранного отделения Мартынова товарищу министра внутренних дел по полицейским делам генералу Джунковскому:

«26 марта около 11 часов вечера в ресторан „Яр” прибыл известный Григорий Распутин, в сопровождении двух дам и журналиста московских и петроградских газет Николая Николаевича Седова. Заняв кабинет, вызвали издателя газеты „Новости сезона” потомственного гражданина Кугульского».

Надо сказать, приглашение Распутиным в «Яр» представителей средств массовой информации обращает на себя внимание. Вполне вероятно, Распутин хотел огласки того, что произойдет в «Яре». Строил на этой огласке свой план, намеревался, кроме пьянки, получить дополнительное удовольствие, пиарился и работал на широкую аудиторию – от ресторанных очевидцев до Царского Села. Жаль, не было телевидения.

Возвращаемся к донесению охранки. Распутин пригласил женский хор, который спел и протанцевал матчиш и кекуок. Матчиш и кекуок – жутко модные танцы начала века.

Кекуок – от английского cakewalk – довоенный танец американских негров. Матчиш вообще звучал повсеместно. Даже работа кассовых аппаратов в магазинах сопровождалась мелодией: «Матчиш – прелестный танец та-ра-та». То же самое пели гудки автомобилей. У Ильфа и Петрова в «Золотом теленке» медный рожок легендарной «Антилопы гну» издает эти веселые и во времена Остапа Бендера уже старомодные звуки.

Кроме того, танцуя матчиш, партнеры могли поцеловаться. Но для Распутина «поцеловаться» – ниже мужского достоинства.

Цитирую донесения дальше. Сначала пьяный Распутин плясал русскую. Потом его поведение приняло совершенно безобразный характер какой-то половой психопатии: он обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести беседу с певичками, раздавал им записки с надписями «Люби бескорыстно».

На замечание заведующего хором о непристойности такого поведения Распутин возразил, что он всегда так держит себя перед женщинами. Потом Распутин стал откровенничать в таком роде: «Этот кафтан подарила мне „старуха” (то есть императрица), она его и шила. Эх, что бы „сама” сказала, если бы меня сейчас увидела!»

Глава московской полиции генерал Адрианов хотел лично доложить государю о скандале в «Яре», явился в парадной форме в Царское Село. Но комендант Императорских дворцов генерал Воейков не допустил его к царю. Впоследствии Адрианов написал докладную о том, что скандала Распутин в «Яре» не устраивал.

Товарищ министра внутренних дел генерал Джунковский лично передал государю свою записку о скандале в Москве, затем 1 июня сделал подробный доклад Николаю, в котором изложил свои взгляды и на Распутина, и на Россию, указав на разлагающее влияние и власть Распутина, которые угрожают государству и династии.

Второй, еще более подробный, доклад государю Джунковский сделал 4 августа.

10 августа Распутин сказал агенту Джунковского: «Ну, а ваш Джунковский...» – и свистнул.

Через пять дней после этого свиста Николай отправил Джунковского в отставку.

После скандала в «Яре» по совету врача Распутин уехал на родину, в Тобольскую губернию, в село Покровское.

Потом на неделю вернулся в Петербург и снова отбыл в Покровское на пароходе под названием «Товар-пар».

На пароходе пьяный Распутин заставлял солдат петь хором, обозвал официанта жуликом, заявив, что тот украл у него 3000 рублей. Наконец, позволил себе неуважительно отозваться об императрице и ее дочерях, а в заключение заснул в своей каюте и обмочился.

Справедливости ради надо сказать, что иногда Распутин вызывал сильнейший гнев Николая. Бывали периоды, когда Николай даже не пускал его к себе на глаза, но Распутин в свое оправдание всегда говорил, что он, как и все люди, грешник, а не святой. Не святой. И с этим тезисом государю трудно было спорить.

Как-то раз в Покровском пошел Распутин в гости к брату Николаю. Пришел туда же отец Распутина и начал ругать сына Григория самыми скверными словами. Распутин как бешеный вскочил из-за стола, вытолкнул отца во двор, свалил его на землю и давай его бить кулаками. Отец кричал: «Не бей, подлец!» Пришлось их растаскивать. Оправившись, старик стал еще пуще ругать сына, грозя рассказать всем, что он ничего не знает, а только знает прислугу Дуню держать за мягкие части.

На фоне германского наступления и отступления русской армии в Москве крайне популярными стали разговоры о шпионаже и немецком засилье в экономике и органах государственного управления. Досужие разговоры перешли в информационную кампанию в газетах «За Россию», «Время», «Вечерние известия». Вспышка холеры на Прохоровской мануфактуре, ныне Трехгорка, была расценена как немецкая террористическая акция.

26 мая 1915 года, в 6 часов вечера, владелец мануфактуры Прохоров звонит главному московскому полицейскому Адрианову: «Именем Бога, как гражданин и фабрикант прошу вас остановить движение толпы».

Генерал Адрианов отвечает: «Когда толпа идет с портретом государя императора и поет „Боже, царя храни”, разгонять не стану».

Пошел погром. Еще накануне распространялись листки с адресами немецких торговых фирм. Чайная на Дорогомилровке служила местом сбора особых дружин. Староста платил манифестантам по 3 рубля в день.

С утра 28 мая громят знаменитую аптеку Феррейна на Никольской. Там были найдены 80 литров спирта и тут же выпиты. Потом толпа направилась на парфюмерную фабрику Брокера, ныне «Новая заря», где производились самые популярные духи «Персидская сирень» и мыло «Народное», «Сельское» и «Национальное». В аптеке Келлера были выпиты даже настойки от паразитов.

К двум часам дня 28 мая толпа собралась на Красной площади.

На Красной площади толпа уже требовала отставки Николая, пострижения императрицы в монахини, а престол отдать главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу. Потом погром пошел дальше по городу и перекинулся в пригороды. Это был первый в истории России нееврейский погром.

К вечеру разгромлены все немецкие магазины. Вытаскивали рояли и разбивали. Сметены нотные магазины на Петровке, Кузнецком Мосту и Большой Лубянке. Погибли рукописи поэта Бориса Пастернака, который служил учителем в доме крупного коммерсанта Морица Филиппа.

Полиция нигде не препятствует погромщикам, а иногда и возглавляет банды. На Мясницкой видели какого-то крупного чина, когда рядом выбрасывали вещи с третьего этажа. Были убийства. На фабрике Шредера выволокли хозяина, жену и двух детей – истерзали и голыми утопили в канаве.

Заодно убили двух русских подданных, голландок по происхождению. На винных складах Генке прибывшей полицией были обнаружены 32 убитых в пьяной драке.

У Арбатских ворот погромом были заняты человек тридцать. Вокруг стояла толпа в несколько сот человек и смотрела. На Тверской дамы в шляпках подбирают разбросанные куски шелка. Усиленно охранялась Марфо-Мариинская обитель – в народе пошла слухи, что у великой княгини Елизаветы Федоровны, создательницы обители, найден подземный телефон для связи с немцами.

Елизавету Федоровну называют не иначе как Лизка – даже швейцар в доме генерал-губернатора.

В роли участников погромов видели университетских студентов.

Потом перестали разбирать, где немецкое, где русское.

На фабрике «Скорород» погромщиков пытались остановить, говорили, что фабрика-то русская. Погромщики отвечали: «Знаем, да больно обувь хороша».

Через три дня войска стали разгонять погромщиков. Оружие было применено впервые в Камергерском переулке, напротив Художественного театра.

На время погромов пришлось недолгое генерал-губернаторство в Москве князя Феликса Юсупова-старшего, отца Феликса Юсупова-младшего, будущего убийцы Распутина. Надо сказать, он предпринимал личные попытки усмирить толпу, выезжая на коне в сопровождении двух казаков. Действие, очевидно, бесстрашное, но нерезультативное. Тогда генерал-губернатор Юсупов, он же командующий Московским военным округом, принимает решение: «Единственный возможный способ успокоения русских людей заключается в удалении всех немцев из Москвы и запрете их перехода в русское подданство».

На семейных фотографиях генерал-губернатор Юсупов в белом кителе чрезвычайно похож на Сталина. Это случайное сходство. Князь Юсупов, по линии жены граф Сумароков-Эльстон, сын внебрачного сына прусского короля Фридриха Вильгельма IV. Хоть князь Юсупов и очень похож на Сталина, ему, внуку Фридриха Вильгельма, вроде не пристало высы-

лать немцев. К тому же подобная невыдержанность неожиданна для князя Юсупова. Сохранилась еще одна редкая фотография. Замечательный русский художник Валентин Серов в родовом подмосковном имении жены Юсупова Архангельское рисует голову любимой лошади князя. Только голову лошади. Но с какой выдержкой, вытянувшись, при полном параде стоит на коврике князь и держит свою лошадь! И очевидно, что стоит так не пять минут.

Немцы из Москвы высланы не были, но немецкие погромы в Москве, по оценке французского посла в России Мориса Палеолога, свидетельствовали о готовности России к бунту против всего лежащего за ее западными границами. Кроме того, невероятное озлобление, свободно разлившееся по Москве в мае 1915 года, было первым симптомом года 1917-го.

11 июня 1915 года военный министр Сухомлинов, начинавший войну, был отстранен от должности. Затем он был отдан под суд по обвинению в государственной измене, а также за злоупотребления служебным положением.

11 июня, в день отстранения от должности, Николай направляет Сухомлинову послание:

«Дорогой Владимир Александрович! Интересы России и армии требуют Вашего ухода в настоящую минуту. Сколько лет проработали мы вместе, и никогда недоразумений у нас не было. Благодарю Вас сердечно за всю Вашу работу. Господь с Вами. Искренне уважающий Вас, Николай».

По словам председателя Госдумы Родзянко, Распутин рассказывал:

«Приезжаю в Царское Село и вижу, папашка (то есть государь) сидит грустный. Я его глажу по голове и говорю: „Что грустишь?“ Он говорит: „Все мерзавцы кругом. Сапог нет, ружей нет – наступать надо, а наступать нельзя”».

По словам того же председателя Госдумы Родзянко, Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич сетовал: «Я еще в январе говорил, что не могу воевать без снарядов, без винтовок и без сапог».

Помимо неспособности обеспечить армию, Сухомлинову вменялась связь со шпионской группой, которую возглавлял жандармский полковник Мясоедов. Вина Мясоедова окончательно доказана не была, но он был спешно повешен. Сухомлинов оказался в Петропавловской крепости. Распутин никогда симпатии к Сухомлинову не испытывал, тем не менее неожиданно озаботился его здоровьем и начал причитать: «Генерала Сухомлинова надо выпустить, чтоб он не умер в темнице, а то неладно будет. Выпустить узника – значит возродить грешника к праведной жизни».

Вскоре Сухомлинова из крепости перевели под домашний арест. Сухомлинов отрицал виновность в измене, высказывал надежду оправдаться перед судом, знал, что за него хлопочет Распутин по просьбе жены. Про жену свою Сухомлинов говорил, что главный недостаток ее заключался в удивительной красоте и грации, на что даже царь обратил внимание. Распутин тоже обратил внимание на Елену Сухомлинову. Домашний арест ее мужа, генерала Сухомлинова, во всех смыслах был тому удачным свидетельством.

Кроме того, Распутин оказывает содействие жене государя-императора.

С помощью близких к нему банкиров он обеспечивает императрице надежный канал, по которому она имеет возможность во время войны оказывать денежную помощь своим бедным гессенским родственникам в Германии, которых кайзер Вильгельм в грош не ставил и которые платили ему ненавистью.

Еще в 1911 году две дамы, а именно императрица Александра Федоровна и великая княгиня Анастасия Николаевна, дочь черногорского короля Николая, поругались. После ссоры Анастасия Николаевна, которая привела в свое время к Александре Федоровне Распутина, немедленно Распутина возненавидела.

Муж Анастасии Николаевны великий князь Николай Николаевич, Верховный главнокомандующий с начала войны, также немедленно разлюбил Распутина и даже начал умолять царя прогнать, как он выражался, «гносного мужика».

Из этого ничего не вышло. Распутин затаил месть.

Неудачи русской армии дали Распутину повод удовлетворить старую злобу, и 23 августа 1915 года великий князь Николай Николаевич был снят с должности Верховного главнокомандующего. В тот же день государь собственным указом назначил себя на освободившуюся должность.

Накануне подавляющее большинство членов Совета министров подписали коллективной протест против отставки Николая Николаевича. По мнению одного из подписавшихся:

«Мы сидим на бочке с порохом, и нужна единственная искра, чтобы все взлетело в воздух, принятие императором командования – это не искра, а целая свеча, брошенная в пушечный арсенал».

Другими словами, Николай не стратег и не тактик, а кроме того, его пребывание в Ставке будет означать, что управление страной будет заброшено окончательно.

Распутин в пьяном виде публично похвалялся, что прогнал Николашку, в смысле великого князя. Все подписавшиеся под протестом министры были уволены со своих должностей.

24 ноября 1915 года Николай отправился в Ставку в Могилев вместе с наследником Алексеем. Не исключено, что психологически эта поездка Николая вообще объяснялась его желанием махнуть на все рукой и хотя бы на время вырваться из Петербурга.

Распутин почти подтверждает это: «Папа-то с трудом меня слушается, ему стыдно».

Императорский поезд, шедший на Могилев, вздрагивал на рельсовых стыках. Наследник русского престола смотрел в вагонное стекло так, как смотрят все дети, – близко прижавшись носом к стеклу. При переходе поезда на стрелке от едва заметного сотрясения прямо на оконное стекло у мальчика хлынула из носа кровь. Отец был в полной панике. Никакие медицинские средства не помогли его больному гемофилией ребенку. Николай отдал распоряжение о срочном возвращении обратно в Царское Село. Обратно к Распутину. Немедленно по приезде позвонили по телефону Распутину с просьбой приехать. Но Распутин не поехал, потом он рассказывал, что специально так сделал, чтобы помучить государя. Говорят, Распутин обладал властью над мальчиком и умел его успокаивать. Кроме того, он однажды сделал благоприятный долгосрочный прогноз. Болезнь наследника опасна только до 18-летнего возраста, после этого срока он совершенно избавится от болезни. Алексей был расстрелян, не дожив двух недель до 14 лет.

2 июня 1915 года заводчик, металлург, финансист, миллионер Алексей Иванович Путилов имел беседу с послом Франции в России Морисом Палеологом. Закурив сигару, Путилов сказал следующее: «Дни царской власти сочтены. Она погибла безвозвратно. Революция неизбежна. Поводом может послужить что угодно – стачка, голод, мятеж в Москве или дворцовый скандал. Величайшее преступление царизма в том, что он не желал допустить, помимо своей бюрократии, никакого другого очага политической жизни. И в день, когда его сдадут чиновники, распадется само русское государство».

Год спустя, 19 ноября 1916 года, депутат-монархист, черносотенец, страж самодержавия Владимир Митрофанович Пуришкевич с трибуны Государственной думы впервые выступил с обвинительной речью в адрес не только Распутина, но и государыни-императрицы. Отрывки из этой речи были переданы Николаю в Ставку:

«Зло идет от тех темных сил и влияний, которые заставляют взлетать на высокие посты людей, которые не могут их занимать... От влияний, которые возглавляются Гришкой Распутиным... Царские министры – марионетки, нити от которых забрали Распутин и императрица Александра Федоровна – злой гений России и Царя, чуждая стране и народу».

Распутин отправил свою телеграмму в Ставку: «Пуришкевич ругался дерзко, но не больно. Мой покой остался не нарушен».

20 ноября Пуришкевичу по телефону позвонил молодой князь Феликс Юсупов. Попросил о встрече для выяснения некоторых вопросов, связанных с ролью Распутина при дворе. Сказал, что говорить об этом по телефону неудобно.

В тот же день Феликс Юсупов отправил жене Ирине, дочери великого князя Александра Михайловича, письмо открытым текстом:

«Дорогая моя душка. Я ужасно занят разработкой плана об уничтожении Р. Все произойдет в середине декабря. Крепко целую тебя и бэби. Феликс».

Ирина ответила Феликсу:

«Главная гадость, что решил все сделать без меня. По-моему, это дикое свинство. Вижу, что ты в диком энтузиазме и готов лезть на стену. Крепко целую. Ирина».

Феликс убедился, что не ошибся в выборе жены. Он рассчитывал на ее участие. Распутин давно хотел познакомиться с молодой княгиней Юсуповой.

Ирина должна была сыграть в заговоре роль приманки. Весь план убийства собирались осуществить Феликс, Пуришкевич, поручик Преображенского полка Сухотин и великий князь Дмитрий Павлович. Потом Пуришкевич привел доктора Красного Креста Лазаверта, которому совершенно доверял.

Решено было заманить Распутина во дворец Юсуповых на Мойке и покончить с ним путем его отравления.

Вечером 16 декабря к осуществлению плана все было готово. Подвал, в котором решили принять Распутина, изменился до неузнаваемости. Ковры, портьеры, китайские вазы в нишах, массивная старинная юсуповская мебель, масса красивых безделушек. На принесенном шкапе-поставце – распятие из горного хрусталя итальянской работы XVI века. Посредине комнаты стоял стол, за которым Распутин должен был выпить свой последний бокал вина.

Участники заговора собрались в 11 вечера. Для яда были выбраны пирожные с розовым кремом. Доктор Лазаверт надел резиновые перчатки, взял крупинки цианистого калия и растолоч их в пудру. Потом он приподнимал верх каждого пирожного и посыпал нижнюю часть ядом. Доза была достаточной, чтобы убить несколько человек. Яд в бокал решили положить в последний момент, чтобы он не выдохся. Когда с пирожными было закончено, доктор Лазаверт переоделся в шоферский костюм, князь Юсупов надел шубу, они сели в автомобиль и выехали за Распутиным.

1916

16 декабря, по старому стилю, 1916 года, около двух часов ночи, князь Феликс Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, выехал на автомобиле из своего дворца на Мойке в направлении Гороховой улицы. Он ехал за Распутиным. На Мойке к убийству Распутина все было готово.

Феликс познакомился с Распутиным в 1909 году. У Феликса наблюдались гомосексуальные наклонности. Распутин лечил его. Он укладывал пациента через порог, проводил гипнотические сеансы. Юсупов в воспоминаниях свидетельствует: «Сила гипноза Распутина была огромна».

Впоследствии Юсупов прервал общение с Распутиным, так как тот был против его брака с племянницей царя великой княжной Ириной Александровной. Решившись на убийство Распутина, Юсупов знакомство возобновил.

Распутин во время их встреч бывал откровенен, говорил, что намерен разогнать Думу.

«Я, – говорил, – разгоню их и на фронт уйду. Будут знать, как языком трепать». «Царица, – говорил, – настоящая государыня. И ум, и сила при ней. Вторая Катька. Она уже и теперь всем правит. Ну а сам – как дитя малое. Разве ж это царь? Ему бы дома сидеть да цветы нюхать, а не править. Власть ему не по зубам».

Говорил, что императрица сама доглядывает за тем, как государя травяными настоячками поят.

«Выпьет он чай благодати и сразу добрый и веселый делается. Грю те, наша возьмет. Объявим Александру регентшей при малолетнем наследнике. Самого сошлем на покой в Ливадью. Устал, болезный, пуцай отдохнет. Там, на цветочках, и к Боженьке ближе. Самому-то есть в чем покаяться. Век молиться будет, не замолит войну эту. Хватит войны, пора остановить бойню».

Если бы Распутину удалось внушить кому-либо из царской четы мысль о прекращении войны, российская история пошла бы по совершенно иному пути, а сам бы Распутин стал нашим национальным героем XX века. Однако этого не произошло, а значит, либо влияние Распутина было несколько преувеличенным, либо идея прекращения войны за два года с момента ее начала не слишком овладела им самим. И он делал то, на чем набил руку.

«Хочешь, – предлагал Юсупову Распутин, – назначу тебя министром».

В ночь с 16 на 17 декабря Распутин оделся в шелковую рубашку, вышитую васильками, с толстым малиновым шнуром вместо пояса, в бархатные штаны и в высокие блестящие сапоги. Когда Юсупов вошел к нему в квартиру, то почувствовал сильный запах дешевого мыла. В воспоминаниях он написал: «Я еще никогда не видел его таким чистым и причесанным».

Распутин прилизал волосы, и они поехали на Мойку.

В наскоро обставленном подвале в доме Юсуповых Феликс с Распутиным были один на один. Остальные участники заговора были в комнатах наверху и имитировали вечеринку у княжны Ирины Александровны. Постоянно вертелась пластинка с песенкой «Янки Дудл». Все убийство шло под ее аккомпанемент. Вздвигнувшийся Юсупов сперва придвинул Распутину тарелку с неотравленным печеньем, налил чаю. Только потом он предложил ему эклеры с цианистым калием. Распутин съел один. Потом второй. Яд не действовал. Потом он пил отравленную мадеру. Причмокивал, смаковал. Пил из разных бокалов с ядом. Потом вдруг встал, сделал несколько шагов, сказал, что в горле щекотка, и сел. И они снова сидели с Феликсом друг против друга, молчали и пили. Потом он попросил Юсупова петь под гитару. Наконец

Юсупов не выдержал, оставил Распутина, поднялся наверх, сказал, что яд не действует, взял револьвер и вернулся в подвал. Распутин разглядывал хрустальное распятие. Феликс выстрелил. Распутин крикнул и рухнул на пол.

Услышав выстрел, прибежали все заговорщики. Доктор Лазаверт констатировал смерть. Трое из заговорщиков покинули дом на Мойке. Юсупов и Пуришкевич поговорили о будущем России. Юсупов спустился в подвал к убитому Распутину. Еще раз пощупал пульс. Через мгновение Распутин открыл глаза и резким движением вскочил на ноги.

С пеной и хлещущей изо рта кровью он бросился на Юсупова. Завязалась борьба. Наконец Юсупов вырвался, кинулся за Пуришкевичем. Распутин полз по ступеням лестницы, ведущей на улицу, потом поднялся и выбежал на улицу. Пуришкевич стрелял. Четыре выстрела. Распутин упал в снег.

Потом Юсупов в ярко освещенной уборной стоял над умывальной чашей, держал голову руками и без конца отплевывался.

Явился городской, слышавший выстрелы. Пуришкевич выкрикнул: «Да, стреляли и убили Распутина. А ты, если любишь царя и Отечество, будешь молчать». Городской отвечал: «Вы правильно сделали, я буду молчать, но если присягу потребуют, скажу. Лгать – грех». И ушел.

Тело Распутина погрузили в машину, отвезли к Малой Невке и сбросили у Покровского моста.

Императрица вызвала к себе министра внутренних дел Протопопова и требовала немедленного расстрела участников убийства Распутина. Участь заговорщиков мог решить лишь государь.

Но он в течение недели не произносил ни слова. По указанию императрицы Юсупов, великий князь Дмитрий Павлович и Пуришкевич были помещены под домашний арест с подпиской о невыезде. По информации из свиты Николая, государь в ответ на сообщение об убийстве Распутина ни слова не сказал, но стал на удивление весел.

О наказании было объявлено 23 декабря. Наказание было мягким – ссылка для Феликса и Дмитрия Павловича, Пуришкевич сам уехал на фронт, воспользовавшись депутатской неприкосновенностью.

Еще 18 декабря, в 8 часов 52 минуты, то есть практически сразу после убийства Распутина, сестра императрицы Елизавета Федоровна, человек глубоко верующий, направляет телеграмму матери Феликса княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой: «Все мои глубокие и горячие молитвы окружают вас всех за патриотический акт вашего дорогого сына». Подпись: Элла.

Княгиня Зинаида Николаевна Юсупова – адресат Эллы – особа из ряда вон. Во-первых, потому, что она из рода, восходящего к племяннику Магомета. Во-вторых, потому, что она обладательница самого большого состояния в России, которое больше царского.

Тетка испанского короля инфанта Эулалия сохранила яркие впечатления от того приема, который устроила ей княгиня Юсупова: «На обеде хозяйка сидела в парадном платье, шитом брильянтами и дивным восточным жемчугом. Статна, гибка. Кокошник, по-нашему диадема, также в жемчугах и брильянтах. В жемчужных низках, тяжелых золотых браслетах с византийским узором, серьгах с бирюзой и жемчугом и в кольцах, сияющих всеми цветами радуги, княгиня была похожа на древнюю императрицу». На этом, в прямом смысле, блестящем фоне существенно еще одно воспоминание о ней: «Женщина редкой красоты и глубокой духовной культуры, она мужественно переносила тяготы своего громадного состояния».

К тому же она обладала актерским талантом. Станиславский звал ее к себе в труппу. Она была прозорлива, принципиальна, очень независима, могла бы держать у себя в доме политический салон.

В 1917 году лейб-медик дантист Кастрицкий вернулся из Тобольска, где находилась под арестом царская семья, и привез письмо Николая. В нем в числе прочего говорилось: «Когда

увидите княгиню Юсупову, скажите ей, что я понял, сколь правильны были ее предупреждения, если бы к ним прислушались, многих трагедий бы избежали».

Княгиня Юсупова была дружна с императорским семейством. Ее сын Феликс, которого она безоговорочно поддерживала в деле убийства Распутина, был женат на великой княжне. Особая дружба связывала княгиню Зинаиду Николаевну с сестрой императрицы, соседкой по летнему имению Елизаветой Федоровной. Это было не только родство двух женщин с тонкой духовной организацией, но и союз политический, опасный, так как направлен он был против первой дамы России, императрицы Александры Федоровны, которая в 1916 году Россией управляла, как казалось, единолично. На самом деле страной не управлял никто. Мужик Распутин этого делать тоже не мог. При этом окружение императрицы несомненно заслуживает внимания.

В 1901 году дочери черногорского короля Николая, Анастасия и Милица, бывшие замужем за русскими великими князьями, притащили из Парижа в Зимний доктора Филиппа. В Париже доктору Филиппу лечить было запрещено вследствие жалоб в полицию на его шарлатанство. В России он находился на попечении дворцового коменданта Гессе, за него несли личную ответственность министры внутренних дел Сипягин и Плеве. Ответственность несли по очереди, потому что они по очереди были убиты террористами. Столь высокий уровень присмотра за доктором Филиппом определялся поставленной перед ним задачей – императрица должна родить наследника. Мсье Филипп контролировал ситуацию непосредственно в императорской спальне в самые решающие моменты. Наконец было объявлено, что императрица беременна. Великая княгиня Милица объявила императрице, что она опытна в сфере акушерства, и придворный лейб-акушер доктор Отт был отстранен от наблюдения за здоровьем государыни.

Экс-премьер Сергей Юльевич Витте вспоминал, что на последних месяцах Александра Федоровна перестала носить корсет, переделалась в платья, в которых ранее ходила перед рождением дочерей. Все заметили, что императрица заметно поправилась. Государь радовался. России сделали официальное извещение. В Петербурге постоянно ожидалась пальба орудий с Петропавловской крепости с оповещением о рождении сына. Императрица все время лежала. Между тем роды не наступали. Наконец профессор Отт провел обследование и объявил, что императрица не беременна и не была беременна. Витте задается вопросом: если первый попавшийся шарлатан может внушить женщине, что она беременна, и это внушение легко передается ее мужу, а этот муж неограниченно распоряжается судьбой великой империи, то что же вообще любой проходимец может внушить этим особам?

Объяснение всему происшедшему были вынуждены дать в «Правительственном вестнике». В простом народе тут же пошли слухи, что императрица родила урода с рогами, которого пришлось придушить. Ну чистый Александр Сергеевич Пушкин с его «Сказкой о царе Салтане»: «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь, не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку». Вот Пушкин и есть провидец.

Что касается мсье Филиппа, то, вопреки законам и здравому смыслу, военный министр Куропаткин дал ему доктора медицины от Петербургской военной академии и чин действительного статского советника. Мсье Филипп пошел к военному портному и заказал себе военно-медицинский мундир. К слову сказать, Распутин также лелеял мечту получить официальную должность при дворе, но ему, как ни чудно, это не удалось.

И еще, к слову, про военного министра Куропаткина, отставленного после поражения в Русско-японской войне. В 1914 году, уже во время мировой войны, к княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой во дворец на Мойке приехала вдовствующая императрица Мария Федоровна. Старший швейцар Юсуповых Григорий подошел к ней и сказал: «Почему ваше величество не назначили в армию генерала Куропаткина? Ему самое время искупить прошлое». Императрица пересказала разговор сыну, и через две недели генерал Куропаткин получил дивизию.

Надо сказать, что в 1905 году, после позора в Русско-японской войне, другой слуга Юсуповых, Павел, отказался прислуживать Куропаткину за столом, плюнул и повернулся к нему спиной.

После доктора Филиппа Романовы стали искать пророков в собственном отечестве. В придворных кругах прошла информация о том, что в имении флигель-адъютанта Орлова-Давыдова проживает кликуша Дарья, как раз специализирующаяся в области, интересующей царскую семью, то есть как родить наследника. По личной просьбе Николая II флигель-адъютант Орлов-Давыдов доставил кликушу Дарью во дворец. У себя в деревне Дарья принимала роды, посылала проклятия на врагов, а кроме того, была хронической пьяницей. Во хмелю бывала сильно буйной. В деревне говорили, что именно в буйстве у нее открывается дар предвидения. Во дворце она растерялась, дар не открывался, но царицу она сильно напугала.

Другой флигель-адъютант, Николай Оболенский, был родом из Козельского уезда и, в свою очередь, рассказал при дворе о Митьке Козельском, который в припадочном состоянии дает устойчивые прогнозы. Слух об этом пошел с тех пор, как однажды Митька выкрикнул что-то нечленораздельное про какой-то пожар. Собственно, тогда на его слова никто внимания не обратил, но через месяц у кого-то сгорела изба. Тут-то все и вспомнили о Митькином вое. Короче, Митьку Козельского привезли во дворец к царю. Митьку сопровождал в качестве переводчика некий Елпидифор. Увидев царя, Митька замычал. У Елпидифора спросили, что это значит. Елпидифор перевел: «Детей повидать желает». Царских детей немедленно привели. Тут Митька страшным образом завопил. Елпидифора попросили перевести. Он перевел: «Чаю, – говорит, – просит. С вареньем».

Александра Федоровна как раз в это время была беременна. Она регулярно присутствовала при припадках Митьки Козельского в надежде узнать будущее своего ребенка. Это продолжалось несколько месяцев. Наконец Александра Федоровна упала в обморок, который завершился преждевременными родами. Врачи говорили, что если бы императрица разрешилась в срок, то родился бы непременно мальчик и благодарить за это следовало бы Митьку.

Митя молился по просьбе императрицы о рождении наследника, потом причащал всех, включая великих княжон. Причастие он давал из собственного рта, то есть выплевывал, и что выплюнул – тем и причащал. Митька Козельский выплевывал, а великие княжны должны были это глотать. Великую княжну Ольгу тошнило, она говорила, что дурно пахнет. Императрица считала, что Ольга капризна. У великой княжны появилась сыпь, Митя был удален, но через некоторое время его опять выписали во дворец. Кстати, великая княжна Ольга, старшая дочь императрицы, впоследствии не была расположена к Распутину и не поехала на его похороны.

Александра Федоровна вообще была строга к дочерям. Платья девочкам шила в расрочку, хотя едва ли смогла объяснить, что этим выгадывает. Распутин ее даже попрекал: «Не скупись на одежду, невесты растут».

А потом Распутин вдруг поворачивался совсем другим боком и говорил: «Зачем им (то есть великим княжнам) раззолачиваться, одеты они чисто, лики у них ангельские. Оно, конечно, лишнего всем хочется. Только зачем привыкать. Как еще обернется».

Как-то раз Александра Федоровна, прежде чем отослать на благотворительный базар в пользу бедных сирот старые платья своих девочек, спорола дорогие перламутровые пуговицы и заменила их на костяные. Подмена обнаружилась. Самой Александре Федоровне никто ничего не сказал, но вдовствующая императрица Мария Федоровна поинтересовалась у сына Николая: «Надеюсь, Александра не сильно исколола пальцы».

А что не шло из платьев на благотворительный базар, тому императрица тоже находила применение. Приглашала во дворец старьевщика с Александровского рынка, торговалась с ним и отдавала старые или совсем вышедшие из моды наряды дочек на продажу.

Из допроса дворцового историографа Дубенского в Чрезвычайной комиссии, организованной Временным правительством, 9 августа 1917 года:

«Николай смотрел на жену как мальчик на гувернантку, она говорила за него, он молчал, в ее присутствии царь не имел собственного мнения».

Из письма Александры Федоровны Николаю 4 апреля 1915 года:

«Смирение – высочайший дар, но монарх должен чаще проявлять свою волю. Будь уверен в себе и действуй. Никогда не бойся. Ты лишнего никогда не скажешь».

Александра Федоровна отличалась от мужа несомненной волей, при этом также несомненно, что императрица была очень нездорова. Посол Франции в России Морис Палеолог в воспоминаниях писал о том, что Александра Федоровна вместе с сестрой Елизаветой Федоровной и братом великим герцогом Гессенским унаследовала от рано умершей матери нервное заболевание. Оно выражалось в хронической тоске, неопределенных страхах, смене периодов возбуждения и подавленности. Плюс тяжелый невроз сердца. Отсюда у этой красивой молодой женщины лилового цвета губы, или змеиные губы, как пишут очевидцы. Потому и спецлифт в Дворянском собрании в Москве строили к ее прибытию на празднование 300-летия дома Романовых, и даже инвалидное кресло для нее завели. С таким слабым здоровьем и уязвимой психикой Алисе-Виктории-Елене-Бригитте-Луизе-Беатрисе Гессенской было не потянуть такое мощное переживание, как Россия XX века.

Переход в православие для барышни, получившей хорошее философское образование в Оксфорде, обернулся религиозным помешательством, усилившим врожденную истерию. Русские традиционные юродивые сделались для этой молодой немки жизненно необходимыми. Николай мог легко обходиться без них, но легко к ним привыкал.

Пророчица Агинушка поила государя с государыней голубиной водой. Александра Федоровна спасалась этим от сонливости и от тоски. Рецепт лекарства несложный: одна часть святой воды, одна часть воды из колодца, добавить голубиной крови по вкусу. Что не допьешь – побрызгать на постель.

На государеву постель также брызгали вифлеемской водой из четырех бутылок четыре слепые монахини из Киева. При этом говорили: «Мама, несомненно, святая».

Потом приехала гадалка Гриппа 30 лет, очень красивая. Николай говорил про эту пророчицу: «В одну ночь она может принять три поколения царской семьи, а потом пить свой шоколад в кровати». Гриппа эта часто вела беседы с государем, называла его «прислужником цариц» и еще «футляром для приказов». Николай пересказал Александре Федоровне разговоры с гадалкой. Она отреагировала: «Ники бросает мой хлеб этой собаке. Пускай! Я не ревнива».

Петербург был охвачен ажиотажным спросом на гипнотизеров, странников и кликуш. Впечатления от первой русской революции выработали у дам русского высшего света новый стиль жизни, новую моду. Можно даже сказать, что революция привела в экстаз дамскую часть официального Петербурга. Захотелось соединить томление духа, с томлением плоти, прикрыть немного мистикой, в общем, отправиться на поиски простоты, искренности и истинности. Императрица была, как и положено, первой дамой империи, законодательницей в новой моде. И здесь уже было не до перешивания пуговиц. В общем и целом все были готовы к пришествию Распутина.

Распутин безошибочно понял, чего от него хотят. «Возили меня, – вспоминал он, – и показывали, как райскую птицу. И восчувствовал я, что и хотя и позолотилась моя судьба, но что-то подломилось. Понял я, что моей мужицкой свободе конец пришел. Что будут они все со мной в мужичка играть. И мне их хитрости постигнуть надо, а не то мне крышка. Капут».

Наконец «райскую птицу» Распутина довели до императорского дворца. Знакомство его с Александрой Федоровной произошло в присутствии фрейлины императрицы Анны Вырубовой, в девичестве Танеевой. Феликс Юсупов был знаком с барышней Танеевой, сохранил о ней

детские воспоминания: «Танеева, рослая, сильная девица с толстым, лоснящимся лицом, была напрочь лишена обаяния. Ума за ней тоже не водилось. Только хитрость и жир. Охотников танцевать с ней не было. Кто бы мог подумать, что толстуха Анна сблизится с царской семьей и поможет головокружительному восхождению Распутина».

Как-то раз сели вечером царица с Вырубовой поиграть в четыре руки Лунную сонату Бетховена. Лунная соната всегда до слез умиляла Александру Федоровну.

Время уже шло к полуночи. Императрица сидела за роялем спиной к дверям. В дверях стоял Распутин и смотрел императрице в спину. Часы пробили полночь.

«Не чувствуешь ли ты, Сана, что происходит нечто особенное?» – спросила Вырубова и повернула голову к Распутину. «Да», – ответила царица, тоже повернулась, вскрикнула и забилась в истерике. Распутин подошел к ней, начал гладить ее голову, щеки, плечи. Царица припала к распутинской груди.

Сестра Александры Федоровны Елизавета Федоровна не терпела Распутина и никогда с ним не встречалась. Царица ее категорически не понимала. «Ты брезгуешь этим человеком, – говорила ей царица. – А между тем он и есть все самое русское».

Александра Федоровна глубоко усвоила художественный и политический стиль Распутина, он проступает в ее письмах к мужу:

«В Думе все дураки, в Ставке сплошные идиоты, в Синоде одни только животные, министры – мерзавцы. Дипломатов наших надо перевешать. Поскорей закрой Думу. Думу надо прихлопнуть. Все они должны научиться дрожать перед тобой. Тебя должны бояться. Мы, слава Богу, не конституционное государство и не смеем им быть. Наш народ не подготовлен к этому, и слава Богу. Показывай свой кулак».

Княгиня Зинаида Николаевна Юсупова, зная, что императрица вся во власти проходимцев, жалела ее. Зинаида Николаевна приехала на Каменный остров, к вдовствующей императрице Марии Федоровне, и в присутствии сестер Николая, Ксении и Ольги, сказала, что единственное средство спасти государя, детей и Россию – это поместить императрицу в санаториум для душевнобольных. Изолированная, спокойная, тихая жизнь могла еще ее спасти.

По всеобщим отзывам, болезнь Александры Федоровны отступила с началом мировой войны. В годы войны внешне она была необыкновенно хороша собой. Французский посол Палеолог писал: «У нее никогда не было такого здорового вида. Императрица вся была поглощена работой в лазарете».

«В первый раз побрила солдату ногу возле и вокруг раны».

«Одному раненому пришлось отрезать три пальца».

«Мне пришлось перевязывать несчастных с ужасными ранами. Они едва ли останутся мужчинами в будущем, так все пронизано пулями. Быть может, придется все отрезать – так все почернело. Я все промыла, прочистила, помазала иодином, покрыла вазелином, подвязала – все это вышло вполне удачно. Мне приятнее делать подобные вещи самой под руководством врача».

Надо сказать, что идею поработать в лазарете подарил императрице Распутин.

«Я нахожу совершенно естественным, – писала императрица, – что больные чувствуют себя лучше в моем присутствии, потому что, глядя их, я всегда молюсь и думаю о нашем друге».

Друг – Распутин. Чистая правда, что она всегда думала о нем, потому что она умела заботиться о его детях. Распутин пожелал, чтобы его дочь Матрена получила воспитание обязательно в Смольном институте. Начальница института старая княгиня Ливен отказала в приеме Распутиной, не имевшей необходимой подготовки, и демонстративно ушла со своего поста, который занимала более 20 лет. После этого дочь Распутина была устроена в Смольный без

каких-либо документов и без экзаменов. Младшая дочь Распутина Варвара училась в частной гимназии. Вырубова писала о ней: «Прелестная девочка. В ней есть что-то от отца. Те же глаза. А когда смеется, та же мужицкая хитрость».

Подруги Варваре говорили: «Счастливая ты, Варя! Твой отец все может сделать. Что бы ни попросила, все тебе дадут».

Сына Распутина Дмитрия императрица лично отмазывала в войну от армии. Императрица писала мужу: «Наш друг (то есть Распутин) в отчаянии, ведь его сын ведет хозяйство в отсутствие отца. Нельзя брать единственного сына». Указание в отношении стрелка Распутина давал не кто иной, как начальник Генерального штаба.

В 1916 году Николай в основном пребывает в Ставке. Александра Федоровна – невольно на хозяйстве в Петербурге. Она в тонусе. Это своего рода военный синдром. Николай пишет жене одно из самых знаменитых своих писем:

«Тебе надо бы быть моими глазами и ушами там, в столице, пока мне приходится сидеть здесь. На твоей обязанности лежит поддерживать единение среди министров. Этим ты приносишь огромную пользу мне и нашей стране. О, бесценное Солнышко, я так счастлив, что ты наконец нашла себе подходящее дело. Теперь я, конечно, буду спокоен и не буду мучиться, по крайней мере о внутренних делах».

В декабре 1916 года великая княгиня Елизавета Федоровна в очередной раз попыталась поговорить с младшей сестрой-императрицей о Распутине. Александра Федоровна прервала ее: «На святых всегда клеветают». Уходя, Елизавета Федоровна бросила: «Помни о судьбе Людовика Шестнадцатого». Французский король Людовик XVI был казнен во время революции вместе с женой Марией-Антуанеттой.

Императрица писала Николаю в Ставку: «Время великой снисходительности и мягкости кончено – теперь наступает царствование воли и власти. Потому что знают, что у меня сильная воля!» Александра Федоровна вернулась в свое детство. В самый неподходящий момент она превратилась в Spitzbube, что значит «озорница». Так ее называли в детстве, когда, замкнутая от природы, она раскрепощалась в кругу близких людей. В конце 1916 года гипнотизер Распутин оказался ее единственным компаньоном. Руководить Россией она при всем желании не могла. У Распутина также в отношении России конструктивных предложений не было. Неконструктивных предложений было множество. С середины 1915 года до отречения сменилось шесть министров внутренних дел. После Маклакова – князь Щербатов. Продержался 3 месяца, слетел за статью о Распутине. Потом Хвостов Алексей Николаевич – 7 месяцев. Слетел за интригу против Распутина. МВД пять месяцев возглавляет лично премьер Штюрмер. Его сменяет Хвостов, но другой. Александр Алексеевич. Держится 2 месяца. После него Протопопов.

Теперь военные министры: Поливанов, Шуваев, Беляев. Дальше – чехарда в Министерстве юстиции. После Щегловитова назначают Хвостова, в смысле Хвостова-второго, Александра Алексеевича. Которого потом назначают на МВД вместо Штюрмера. После Хвостова Минюст возглавит Макаров, который также раньше был главой МВД. Под конец будет Добровольский. Но это уже после убийства Распутина.

«У него хаос в голове, политический хаос». Эти слова министра внутренних дел Протопопова легко могут быть отнесены к Распутину, хотя сказаны они о другом персонаже петербургской светской, медицинской и политической жизни. Этот персонаж – доктор тибетской

медицины Бадмаев – появился в Петербурге задолго до Распутина, еще при Александре III, и сохранял свой вес до 1917 года.

Вот что пишет о Бадмаеве Сергей Юльевич Витте:

«В некоторых случаях своим лечением он приносит пользу, но его лечение всегда связано с различными интригами и политикой».

А также, надо добавить, с деньгами. Бадмаев был введен к Николаю. Царь лечился у него травами и советовался с ним по государственным вопросам. У Бадмаева был санаторий. Фамилии из списка больных в его санатории переключивались в список кабинета министров. То есть санаторий Бадмаева – это вариант ЦКБ, Центральной клинической больницы периода заката советской империи.

Княгиня Зинаида Николаевна Юсупова пишет: «Так хотелось бы плюнуть на всех и на все и уйти подальше от этой атмосферы безумия, интриг и злобы!» И еще из этого же письма княгини Юсуповой: «Презираю всех тех, которые все это терпят и молчат! Валида – сама сумасшедшая и свела с ума своего супруга». Валидой княгиня Юсупова называет императрицу Александру Федоровну. Валида – от латинского *validus* – имеющий силу, действительный. То есть Валида – действительная, реальная правительница России. Николая II княгиня Юсупова в письмах называет просто Валидол.

Министр внутренних дел Протопопов как раз протеже Бадмаева, они были знакомы 27 лет. Так что Протопопову трудно не верить, когда он говорит, что у тибетского доктора в голове «политический хаос».

Бадмаев с Распутиным, да и с Протопоповым работали в царской семье рука об руку. Распутин успешно занимался внушением, Бадмаев обеспечивал комплекс успокоительных фармакологических средств, прежде всего для наследника.

На первый взгляд страх Александры Федоровны за здоровье сына – единственный рациональный мотив в отношениях императрицы с Распутиным. Материнское чувство в сочетании с комплексом вины за то, что болезнь несвертываемости крови пришла из ее, Александры Федоровны, семьи, может служить оправданием многих поступков императрицы и объяснением свободы рук лекаря Распутина.

Физические страдания сына вызывали у Александры Федоровны сильнейшие боли с лицевыми спазмами, сердечными приступами и частичным параличом конечностей.

Но в треугольнике императрица – цесаревич Алексей – Распутин интересно еще одно обстоятельство. Страх за здоровье сына ничуть не заслонял в сознании матери главной мысли: ее сын Алексей – будущий российский монарх.

Распутин этой мечтой царицы отлично манипулировал, и сейчас трудно сказать, видела ли Александра Федоровна в Алексее наследника Николая или его замену.

Императрица тяжело рожала сына. Лейб-медик Тимофеев запросил указания у Николая, кого спасать в критической ситуации: мать или ребенка? Царь ответил: «Если это мальчик, спасайте ребенка и жертвуйте матерью». Впоследствии императрице сообщили об этом высочайшем указании.

В 1916 году, в разгар Первой мировой войны, фронт жил жизнью, совершенно отдельной от всей остальной России, включая официальный Петербург. Великий князь Александр Михайлович, муж сестры Николая Ксении, тесть Феликса Юсупова, ненадолго приезжал с фронта в Петербург. Вот его впечатления:

«Война не интересует Петербург. Петербург живет слухами. Правда ли, что царь запил? А вы слышали, что государя пользует какой-то бурят и он прописал ему лекарство, которое разрушает мозг? Известно ли вам, что премьер Штюрмер общается с германскими агентами в Стокгольме? А вам

рассказывали о последней выходке Распутина? И никогда ни одного вопроса об армии и ни слова радости о победе Брусилова».

4 июня 1916 года войска под командованием генерала Брусилова, прорвав позиционную оборону австро-венгров, начали наступление по всему Юго-Западному фронту и продвинулись на глубину от 60 до 150 км. Потери противника были огромны. В лице Брусилова и его армии Россия продемонстрировала собственный новый военный и стратегический потенциал. Неожиданность и широта наступления, безукоризненная связь между частями как извлеченный урок из своих поражений в 1914 году, артподготовка, обеспеченность снарядами, окопы в 75 шагах от линии обороны противника. И главное – новое качество руководства в лице Брусилова.

Русская армия развивала успех на Кавказском фронте и продвигалась в глубь турецких владений. Войска генерала Юденича взяли Эрзрум. У генерала Юденича, как и у большинства участников Первой мировой войны, впереди была Гражданская война.

Тот же великий князь Александр Михайлович в это время писал: «В нашем тылу произойдет восстание именно в тот момент, когда армия будет готова нанести врагу решительный удар».

Наступление русской армии осенью 1916 года не было развито, хотя экономика позволяла. Утверждение о том, что армия испытывала моральную усталость, можно было бы принять, если бы не знать, что дальше последует братоубийственная русская гражданская война. Она будет идти три года со страшным ожесточением и без моральной усталости.

К 1916 году, несмотря на потерянные территории, мобилизацию из городов и деревни, Россия увеличила производство снарядов на 2000 %, артиллерийских орудий – на 1000 %, винтовок – на 1100 %.

Общий рост экономического производства по сравнению с эталонным 1913 годом составил 21 процент.

Большевики унаследовали 18 миллионов снарядов. В месяц производилось 222 самолета. В пять раз увеличено производство телефонов. Пять автомобильных заводов производили грузовики и были готовы к производству собственных танков.

Главной проблемой 1916 года было продовольствие. Ответственным за продовольствие становится министр внутренних дел Протопопов. Россия была единственной из воюющих стран, которая с самого начала войны не ввела карточки на продукты, кроме сахара. При этом с начала войны в целях предотвращения спекуляции в России были введены твердые закупочные цены на зерно. Результаты этой правительственной меры оказались крайне неудачными. Крестьяне, привыкшие к рыночной системе отношений, резко сократили посевы и уменьшили поставки в города. Пошли очереди около казенных хлебных лавок, за очередями пошло недоедание. В 1916 году цены на зерно подняли, но оставили фиксированными. На все остальные продукты цены выросли в четыре-пять раз. Зерно на продажу из деревни не везли. Решение о введении продразверстки, принятое под давлением Думы в сентябре 1916 года, результатов не дало. Императрица 16 сентября пишет Николаю с ленинской интонацией: «Важнейшим для нас вопросом является сейчас продовольствие». Однако ленинские зверские методы продразверстки с полным изыманием зерна и массовым убийством крестьян-производителей в голову никому не приходили. Мысль о тотальном военном коммунизме больше не возникала, несмотря на то что 15 хлебных губерний были потеряны в ходе великого отступления в 1915 году, несмотря на бесчисленных беженцев, несмотря на неурожай 1916 года.

В начале 1916 года зерновой госрезерв составлял 900 миллионов пудов – треть годовой потребности России. Этот резерв – последнее, чем мог помочь своей стране после своей смерти убитый премьер-министр Петр Аркадьевич Столыпин, автор успешной, но незавершенной либеральной аграрной реформы.

В 1916 году свободному рынку правительство не доверилось и цены на хлеб не отпустило. То зерно, которое собрали, не могли довести до городов и в действующую армию из-за обычной неразберихи в работе транспорта. За 1916 год сменились четыре премьер-министра: Горемыкин, Штюрмер, Трепов, Голицын.

Верховный главнокомандующий 15-миллионной армией российский император Николай Романов сидел в своей Ставке в Могилеве.

Большая романовская семья наконец не выдержала. В ноябре 1916 года великий князь Николай Михайлович при встрече с императором передал ему письмо, которое выражало общее настроение царской фамилии.

«Неоднократно ты мне сказывал, что тебе некому верить, что тебя обманывают. Ты веришь Александре Федоровне, что вполне естественно. Но что исходит из ее уст – есть результат ловкой подтасовки. Твои первые решения всегда верны. Но как только появляются другие влияния, ты начинаешь колебаться. Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше – накануне эры покушений. Поверь мне».

Николай письмо не прочитал, а переслал Александре Федоровне. Она прочитала и написала мужу:

«Страшно возмущена письмом Николая (то есть великого князя). Он чувствует, что со мной считаются, и это невыносимо для него. Почему ты не сказал, что сошлешь его в Сибирь? Он – воплощение всего злого. Скверный он человек, внук еврея».

Насчет «внука еврея» здесь надо уточнить. Во-первых, великий князь Николай Михайлович – внук царя Николая I, а во-вторых, в данном случае мы получили представление о перле и алмазе из набора ругательств русской императрицы. Вслед за Николаем Михайловичем высказались великие князья Михаил Александрович, Георгий Михайлович, Александр Михайлович и Дмитрий Константинович. Все выразили недовольство положением дел в правительстве, вмешательством Распутина и Александры Федоровны.

Убийство Распутина в декабре 1916 года картины безвластия не изменило. Мимолетный восторг и оживление в связи с избавлением от Распутина, о необходимости которого так долго твердили все, к сплочению российской политической элиты не привели.

Николай центром сплочения быть не мог, да никого он уже и не интересовал. Даже в семье. В семье его потихоньку начали пренебрежительно называть полковником.

7 января 1917 года председатель Государственной думы Михаил Родзянко получил аудиенцию у государя и сделал ему доклад о положении в стране:

«Ни для кого не секрет, что императрица помимо вас отдает распоряжения по управлению государством, министры ездят к ней с докладом, неудобные ей быстро летят со своих мест. В стране растет ненависть к императрице. Для спасения вашей семьи вам, ваше величество, необходимо отстранить императрицу от влияния на политику. Не заставляйте, чтобы народ выбирал между вами и благом Родины».

Государь сжал руками голову, потом сказал: «Неужели я двадцать два года старался, чтобы было лучше, и двадцать два года ошибался?»

Родзянко ответил:

«Да, ваше величество, двадцать два года вы стояли на неправильном пути».

1917

1917 год. Самый главный и самый страшный год XX века в России, да и в мире. На него приходится две русские революции. Первая революция сделала Россию на девять месяцев – три четверти года – демократической, а вторая – на три четверти века большевистской. Отставка царя, Временное правительство, приезд из эмиграции и невероятная, дьявольская, роковая активность Ленина и Троцкого – или Троцкого и Ленина. И человек, который мог повернуть ход истории, но не повернул, – Александр Федорович Керенский.

2 марта 1917 года, после полудня, в поезде, стоящем на станции Псков, российский император Николай II пригласил к себе своего врача профессора Федорова и сказал ему:

«В другое время я не задал бы вам подобного вопроса, но теперь момент очень серьезен, и я прошу ответить мне с полной ответственностью: будет ли мой сын жить и сможет ли он когда-нибудь царствовать?» – «Ваше величество, – ответил доктор Федоров, – я должен признаться вам, что его императорское высочество наследник не доживет и до шестнадцати лет».

После этого разговора Николай принял решение об отречении за себя и за сына. Накануне, 1 марта, за отречение императора высказались командующие всеми фронтами. Ранее, 27 февраля, государь попытался вернуться из Ставки в Царское Село.

Его поезд дошел до станции Дно. Дальше было некуда. Дальше его не пустили. Николай решил, что поедет в Псков.

2 марта, в 10 часов вечера, к Николаю в Псков из Петрограда приехали два депутата Государственной думы – Александр Иванович Гучков и Василий Витальевич Шульгин. Эти два человека были свидетелями того, как Николай писал и подписывал документ об отречении.

Во время беседы Николай держался спокойно и просто. По словам Шульгина, только выговор у государя был немножко чужой – гвардейский. Шульгин переживал, что явился к государю небритым, в пиджаке и в смятом воротничке. Шульгина можно было извинить. 2 марта шел четвертый день второй русской революции. Государь-император толком не знал, не видел и не мог себе представить, что творилось эти четыре дня в столице его империи. В эти дни полного смятения наибольшую решительность проявил человек, которому весь последующий век будут вменять исключительно слабость и нерешительность. Этот человек – Александр Федорович Керенский.

Еще в 1915 году русский заводчик и финансист Алексей Иванович Путилов предупредил, что Россия обречена на революцию и поводом для революции может быть что угодно: голод, стачка, дворцовый переворот.

В 1917 году все пошло точно по Путилову. И началось все на Путиловском заводе. Кстати, первоначально это был завод другого Путилова, и к 1917 году он был уже не в частных, а в государственных руках. Но не в этом дело. 18 февраля вследствие повышения цен рабочие потребовали 50-процентного повышения зарплаты. Администрация отказалась. Рабочие остановили машины. Пошли митинги в цехах по всему заводу. Администрация через три дня объявила локаут. Сорок тысяч человек оказались на улице. Кроме того, в Петрограде критической стала ситуация с продовольствием.

21 февраля женщины уже врывались в булочные и бакалейные лавки и грабили их. 23 февраля в Петрограде исчез хлеб. В этот же день началась всеобщая стачка. Дума обсуждала вопрос о продовольствии. Министр земледелия Риттих выступал в Думе, а после выступления рыдал в правительственном павильоне. Хлеба много, но до города он не доходит.

Железнодорожный транспорт стоит. Морозы, снежные завалы.

Рабочие по окончании митингов на заводах с пением вышли на улицы. Конная и пешая полиция толпу сдержать не могла. Градоначальник Петрограда генерал Балк отдал приказ военному командованию подавить бунт. 25 февраля в дело были пущены казачьи отряды и пехотные подразделения.

На площади Николаевского вокзала, у памятника Александру III, казаки начали браться с участниками многотысячного митинга.

В это время в Александринке играют премьеру драмы Лермонтова «Маскарад» в постановке Мейерхольда. В театре аншлаг, на улицах – тоже. Невский проспект и все прилегающие улицы запружены революционной толпой.

26 февраля, в воскресенье, полки солдат без офицеров начали покидать казармы. Некоторых офицеров арестовывали, некоторых убивали. К вывалившимся на улицы солдатам присоединялись гражданские. В полночь с воскресенья на понедельник, с 26 на 27 февраля, за четыре дня до своего отречения, Николай II подписал указ о прекращении работы Думы. Утром 27 февраля начался мятеж в гвардейских частях. Кавалерийские части, отозванные с фронта для наведения порядка, в столицу не прибыли. 27 февраля утром императорского правительства уже не существует. Дума, распущенная царем, не решается собраться на официальное заседание в Белом зале Таврического дворца. Но в полном составе собирается на частное заседание в Полуциркульном зале. В зал вбегает офицер и срывающимся голосом прерывает заседание: «Господа члены Думы, я прошу защиты. Я начальник караула, охраняющего Думу. Ворвались какие-то солдаты, моего помощника ранили. Я едва спасся. Что же это такое? Помогите». В эту минуту всеобщего замешательства заговорил Керенский: «Медлить нельзя. Войска волнуются. Я сейчас еду по полкам!»

Керенский, по воспоминаниям очевидцев, говорил решительно, резко, чуть презрительно. Глаза горели. Тут же было решено создать Временный комитет с неограниченными полномочиями.

В него вошли представители думского центра, а от левых партий двое: Керенский и Чхеидзе. Состав Временного комитета Дума утвердила. В этот момент солдаты, студенты, рабочие, интеллигенты – бесконечная толпа с улицы хлынула в здание Думы.

Керенский выбежал к первой толпе солдат на крыльцо Таврического дворца.

«Граждане солдаты! – кричал Керенский. – Великая честь выпадает на вашу долю. Объявляю вас первым революционным караулом!»

Этот караул не продержался и минуты. Его смела толпа.

К середине дня 27 февраля 200-тысячный Петроградский гарнизон оказался без офицеров. В Думе не было ни одного человека, кто взял бы на себя командование гарнизоном.

Около 3 часов дня к Керенскому в одном из коридоров Таврического дворца подошел председатель Думы Родзянко и сообщил следующее. К нему, к Родзянко, обратился депутат-меньшевик Скобелев с просьбой предоставить помещение для создания Совета рабочих депутатов в целях поддержания порядка. Родзянко спросил у Керенского: «Как вы считаете, это не опасно?»

«Что же в этом опасного, – ответил Керенский. – Кто-то же должен руководить рабочими».

Родзянко согласился, тем более что в Петрограде никто не работал, а Россия была в состоянии войны. Это коридорное решение – принципиальный момент Февральской революции. Именно в этот момент Дума сама отдала руководство вооруженными людьми в руки параллельной властной структуры. Между тем именно армия – главный камень преткновения во всех последующих событиях.

Идея Совета была не новой. В революцию 1905 года опыт Совета в Петрограде уже был использован. Тогда им руководил сперва полумифический Хрусталеv-Носарь, а потом уже абсолютно реальный Троцкий.

27 февраля 1917 года Совету была выделена комната за номером 13, председателем исполкома Совета был избран социал-демократ Чхеидзе, а его заместителем назначен Керенский.

Днем 27 февраля в Совет входили эсеры и меньшевики, большевики его игнорировали. Ближе к ночи они передумали и вошли в Исполком.

Неудивительно, что большевики в Петрограде меняли свою позицию столь оперативно. Революция была полной неожиданностью. За две недели до ее начала Ленин, выступая в Швейцарии на собрании швейцарских рабочих, заявил, что революция в России непременно свершится, но его поколение вряд ли станет ей свидетелем.

28 февраля по предложению большевиков было решено обратиться ко всем частям Петроградского гарнизона с указанием направлять своих депутатов в Совет. В результате в Совете рабочих депутатов солдаты составили две трети. Именно эти солдаты открыли впоследствии большевикам доступ в казармы и воинские части на фронте.

Надо сказать, что революция была полной неожиданностью не только для Ленина, но и для всех.

Василий Витальевич Шульгин предельно откровенно говорит о состоянии членов Временного комитета:

«Беспомощные, мы даже не знали, к чему приступить. Как заставить себе повиноваться? Кого? Против кого? И во имя чего? Кто может войти в правительство? Кто? В сущности – никого. Ломали, ломали копыя, сами сошли с ума и свели с ума всю страну мифом о каких-то гениальных людях, облеченных общественным доверием, которых на самом деле вовсе нет. Да, Керенский в правительстве необходим. Он самый деятельный. Его одного слушают. Он талантливый актер. Его талант питается энергией зала».

Впечатления самого Александра Федоровича Керенского это абсолютно подтверждают. Семеновский гвардейский полк прибывает в Думу и в состоянии крайнего возбуждения заполняет Екатерининский зал. Керенский выступает перед ним. В своих воспоминаниях пишет:

«Получив наконец возможность говорить свободно со свободными людьми, я испытывал чувство пьянящего восторга».

На второй день революции Керенский выдвинул лозунг:

«Государственная дума не проливает крови».

Таврический дворец превратился в главный петроградский участок. Керенский ведал им лично. Он был намерен спасти людей. Даже бывший кабинет председателя Думы был сплошь забит арестованными. Многие шли в Думу спасаться. Депутаты Думы разбирались с этими арестованными, выправляли им документы.

Высокопоставленных чиновников вели через правительственный павильон. Бывшие министры в Думу приходили сами. Пришел министр внутренних дел Протопопов. Толпа готова была его растерзать. Керенский лично вел его по Думе. Вытянутой вперед правой рукой Керенский разрезал толпу и кричал: «Не смейте прикасаться к этому человеку!» Левой рукой Керенский указывал на «этого человека».

Бывший глава МВД в мятом пальто сквозь штыки бежал за Керенским, который сам, абсолютно бледный, все орал: «Не смей прикасаться к этому человеку!» Эта профессиональная актерская импровизация закончилась только тогда, когда Керенский захлопнул за собой дверь правительственного павильона, рухнул в кресло и сказал бывшему министру: «Садитесь, Александр Дмитриевич».

Протопопов и Керенский оба были родом из Симбирска. До революции они по этой причине поддерживали, несмотря ни на что, хорошие отношения. Ленин тоже был родом из Симбирска. Но для него конкретные люди, города и страны не имели значения.

Своему старому приятелю Георгию Александровичу Соломону Ленин говаривал:

«Россия будет первым государством с осуществленным социалистическим строем. И дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, – это только этап, через который мы проходим к мировой революции».

Позже, недоумевая по поводу позиции Ленина, его приятель пытался найти объяснение: «Мне вспоминается, что Ленин задолго до смерти страдал прогрессивным параличом, и невольно думается, уж не было ли это просто проявлением симптомов его болезни». Надо сказать, что бывший глава МВД Протопопов страдал той же болезнью, что и Ленин. Но про глубокое нездоровье Протопопова говорили в открытую и поэтому ничему не удивлялись.

Бывшего военного министра Сухомлинова Керенский просто отбил у солдат в Думе, когда на того уже набросились, повалили и стали срывать погоны. Не унявшись, солдаты нагнали их с Сухомлиновым у дверей правительственного павильона. Керенский впихнул Сухомлинова за дверь и произнес совершенно театральную реплику: «Вы переступите через мой труп». Солдаты не переступили. Станиславский однозначно мог бы сказать актеру Керенскому: «Верю».

Марина Ивановна Цветаева, поэт, была под впечатлением от Керенского. В цикле «Лебединый стан» читаем:

*И кто-то, упав на карту,
Не спит во сне.
Повеяло Бонапартом
В моей стране.*

Марина Ивановна Цветаева, следуя необъяснимой традиции русской творческой интеллигенции, с детства обожала Наполеона. Видимо, именно этим чувством объясняются строки о Керенском. Депутат Госдумы Василий Шульгин с Мариной Цветаевой категорически не согласен: «Наполеона, Бисмарка или Столыпина между нами не было». Кстати, в связи со строками Цветаевой о том, кто спал, как спал, с кем спал в эти первые дни революции. В эти сумасшедшие дни члены Временного комитета и члены Исполкома Совета спали еще вместе, в одном кабинете в Думе. Урывками в креслах. Шульгин, Чхеидзе, Керенский, Гучков. Между спящими лидер кадетов, знаменитый историк Милюков, ведет многочасовой спор с социалистами о том, возможно ли, чтобы солдаты выбирали офицеров. Он говорит, что этого нет нигде в мире и что армия развалится.

Шульгин, член Временного комитета, будит главу Совета Чхеидзе, спрашивает: «Неужели вы правда думаете, что выборное офицерство – это хорошо?»

Чхеидзе отвечает шепотом: «Вообще все пропало. Чтобы спасти – надо чудо. Может быть, выборное офицерство это чудо».

На восьмом часу разговора Милюкову удалось уговорить собеседников-социалистов, что офицеров убивать не надо.

29 февраля лакей бывшего министра финансов Петра Барка арестовал своего хозяина и сдал новым властям. Это была месть за то, что хозяин отказался в свое время отмазать своего слугу от армии. Керенский подписал ордер на арест Барка, заявив, что нельзя идти против волеизъявления народа. Через две недели Барк был освобожден.

К утру 1 марта новое правительство еще не сформировано. В этот момент Петроградский Совет рабочих депутатов выпускает свой знаменитый приказ № 1, который расклеивают по городу на всех стенах. Суть приказа № 1 в следующем: власть в армии переходит к солдатским комитетам. Солдаты отныне выбирают командиров. Они же их сменяют. Приказ запрещает раздачу офицерам оружия, хранить оружие должны комитеты.

Фокус заключался в том, что этот приказ в оригинале писался исключительно для Петроградского гарнизона, однако фактически был распространен по всем фронтам.

О настроении в армии пишет в воспоминаниях один из авторитетнейших русских военачальников генерал Деникин:

«Рядовое офицерство не понимало, что происходит. Наверху, в рядах Генштаба, начал появляться новый тип оппортуниста, слегка демагога, игравший на слабых струнах Совета и нового правящего рабоче-солдатского класса. Они старались угодить инстинктам толпы, старались стать ей нужными и открыть себе возможности новой карьеры».

Того же 1 марта, в 11 часов, великий князь Кирилл Владимирович явился в Штаб вверенной ему морской гвардии и заявил о своей поддержке революции. В 4 часа 15 минут он прибыл в Таврический дворец с эскортом и заявил, что морская гвардия в полном распоряжении Государственной думы.

Вместо флигель-адъютантских аксельбантов на груди великого князя красный бант.

Свои интервью в эти дни великий князь начинал словами: «Мой дворник и я, мы одинаково увидели, что со старым правительством Россия потеряет все». Над своим дворцом он поднял красный флаг.

Великий князь Кирилл Владимирович был третий после наследника Алексея и брата Николая Михаила Александровича претендент на русский престол.

28 марта экс-премьер Владимир Николаевич Коковцов с женой и собачкой по кличке Джипик решили пройтись по Моховой в направлении Сергиевской улицы. Навстречу раздались ружейные выстрелы. Они побежали назад по Моховой. Испуганная собачка скрылась в ближайших воротах, они остановились – и тут из подъезда дома Главного артиллерийского управления вышел член Временного комитета Гучков в сопровождении молодого человека, который оказался Терещенко, будущим министром финансов и иностранных дел в разных составах Временного правительства. Гучков сообщил, что Госдума как раз сейчас формирует правительство.

Между бесконечными разговорами, дерганьем за рукав, ездой по полкам лидер кадетов Павел Николаевич Милюков где-то на уголке стола в запруженной народом Думе пишет список министров, и едва ли этот список был плодом долгих раздумий. Никто из людей, вошедших в первый состав Временного правительства, верховной власти в стране для себя не хочет. Но императорское правительство разбежалось – с собаками не сыщешь. Власть просто свалилась на них вместе с развалившейся армией в воюющей стране необъятных размеров.

Эти люди – на самом деле лучшее, что было в российской политике. Интеллигентные, образованные, не связанные с возней у трона. Они любили Россию, но у них был один недостаток: власть не была их страстью, единственной целью всей жизни. Один из отцов Октябрьского переворота Лев Троцкий про этих людей говорил, что они глядят на революцию глазами буржуа, испуганного за судьбу культуры. Ленин называл таких людей тупицами. И они действительно в этом смысле в подметки Ленину не годились.

Их было 11 в новом правительстве, из них 10 – либералы и умеренные консерваторы и один – Керенский – социалист. Председатель правительства князь Львов, из Рюриковичей, противник абсолютной монархии, либерал, по взглядам беспартийный борец за гражданские

права крестьян. Он свято верит в победу демократии в России и повторяет: «Не теряйте присутствия духа, сохраняйте веру в свободу России!»

Керенский в этом правительстве получает пост министра юстиции. В тот же вечер он подписывает свои первые приказы.

Всем прокурорам предписывалось освободить всех политических заключенных и передать им поздравления от имени нового революционного правительства. Далее была направлена телеграмма в Сибирь с приказом немедленно освободить из ссылки 73-летнюю «бабушку русской революции» Екатерину Брешко-Брешковскую. И с почестями отправить ее в Петроград.

Еще в одной телеграмме предписывалось освободить пятерых социал-демократов – депутатов Думы, находящихся в ссылке с 1915 года. В тот же день написана декларация о задачах Временного правительства. Она гласит: полная амнистия, уголовная и политическая, включая дела о террористических покушениях, свобода слова, печати, собраний и стачек. Отмена сословных, национальных и религиозных ограничений. Подготовка к Учредительному собранию для выбора формы управления страной. На самом деле, когда в декларации писались слова об Учредительном собрании, в Петрограде еще ничего не было известно об отречении государя-императора. Более того, несмотря на декларацию, Павел Николаевич Милюков выступил на митинге и заявил, что править будет малолетний наследник, а регентом будет брат Николая, великий князь Михаил Александрович.

В ответ на это выступление спешно собрался Исполком Совета и потребовал ответа от Керенского. Керенский заявил:

«Регентства не будет. В качестве крайней меры я предложу правительству выбор: либо отказаться от регентства, либо принять мою отставку».

Слова Керенского могли бы показаться самонадеянными, если бы не одно обстоятельство. В те дни ценность представляли только вооруженные люди. У Временного правительства в подчинении нет ни одного воинского подразделения. А Керенский одной ногой еще в Петроградском совете, который с ходу начал работать с войсками Петроградского гарнизона. Этот гарнизон особый. Он сформирован в основном из тех, кто косит от фронта. Они созданы для того, чтобы среди них вести революционную пропаганду. Идея им безразлична, лишь бы не на фронт. На фронте еще в 1915 году жаловались на дивизию, набранную в Петрограде. Ее называли «Санкт-Петербургским беговым обществом». Куда ни пошлют в бой, она обязательно бежит.

Вопрос о регентстве снялся сам собой. 3 марта из Пскова от государя-императора вернулись Гучков и Шульгин. Они привезли документ об отречении. Николай отрекся не в пользу сына, а в пользу брата, великого князя Михаила Александровича. Гучков и Шульгин с вокзала поехали на Миллионную улицу, на встречу с великим князем. В комнате справа от Михаила Александровича – Родзянко, Милюков. Милюков пять дней без сна, засыпает. Вздрагивает. Открывает глаза и снова засыпает. Слева от великого князя – Львов, Керенский. Керенский думает, что в любой момент могут ворваться и убить великого князя.

Милюков просыпается и произносит речь, смысл которой: монарх – единственный центр, единственное понятие о власти в России.

Потом к великому князю обращается Керенский:

«Разрешите вам сказать как русский – русскому. Приняв престол, вы не спасете России. Начнется гражданская война. Во всяком случае, я не ручаюсь за вашу жизнь».

Великий князь встает и говорит, что хочет подумать полчаса.

Потом он возвращается и произносит, что не может принять престол. Он отрекается за всю 300-летнюю династию.

Керенский кидается к нему: «Я буду утверждать перед всеми, да, перед всеми, что я глубоко уважаю великого князя Михаила Александровича!»

В 1905 году, после событий в Петербурге, Керенский поддерживал связь с эсерами-террористами и даже предлагал им убить Николая II. Выдающийся полицейский агент и одновременно лидер эсеровских боевиков Евно Азеф отклонил его план. Как член коллегии адвокатов Керенский входил в комитет по оказанию помощи жертвам Кровавого воскресенья 9 января. Был арестован за связь с эсеровскими боевиками. Сидел в «Крестах». Был выслан в Ташкент. Но ненадолго. Вернулся. В качестве адвоката принимал участие в основных политических процессах – по Ленскому расстрелу 1912 года, по делу Бейлиса в 1911–1913 годах, по делу фракции большевиков в 1915-м. В 1912 году избран в Думу и принят в масонскую ложу. С 1916 года член Верховного Совета масонов России. Членство в масонской ложе для русских политиков начиная с екатерининских времен – норма. И не только для политиков. Пушкин – тоже масон.

3 марта вечером, во время заседания правительства, Керенского вызвал один из членов Петроградского совета и сообщил, что Совет намерен арестовать бывшего царя и его семью. Идея исходит от депутатов-большевиков. Реакция Керенского однозначная: предпринять все от него зависящее, чтобы не допустить сползания к террору. 4 марта Николай направил главе Временного правительства князю Львову послание. Послание было без обращения и содержало следующие просьбы бывшего царя:

Раз – разрешить соединиться с семьей в Царском Селе.

Два – гарантировать семье безопасность.

Три – обеспечить проезд царской семье в Мурманск для отплытия в Англию.

Четвертая просьба была совсем нереальная. Николай просил позволения после войны возвратиться в Россию и поселиться в Крыму, в Ливадии. Кроме того, Николай хотел увидеться с матерью, Марией Федоровной. Она была в Киеве и сама поехала к нему в Ставку. На вокзал в Киеве она прибыла в сопровождении эскорта казаков. На императорской платформе ее провожал киевский губернатор. Когда она вернулась через два дня, ее уже никто не встречал, вход на императорскую платформу был завален, казаков не было и в помине. Экипаж также не был подан. Мария Федоровна поехала на извозчике. В Киеве вдовствующая императрица Мария Федоровна вместе с дочерью Ольгой продолжили работу в госпитале и лазаретах.

7 марта Керенский, выступая перед рабочими в Моссовете, заявил: «Сейчас Николай Второй в моих руках. И я вам скажу, товарищи, что до сих пор русская революция протекала бескровно, и я не позволю вам ее омрачить. В ближайшее время я лично отвезу Николая II в Мурманск, откуда он отправится в Англию». Более того, правительство решило просить Великобританию предоставить Николаю убежище.

Петроградский совет расценил это как отличный повод перехватить власть у правительства.

Исполком Совета немедленно принимает правительственное по тону заявление: войскам занять все ключевые станции на пути следования царя, передать во все города по телеграфу ордер на арест бывшего царя, арестовать его и везти в Трубецкой бастион Петропавловской крепости.

9 марта в 11.30 Николая в сопровождении депутатов Думы привозят в Царское Село, в Александровский дворец. Вечером того же дня в Царское Село прибывают представитель Петросовета и воинские подразделения на броневых автомобилях. Они намерены везти Николая то ли в Петросовет, то ли в Петропавловскую крепость. Воинская часть Царского Села Николая не выдала.

Впервые Керенский увиделся с царской семьей в апреле. Он первый протянул Николаю руку, представился: «Керенский», – и сказал, что они могут полностью положиться на него. Николай для Керенского остался загадкой. Очевидным было только его обезоруживающее обаяние. Императрица оставила совершенно определенное впечатление:

«Я с первого взгляда понял, что Александра Федоровна, умная и привлекательная женщина, хоть и сломленная сейчас и раздраженная, обладала железной волей. Прирожденная императрица, полная сознания своего права на правление».

Английская королевская семья и Романовы были породнены домами. Георг V и Николай II похожи, как однояйцевые близнецы. Их все путали. Они любили развлечься: переодевались и дурачили свою семью.

В марте Великобритания согласилась на приезд царской семьи. Однако отъезд отложили из-за того, что дети болели ветрянкой.

Тем временем ситуация в Лондоне изменилась. В левых кругах палаты общин и в прессе поднялся крик по поводу приезда бывшего русского императора. Его величество король Георг V, кузен Николая, взял свое приглашение обратно.

Британский посол сэра Бьюкенен рыдал, сообщая Керенскому о решении своего короля. Керенский передал это известие Николаю. Николай был невозмутим. Оставаться дольше в Царском Селе становилось небезопасно. Николай выразил желание выехать в Крым. Успех переезда в Крым гарантировать было нельзя. Керенский предложил Тобольск, посоветовал взять с собой как можно больше теплой одежды и попытался приободрить Николая. Тот отвечал: «Я ни в малейшей степени не обеспокоен. Мы верим вам».

Спустя девять месяцев после падения Временного правительства царская семья будет убита в полном составе, включая детей. Вот разговор Льва Троцкого с другим большевистским вождем, Яковом Свердловым. Троцкий между прочим спрашивает у Свердлова:

- Да, а где царь?
- С ним кончено. Он расстрелян.
- А где семья?
- И семья вместе с ним.
- Все?
- Все. Ну и что?
- А кто принял такое решение?
- Ильич.

Уже за первые два дня революции столица изменилась до неузнаваемости. Городское хозяйство моментально перестало функционировать. Отвратительно работал транспорт. Правда, людно было в ресторанах и кафе, где запрещенное в начале войны спиртное подавалось в бутылках из-под минеральной воды и в чайниках. Солдаты с ходу занялись спекуляцией нагребленным мусором с улиц. Мусор не убирался, все было покрыто шелухой от семечек, что придавало Петрограду вид глубокого захолустья. Повсюду день и ночь гремит «ура». На фоне этого «ура» – звуки «Марсельезы». Но мелодически эта «Марсельеза» не французская. Она печальная, полная тоски, она с ходу стилизована под русскую песню. Французский посол Морис Палеолог из окна посольства видит, как под эту «Марсельезу» в Таврический дворец идут солдаты гарнизона Царского Села. Во главе – цвет казачества, элита императорской гвардии. Затем полк Его Величества, отборнейший, специально созданный для охраны августейших особ. Затем железнодорожный полк Его Величества. Замыкала шествие императорская полиция, приставленная к внутренней охране царских резиденций, по сути принимавшая участие в личной жизни царской семьи. Все офицеры и солдаты присягали новой власти, названия которой они даже не знали.

До сих пор не дающий покоя вопрос о том, что было бы, если бы Временное правительство пошло на сепаратный мир с Германией и если бы 12 миллионов солдат высвободились с фронтов, носит сослагательный характер и ответа не имеет. Факт, что Временное правительство из войны не вышло. Было сформулировано новое отношение к войне, война была объяв-

лена по сути оборонительной, не преследовала более захватнических целей или господства над другими народами. На самом деле цивилизованное и ответственное правительство не могло повести себя иначе. Россия не кидает своих союзников. Кроме того, победа союзников была неизбежна, особенно если учитывать, что и Соединенные Штаты приняли решение о вступлении в войну.

Отказ от своих обязательств накануне победы союзников означал для России политическую и экономическую изоляцию, а также утрату гигантских территорий. Строго говоря, Временное правительство на самом деле думало о будущем России, а не о том, сумеет ли оно удержать власть.

Ровно через год, при подписании Брестского договора с Германией, соглашаясь на грандиозные для России территориальные потери, Ленин будет думать только об удержании власти. И он ее удержит.

В первые недели после падения монархии и Дума, и Петроградский совет направляют на фронт своих депутатов для разъяснения солдатам обстановки в стране. Вскоре представители Петросовета вытесняют на фронте думских делегатов. Керенский в воспоминаниях трезво оценивает эту ситуацию:

«Это расплата за отказ Думы возглавить общенациональное движение в первый день революции».

Но Керенский не вспоминает, как сам легко сказал: «Совет – это не страшно, кто-то же должен заниматься рабочими».

Теперь Совет от имени рабочих набирал силу в армии. Мандаты для поездки на фронт раздавались легко. В огромном количестве эти мандаты брали большевики. На фронте они призывали к одному – бросайте оружие.

Помимо русских солдат на этот призыв откликнулась Германия. И откликнулась организованно. В соответствии с информацией о состоянии российской армии после начала революции и по инструкции своего руководства главнокомандующий Восточным фронтом баварский принц Леопольд внезапно прекратил боевые действия против русских.

Полная тишина над германскими позициями. Потом на русских посыпались листовки за подписью принца.

Принц Леопольд призывал брататься с германскими солдатами. Немецкие солдаты по команде вылезали из окопов и ползли к русским. Потом на русскую сторону пошли немецкие офицеры с белыми флагами и предложениями перемирия.

Русская крестьянская молодежь, только надевшая форму, верила немцам бесконечно. В 1930-х годах в Париже бывший немецкий лейтенант Воленберг подробно рассказывал Керенскому о том, что к выполнению миссии по развалу русского фронта привлекались специально обученные группы офицеров и солдат.

Надо сказать, что о революции в Петрограде многие солдаты на фронте узнали именно из германских пропагандистских материалов. Эта информация явилась невиданным доселе искушением для солдата, находящегося на линии фронта. Почему я должен здесь умирать, когда дома начинается новая жизнь? И немцы говорят, что надо бросать оружие, и большевики приезжают на фронт и просто и понятно объясняют: «Мы призываем вас не умирать ради других, а уничтожать других – уничтожать ваших классовых врагов на внутреннем фронте!» Уже шел слух, и это было правдой, что в российской провинции всю жгут и грабят помещичьи усадьбы.

Во время поездки на Юго-Западный фронт Керенский разговаривал с солдатами. Один тщедушный парень выкрикнул: «Вы нас убеждаете, что мы должны воевать с немцами, чтобы крестьяне заимели землю! Но если меня убьют, я же земли не получу?» В ответ Керенский обратился к офицеру: «Немедленно отошлите парня домой. Пусть у него в деревне все знают,

что русской армии трусы не нужны». По свидетельству английской медсестры мисс Фармборо, после выступления Керенского перед войсками солдаты несли его на своих плечах до автомобиля, целовали его, его автомобиль и землю, по которой он шел. Некоторые молились, некоторые плакали или пели патриотические песни. Но это было так же мимолетно, как и в августе 1914 года, когда был другой патриотический подъем, и молились на государя-императора, объявившего о вступлении России в войну, и пели «Боже, царя храни».

Дезертирство в армии неумолимо разрасталось. Усилия по противодействию германской пропаганде успеха не имели. Братание с немцами приобрело массовый характер.

В это же время германский посол в Копенгагене граф Брокдорф-Рантцау рекомендует германскому правительству способствовать широчайшему хаосу в России. Средством достижения этого хаоса может быть усиление радикальных политических партий. У графа Брокдорф-Рантцау был для этого дела посредник, такой яркий персонаж, как Александр Гельфанд.

Партийное имя Парвус. Именно Парвус первым выдвинул идею перманентной революции. Позднее ее развил Троцкий. При этом Парвус был талантливым финансистом. Активно занимался денежными делами с Горьким в пользу большевиков. И к тому же Парвус был сотрудником германского МИДа. Вот этот самый Парвус и объяснил немецким генералам, кто такой Ленин, чем он может быть полезен Германии и почему ему надо помочь.

Исторической справедливости ради надо сказать, что у Ленина были свои цели. У этого человека была *idée fixe* превратить мировую империалистическую войну в «гражданскую войну между классами», то есть в гигантскую братоубийственную мясорубку, которая выдаст фарш для фирменной ленинской котлеты под названием «мировая революция». Именно это блюдо должно было стоять под первым номером в знаменитой советской поваренной книге. Также справедливости ради надо сказать, что Ленин в своей теоретической кухне в грош не ставил Россию с ее огромным крестьянским населением, а предпочитал западноевропейские государства с их мощным пролетариатом. При этом Ленин полагал, что поражение России в войне дела не испортит, потому что ускорит приход мировой революции. А так как победить Россию могла только Германия, то долг каждого настоящего революционера – помочь Германии в разгроме России.

Тотчас из германского МИДа последовала телеграмма. Его императорское величество сегодня утром решил, что русских революционеров надо переправить через Германию и снабдить материалом для пропаганды, чтобы они стали работать в России. Главным материалом для пропаганды стали уже выделенные два миллиона марок.

Еще 15 августа 1915 года германский посол в Копенгагене граф Брокдорф-Рантцау сообщал в Берлин, что они с Парвусом разработали план по организации революции в России. Посол свидетельствует, что Парвус – блестящий человек. Керенский, в свою очередь, в воспоминаниях пишет, что Парвус обладал большим политическим предвидением, чем отцы Великой Октябрьской революции. Эти слова Керенского можно считать за мелкую месть по отношению к Ленину и Троцкому, но это не так, потому что Парвус действительно первостатейный мастер стратегии, который на определенном этапе превосходил Ленина в подрывной деятельности против России.

Ленин поддерживал связь с Парвусом через своего старого приятеля Ганецкого, хотя Парвус просил себе в помощь Николая Бухарина, в будущем главного ленинского любимца. Кроме того, Парвус занялся успешным бизнесом с Россией. Доходы шли партии. Курьерские функции были на Урицком, будущем главе Петроградской ЧК. Партнеры Парвуса по бизнесу – Красин и Боровский, будущие наркомы торговли и иностранных дел, Ленину оставалось только контролировать эту финансовую активность. Но деньги решали не все. У Ленина умерла теща Елизавета Васильевна, которая вела дом. Крупская хозяйством заниматься не умела. У нее была прислуга, но Крупская не могла ею руководить. Дом и одежда быстро пришли в неопрятное состояние.

И тут в России произошла революция.

В марте 1917-го Парвус из Дании едет в Берлин к имперскому канцлеру, с предложением транспортировать эмигрантов-революционеров из Швейцарии в Россию. Кайзер Вильгельм лично дал добро на отправку радикалов.

3 апреля, в понедельник, в 3.10, Ленин прибыл в Петроград. Поезд с предоставленным лично германским канцлером plombированным вагоном остановился у платформы Финляндского вокзала. В вагоне – Ленин с женой Крупской, любовницей и другом Инессой Арманд, личным поваром и коллегами по партии.

На платформе выстроен почетный караул. Посмотрев в окно, Ленин сказал Крупской: «Сейчас нас арестуют». Крупская волновалась, что трудно будет найти извозчика. Грянул военный оркестр. Встреча была организована по первому разряду. Лозунги, транспаранты, грузовики с прожекторами, делегации и толпа любопытных.

Ленин вышел из вагона. Играли и пели «Марсельезу». Ленин поморщился. Ему хотелось, чтобы пели «Интернационал». На всех станциях по пути следования в Россию Ленин выходил из вагона в котелке, из поезда на Финляндском вокзале он вышел в кепке.

На вокзале в Императорском павильоне, то есть в супер-VIP-зале, Ленина встретил председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Чхеидзе и произнес краткую речь в том смысле, что надо сплачивать ряды всех сторонников демократии и что он, Чхеидзе, надеется, что Ленин будет стремиться именно к этой цели.

Как только Чхеидзе замолчал, Ленин повернулся к нему спиной и произнес:

«Дорогие товарищи солдаты, матросы и рабочие! Империалистическая война даст начало гражданской войне по всей Европе. Да здравствует мировая социалистическая революция!»

Из Императорского павильона Ленин вышел на привокзальную площадь. Здесь стояли два броневика.

Два слова о броневиках. При Петроградском гарнизоне существовали мастерские по ремонту бронетехники. В этих мастерских большевики пользовались влиянием. Вследствие чего им удалось, несмотря на категорический запрет, вывести один броневик, грузовик и легковую машину. Второй броневик пришел от особняка знаменитой балерины Матильды Кшесинской, который большевики реквизируют до того. Вот на этот именно броневик с бортовым номером марки «Остин» отечественного производства с утолщенной броней и пулеметными башнями, расположенными по диагонали, – вот на этот самый броневик и подняли Ленина.

Инициатором выступления Ленина с броневика был командир матросов Максимов. На следующий день, узнав об обстоятельствах приезда Ленина в Петроград, то есть о том, что тот ехал на германские деньги и в германском вагоне, Максимов вместе с матросами-балтийцами выпустили резолюцию:

«Узнав, что товарищ Ленин вернулся в Россию с согласия германского кайзера, выражаем глубокое сожаление по поводу его встречи в Питере. Если бы мы знали, то вместо криков „ура“, мы бы сказали: „Вон отсюда, возвращайтесь в ту страну, через которую вы к нам ехали“».

С вокзала Ленин на автомобиле отбыл в особняк Кшесинской. Коротко выступил с балкона. В самом особняке народу тоже было битком: солдаты, матросы, девушки из хороших семей. Сначала эту публику разогревали Зиновьев и Каменев. Зиновьев был с Лениным в

Швейцарии и приехал с ним в немецком вагоне. Каменев вернулся в марте из ссылки вместе со Сталиным и писал в «Правде».

Ленин говорил в течение двух часов. Он повторил свой главный тезис о перерастании мировой войны в гражданскую, заклеил позицию Петроградского совета за сотрудничество с Временным правительством и заявил, что для победы мировой революции Совет должен стать пролетарским. Петроградская партийная публика была шокирована.

Месяц революции в Петрограде настойчиво внушал мысль о необходимости единства. Каменев в большевистской газете «Правда» писал, что во время войны нельзя требовать от армии сложить оружие, нападок на Временное правительство избегал. Более того, получив из Цюриха в марте ленинские «Письма издалека» с призывом к свержению Временного правительства, Сталин и Каменев подвергли их цензуре и опубликовали частично.

Ленин явился в Петроград иностранцем, радикалом и не был понят соратниками.

4 апреля Ленин прибыл в Таврический дворец на собрание социалистов, которые намеревались заявить о единстве. Со всей накопленной в эмиграции яростью он начал:

- прекратить всякую активность на фронтах,
- прекратить поддержку Временного правительства,
- передать власть Советам,
- распустить армию, заменить милицией,
- национализировать землю.

Собрание готово было объявить Ленина сумасшедшим, как Чацкого. Петербург – колыбель великой русской литературы. Ленин считал по-другому: Петербург – колыбель мировой революции. Временное правительство сочло Ленина конченным человеком. Исключение составлял Керенский. Он был уверен, что Ленин скоро восстановит себя в общественном мнении.

В конце апреля на партийной конференции на сторону Ленина переходит Сталин. За это Сталина избирают в ЦК партии. Конференция голосует за ленинский лозунг «Вся власть Советам!». Идея Совета превосходная. По форме Совет демократичен, по сути, как только он станет большевистским, он будет проводить чисто партийную линию.

И тут в Россию приезжает Троцкий. Он немедленно выступил в Петроградском совете, и все сразу вспомнили, что он возглавлял Совет в революцию 1905 года. Он присоединился к Ленину в том смысле, что всю власть надо немедленно отдать Советам, а демократическую Февральскую революцию превратить в пролетарскую.

Между тем официально свои отношения с большевиками Троцкий не оформил, в партию не вступил. Когда Ленина спрашивали, почему так, он отвечал: «А вы не знаете? Честолюбие, батенька, честолюбие!»

Ленин также обратился за поддержкой к другу молодости и лидеру меньшевиков Мартову. Мартов обладал авторитетом, человеческим и интеллектуальным. Мартов Ленину отказал. Он говорил:

«Для Ленина ни война, ни мир не представляют интереса. Ему важна только революция. И единственная подлинная революция та, которая позволит большевикам прийти к власти».

Наличие в России двух органов власти – Временного правительства и Петроградского совета, а также маневры Керенского между ними закончились в мае уходом первого состава правительства в отставку. Князь Львов остался председателем, но правительство стало коалиционным. В него вошли шесть социалистов. Керенский – военный и морской министр. Он выдвигает лозунг: «Отечество в опасности!». С этим трудно спорить.

Ленин работает и с армией, и с другими слоями населения. На германские деньги, потому что никаких личных пожертвований на это не хватало, так вот, на германские деньги

Ленин создает 41 газету. Они работают на конкретные социальные и национальные группы. 27 газет выходят на русском языке, остальные на грузинском, армянском, литовском, латышском, татарском и так далее. Специальные газеты для женщин, для солдат, причем по родам войск. Плюс листовки. Фронт развалился. Война не прекращалась. Нормальная аграрная реформа, заявленная правительством, продвигаться не могла, потому что крестьяне просто жгли усадьбы и растаскивали все подряд.

3 июня в Петрограде, в Таврическом дворце, забитом солдатами, начался I съезд Советов. Министр почт и телеграфов меньшевик Церетели с трибуны произнес: «Сегодня в нашей стране нет политической партии, способной сказать: „Передайте нам власть и уберите ее“. Такой партии не существует».

Ленин тут же вскочил и выкрикнул легендарные слова:

«Есть такая партия. Мы готовы взять власть!»

В грохоте аплодисментов, выкриков и смеха Ленину ответил Керенский:

«Когда вам удастся свергнуть нас, вы приготовите место для диктатора».

Керенский жил долго, гораздо дольше Ленина, он умер в 1970 году, имел возможность наблюдать советскую историю и убедиться в точности своего прогноза.

Ленинское выступление на съезде Советов не было голословным. 9 июня большевики призвали в листовках выйти на улицы. Лозунги самые агрессивные: «Вся власть Советам немедленно! Долой десять министров-капиталистов!» Петроградский гарнизон, уже превратившийся в военное подразделение большевиков, выразил готовность принять участие с оружием в руках.

Глава Петроградского совета меньшевик Чхеидзе заявил, что большевистская затея превратится в кровавую баню. Церетели обвинил Ленина в подготовке переворота. Демонстрацию большевики отменили, сославшись на какие-то неясные инсинуации правительства.

На следующий день Церетели потребовал разоружения большевиков, иначе скоро они уничтожат всякую законность. И тут слабину дал Мартов, который, казалось бы, хорошо знал Ленина. Мартов произнес: «Невозможно разоружить рабочий класс». На самом деле Ленин вообще плевать хотел на то, что думают меньшевики. Он заявил, что впредь они будут проводить уличные действия, когда захотят и как захотят. Заявил и уехал на дачу к другу Бонч-Бруевичу.

16 июня Керенский начал наступление на Юго-Западном фронте. В попытке этого наступления было все – надежда на военный успех, желание показать дееспособность правительства внутри страны, а немцам продемонстрировать невозможность сепаратного мира.

Германское контр наступление означало крах этих надежд. Кроме того, солдаты Петроградского гарнизона, боявшиеся отправки, в качестве подкрепления, на фронт, чувствовали себя безопасно и безответственно в объятиях большевиков. Когда правительственный приказ об отправке на фронт был отдан – гарнизон отказался его выполнять.

3 июля в Петрограде начались массовые демонстрации рабочих и солдат. В отсутствие Ленина, который был еще на даче у Бонч-Бруевича, уличными действиями руководили Троцкий, Каменев и Зиновьев. Троцкий выступал с требованием смены власти. Он виртуозный оратор, он выступал повсюду. Кроме того, когда солдаты очередной раз вваливаются в Таврический дворец и захватывают министра земледелия эсера Чернова, Троцкий отбивает министра у толпы, и как отбивает! Он пишет об этом в воспоминаниях, конфузится и вкладывает рассказ в уста большевику-очевидцу. Вот как это звучит:

«Трудно сказать, сколько продолжалось бы бурливое волнение массы, если бы делу не помог товарищ Троцкий. Он сделал резкий прыжок в кузов

автомобиля и широким взмахом руки подал сигнал к молчанию. В одно мгновение все стихло. Лев Давыдович произнес: „Кто за насилие над Черновым, пусть поднимет руку”. Никто даже не приоткрыл рта. „Гражданин Чернов, вы свободны”, – торжественно произнес Троцкий».

Ленин приехал в Петроград с дачи только 4 июля. В этот же день, несмотря на то что Временное правительство бездействует, а толпа готова на все, газета «Правда» выходит в странном виде. На первой странице – большое пустое белое пространство и статья, призывающая к сдержанности. 5 июля утром Ленин говорит Троцкому: «Теперь они нас перестреляют. Самый для них подходящий момент».

Когда Ленин произносил эти слова, он имел в виду не то, что правительство перекинуло с Северного фронта войска для наведения порядка в городе. Он имел в виду совсем другое. И он знал, что говорил.

4 июля Керенский приказал распространить документы, подтверждающие политические и финансовые связи Ленина с германским командованием. Расследование этих связей началось сразу же после приезда Ленина, в апреле. Поручено было специальной службе контрразведки. В курсе были только четверо членов кабинета министров: Керенский, Некрасов, Терещенко и позже – новый министр юстиции Переверзев.

Вечером 4 июля служба контрразведки пригласила в здание Генштаба представителей нескольких полков Петроградского гарнизона. Их вкратце ознакомили с делом Ленина. Материалы буквально шокировали солдат. При этом в газетах решили опубликовать только часть разоблачающих материалов. А остальные документы правительство неосмотрительно решило оставить до судебного процесса, который поставит большевиков вне закона. Однако после этого произошло невероятное. Лично председатель правительства князь Львов начал обзывать все газеты и просить вообще ничего не публиковать. Князь Львов решил, что трогать Ленина рано. Петроградский совет неожиданно оскорбился за Ленина. И также издал приказ, запрещающий публикации. Материалы появились в единственной газете «Живое слово» в виде заявления бывшего большевика Алексинского и эсера Панкратова под заголовком «Ленин, Ганецкий и Козловский – немецкие шпионы». Через несколько часов после выхода газеты статья уже была перепечатана на листовках.

Ночью накануне публикации главный прокурор апелляционного суда Каринский позвонил приятелю Ленина Бонч-Бруевичу, предупредил о готовящейся публикации и посоветовал действовать.

Троцкий в своих мемуарах 1929 года на нескольких страницах спорит с воспоминаниями Керенского от 1927 года. Троцкий уверяет, что Керенский безграмотно доказывал связь Ленина с главой германского Генштаба Людендорфом. Троцкий пишет, что для доказательства этой связи достаточно было самого факта, что группа русских революционеров была пропущена через Германию.

Троцкий вообще очень четко комментирует связку ленинских и германских интересов. Людендорф надеялся, что революция в России приведет к разложению русской армии. Для этого он использует Ленина. Ленин воспользовался этим расчетом, но у него был свой расчет. Людендорф говорил себе: «Ленин опрокинет патриотов, я потом задую Ленина». Ленин говорил себе: «Я проеду в вагоне Людендорфа, а за услугу расплачусь по-своему». Вероятно, это правда. Вероятно, Ленин не был германским шпионом. Он был свободным от морали и от любви к родине человеком, рвущимся к власти.

Впоследствии Сталин уже по-своему обыграл всю эту историю с германским шпионом. Все ленинские соратники на процессах 30-х годов проходили именно как германские, английские, японские и прочие шпионы. У Сталина были хорошая память и своеобразный юмор.

На момент заочного спора Троцкого с Керенским оба они в эмиграции, а Ленин – в могиле, хотя и в Мавзолее. Троцкий, один из двух авторов Октябрьского переворота, выдал

из страны Керенского. Троцкого выгнал Сталин. Керенский предупреждал Ленина: «Вы приготовьте место для диктатора».

Правительство начало решительные действия 5 июля утром. Ленину удалось уйти из редакции «Правды» за несколько минут до появления юнкеров.

Ночь с 5 на 6 июля он провел на квартире секретаря военной организации большевиков Марии Сулимовой. Хозяйке квартиры Ленин говорил: «Вас, товарищ Сулимова, возможно, арестуют, а меня могут и повесить».

Утром правительственные силы отбили особняк Кшесинской. Ленин в этот день отсиживался днем у подруги Крупской Фофановой, ночью – у думского депутата Полетаева. Утром 7 июля добрался до квартиры Сергея Аллилуева, будущего тестя Сталина. Здесь он узнал о том, что выдан ордер на его арест. Ордер был выписан в Петрограде – прокурором Каринским, который предупреждал Бонч-Бруевича.

В Москве ордер на арест Ленина был выписан председателем первой Якиманской народной управы, которого звали Андрей Януарьевич Вышинский. Вышинский – будущий генеральный прокурор СССР и главный государственный обвинитель на сталинских процессах 30-х годов. Этот человек, в 1917 году подписавший ордер на арест немецкого шпиона Ленина, два десятка лет спустя будет отправлять на тот свет ленинских соратников. То есть по-своему Вышинский был последовательным человеком.

6 июля вечером на квартире сестры Ленина Анны Елизаровой, у которой он проживал после возвращения из эмиграции, прошел обыск. Корреспондент «Петроградской газеты» побывал на месте обыска на следующий день. Все соседи Елизаровых сходились во мнении, что жильцы квартиры 24 располагали большими деньгами. При этом слово «немецкие» не произносили. Старший дворник говорил: «Сами видите, таких домов, такой парадной лестницы, таких дверей красного дерева в Петрограде немного». И добавил, что Ленин всегда ездил на авто. «В нашем доме пролетарии квартиры не снимают».

Сейчас здесь «Музей быта интеллигенции». Ленин к интеллигенции себя не относил.

9 июля вечером Ленин, как всегда в сопровождении Зиновьева – с Зиновьевым он не расставался в последние десять лет, даже хотел усыновить его ребенка, но Зиновьев был против, – бежит на станцию Разлив, в 30 километрах от Питера. В советском кинематографе Ленин в Разливе, в знаменитом шалаше, всегда один. На самом деле они там вдвоем с Зиновьевым.

Каменев уже арестован. Троцкий еще на свободе и всю работу с большевиками в Петроградском совете. При этом у самих большевиков было ощущение, что они потерпели окончательное поражение. У всех остальных ощущение, что угроза большевистских радикалов исчезла и наступает стабильность. Троцкий в воспоминаниях пишет, что в Петроградском совете в Таврическом дворце путь в буфет в эти дни был маленькой Голгофой. Кругом злобные выкрики и скрежет зубов. В буфете раздавали чай и черные бутерброды с сыром или красной зернистой икрой. Троцкий уточняет, икры было много в Смольном и позже в Кремле. Так вот, Троцкий заметил, что буфетчик Графов подсовывает ему чай погорячее и бутерброд получше. При этом смотрит мимо него. «Ясно, – говорит Троцкий, – Графов сочувствует большевикам, но скрывает это от начальства».

В результате июльских событий первое коалиционное правительство ушло в отставку. Керенский встал во главе нового кабинета и сохранил пост военного и морского министра. Главнокомандующим вооруженными силами Керенский назначил генерала Лавра Корнилова, имевшего репутацию храброго и твердого человека. Предать гласности материалы о большевиках и немецких деньгах правительству так и не удалось. Совет защищал Ленина.

Более того, в этот момент Мартов, не какой-нибудь большевик, а авторитетный меньшевик Мартов произносит:

«Ленин бесчестный интриган, но не предатель».

Такого подарка Ленин в шалаше не ждал. В это время Ленин сбривает бороду, приклеивает парик, Зиновьев, наоборот, отпускает бороду, сбривает волосы. И они, изображая машинистов, переезжают в Финляндию, в Гельсингфорс, то есть в Хельсинки, к большевику Густаву Ровно, впоследствии секретарю Карельского обкома партии. В 1938-м он будет расстрелян.

Троцкого арестовали в конце июля, он сидит в «Крестах». Правительство в очередной раз уходит в отставку, сменяется новым, опять под руководством Керенского. Он решает провести в Москве государственное совещание. Его начинает преследовать страх переворота. С этим страхом и связано назначение генерала Корнилова. При этом самого Корнилова Керенский также подозревает в бонапартизме.

Корнилов прибыл в Москву в полдень на Александровский, сейчас Белорусский, вокзал. На платформе – женщины-юнкера, оркестр, почетный караул, дамы в нарядных платьях, на виадукке – депутаты. В положении «смирно» женский батальон смерти. На площади – казачья сотня. Личная охрана Корнилова – туркмены в красных халатах с обнаженными саблями.

Через две недели Корнилов предпринял попытку переворота. Идея состояла в объявлении чрезвычайного положения в Петрограде плюс передача военной и гражданской власти в руки самого Корнилова. Затем – формирование нового правительства. Причем кресло министра юстиции предлагалось Керенскому, а пост военного министра – эсеру Савинкову. Идея диктаторского правления была поддержана и прорабатывалась крупнейшими представителями финансовых кругов во главе с Алексеем Ивановичем Путиловым начиная с апреля, с момента приезда Ленина. Дата переворота определилась в связи с запланированным на конец августа большевистским выступлением. 28 августа в Петроград должен был вступить корпус генерала Крымова, укомплектованный Дикой дивизией с 1-й Донской казачьей дивизией. Кроме того, с Северного фронта в эшелоны грузилась Уссурийская конная дивизия. По мере их продвижения к Петрограду поступила информация, что выступление большевиков переносится. Без повода переворот сочли невозможным и решили устроить провокацию. Атаману Дутову, впоследствии активному участнику Белого движения, было поручено разгромить Сенной рынок и спровоцировать толпу на разгром магазинов. Атаман Дутов этого сделать не смог.

В тот момент Керенский боялся Корнилова и не думал о большевиках. Керенский отдает приказ разобрать железнодорожные пути от Петрограда до Луги. Приказ оперативно выполняется. За 90 километров до Петрограда корпус генерала Крымова останавливается. С правительственными войсками в столкновение не вступает.

31 августа Крымов на автомобиле приезжает в Петроград и встречается в Зимнем дворце с Керенским. Разговор был очень горячий. Продолжался четыре часа. Генерал Крымов был опущен, после чего он отправился на квартиру своего близкого друга и там застрелился.

Каким подарком оказался корниловский мятеж для большевиков! В Петрограде всем мерещится контрреволюция. Ленин немедленно становится главным защитником завоеваний Февраля. Он отправляет из Финляндии секретное письмо. Раз народ увлечен борьбой с Корниловым – поможем ему. Керенский слаб, он плохо защищает революцию. Мы обратимся прямо к народу. Питерские рабочие – вооружайтесь. Зовите в Питер кронштадтские, Выборгские войска, бейте офицеров, которые поддержали Корнилова, требуйте закрытия буржуазных газет. Еще 28 августа рабочие создали милицию для помощи правительству. Через несколько дней милиция уже большевистская и превращена в Красную гвардию.

Во время корниловских событий в Неву вошел крейсер «Аврора». Матросы с «Авроры» свободно заходили на свидание к заключенному Троцкому в тюрьму «Кресты» и спрашивали: охранять ли Зимний дворец или взять его приступом? Троцкий посоветовал им немного подождать, сказал: «Наше от нас не уйдет». «Не уйдет?» – переспросили матросы. «Не уйдет», – заверил их Троцкий.

1 сентября Керенский объявляет Россию республикой.

2 сентября Троцкий выходит из тюрьмы. Ленин в Финляндии в полном нетерпении.

14 сентября он пишет секретное письмо «Большевики должны взять власть». Члены ЦК ничего не понимали. После дискуссии решили письмо уничтожить. Ленин в письменной форме пригрозил ЦК подать в отставку и обратиться конкретно к народу с призывом идти на штурм. Мартов комментирует ситуацию: «Теперь есть два пути. Либо это жест гражданина, опускающего бюллетень в урну, либо это жест гражданина, заряжающего ружье». На самом деле ситуации «либо-либо» уже не существует.

25 сентября Троцкий становится во главе Петроградского совета.

Петроградский совет абсолютно большевистский. Московский совет – также. В конце сентября Ленин с Зиновьевым переезжают в Выборг.

В первых числах октября Петроградский совет переезжает из Таврического дворца в здание Смольного института.

Правительство с июля – в Зимнем. В Мариинском дворце 7 октября собирается так называемый предпарламент. Ранее здесь заседал Государственный совет. Картина Репина «Заседание Государственного совета», висевшая в Круглом зале, занавешена красными полотнищами.

Троцкий явился к концу заседания, поднялся на трибуну и сказал: «Только сам народ может спасти себя и страну. Да здравствует немедленный мир. Вся власть Советам. Вся земля народу».

После этого делегация большевиков покинула зал под свист и крики: «Идите в свои plombированные вагоны».

По городу, в трамваях, в очередях, немедленно пошли слухи о том, что большевики готовят восстание.

Крайнее нетерпение Ленина, находившегося в Выборге, объясняется следующим. Вопреки мнению большинства своих соратников, Ленин не верил в то, что население Петрограда, не говоря уже о всей России, поддержит большевиков в критический момент. Поэтому Ленин трезво считал, что действовать должны исключительно профессионалы, а само действие есть не что иное, как переворот. При этом он был уверен: достаточно парализовать центры власти – и власть упадет в руки.

7 октября на паровозе Н-2-293 Ленин вернулся в Петроград.

10 октября на частной квартире на Петроградской стороне состоялось ключевое заседание ЦК. Ленин без бороды и усов сделал часовой доклад. Говорил о том, как и когда следует начать восстание. Неожиданно раздался стук в дверь. Тревога оказалась ложной. Это пришел брат хозяйки, большевик, воспитанник кадетского корпуса, с самоваром. Все успокоились. Выступили Каменев и Зиновьев. Зиновьев впервые вообще выступил против Ленина. Оба категорически против восстания, за мирные методы борьбы, за созыв Учредительного собрания и через него приход к власти.

В конце концов ленинская резолюция, написанная огрызком карандаша на обрывке бумаги, получила большинство. После голосования напряжение спало, все набросились на бутерброды и беззлобно подшучивали над Каменевым и Зиновьевым.

Горький в своей газете «Новая жизнь» 18 октября пишет: «Центральный комитет большевиков не подтвердил разговоры о перевороте, но и не опроверг их». Генштаб в курсе всех слухов, всех публикаций. Керенский также в курсе. В газете «Биржевые ведомости», по сути, призыв к правительству – статья «Пора действовать». Никаких действий. Паралич.

Дожили до 24 октября. Утром 24-го на чердаке в Смольном обнаружены два десятка пулеметов. Троцкий приказал их проверить.

В воспоминаниях он пишет: «Пулеметы оказались в плохом состоянии. За ними не было ухода. Солдаты обленились, потому что не собирались защищать Керенского. Последние эсеры и меньшевики покидали Смольный». И, наконец, Троцкий выдает чеканную фразу:

«Мы оставались полными хозяевами здания, которое готовилось поднять свою большевистскую голову над городом и страной».

24 октября под контролем большевиков основные мосты и центральный телеграф. На телеграф пришел один комиссар, поговорил с лидером профсоюза телеграфистов, эсером, – и телеграф перешел в руки большевиков.

В 4 часа дня самокатчики, которые охраняли Зимний дворец, неожиданно передумали его охранять.

Учащихся средних школ и госслужащих руководство днем распустило по домам.

Один большевик в сопровождении 12 матросов завладел Петроградским телеграфным агентством.

Вечером на улицах спокойно. В Мариинке шел «Борис Годунов». Полтора годами раньше, в марте 1916-го, французский посол Морис Палеолог слушал Шаляпина в «Борисе». В одной ложе с послем сидела некая госпожа С., русская. Госпожа С. наклоняется к послу и говорит: «Обратите внимание, как много значения Мусоргский придает действию народных масс». И неожиданно добавляет: «Я была свидетельницей событий 1905 года. В революцию русский народ интересуется не политическими идеями, его привлекает зрелище, красные знамена, иконы, расстрелы, торжественные похороны и особенно пожары, которые так эффектно выглядят по ночам. Мы принадлежим к породе людей, любящих зрелище. Мы плохо кончим».

Уже захвачен Балтийский вокзал.

Ленин сидит на квартире приятельницы Крупской Фофановой и нервничает. Троцкий уже неделю не покидает Смольного, там ночует.

Фофанова бежит в Смольный с записками от Ленина. С Троцким в Смольном Каменев. Они не дают Ленину разрешения на приход в Смольный. Наконец Ленин не выдерживает, собирается и отправляется в Смольный. Здесь советский кинематограф не врал. Ленин действительно для конспирации подвязал тряпкой щеку. Ехал на трамвае, беседовал с вагоновожатой. Когда узнал, что она левых убеждений, начал рассказывать ей, как надо делать революцию.

Когда Ленин шел по Шпалерной, навстречу выехал конный патруль юнкеров. Это была последняя надежда России. Она не оправдалась. Патруль проехал мимо – Ленин попал в Смольный.

В октябре 1917-го Троцкий еще не бросил курить. Он просит у Каменева папиросу. Это после того, как заняты Николаевский вокзал, электростанция, почтамт.

В 3.30 «Аврора» подошла к Николаевскому мосту, который еще оставался под контролем юнкеров. Они разбежались в свете прожекторов.

В 6 утра взят Госбанк. В 7 утра – Центральная телефонная станция. Правительство без связи и без света. В 8-м часу утра последним взят Варшавский вокзал.

Троцкий называет события 24–25 октября переворотом. Жена Троцкого тоже говорит «переворот». Надо сказать, это слово ничуть не умаляет виртуозности большевиков. Они захватили власть в прямом смысле на глазах у изумленной публики. Ленин не оставил воспоминаний. Троцкий за себя и за Ленина говорит:

«Чутье, унаследованное от звериных предков, стало на службу революции».

Керенский намеревался выехать к войскам. Ему не могли найти автомобиль, пригодный для дальней поездки. Военные наконец нашли автомобиль «Pierce-Arrow» и одолжили в американском посольстве «Рено» с американскими флагами для сопровождения. В 11 утра Керенский выехал на фронт. Керенский не ехал в женском платье. Александр Федорович Керенский в женском платье – это большевистская карикатура. Такой большевики хотели представить народу российскую демократию – слабой, никчемной и обреченной.

Вечером 25 октября в ожидании открытия II съезда Советов Троцкий с Лениным лежат рядом в одном из залов на полу и отдыхают. Ленин расспрашивает Троцкого о смешанных пикетах красногвардейцев, матросов и солдат и восхищается: «Свели наконец солдата с рабочим!» Затем он внезапно спохватывается: «А Зимний? Ведь он до сих пор не взят? Не вышло бы чего?» Эта картина – из воспоминаний Троцкого. Троцкий привстает, чтобы справиться о ходе операции, но Ленин его удерживает: «Лежите, лежите, я сейчас кому-нибудь поручу».

Зимний был блокирован с 12 часов 25 октября. Его охраняли около трех тысяч офицеров, юнкеров, казаков плюс женский батальон. В 18.15 Зимний покинула первая группа юнкеров, в 20.00 – 200 казаков. Около десяти вечера выстрелила «Аврора», набережные были полны зевак. Зимний покинули юнкера Михайловского училища. В полночь восточное крыло осталось без охраны. Народ полез в окна. Правительство – на втором этаже, в зале заседаний. В начале третьего ночи Антонов-Овсеенко вошел в зал к министрам, арестовал их и увел в Петропавловскую крепость. Антонов-Овсеенко – профессиональный военный, человек, лично близкий и преданный Троцкому, – руководил захватом Зимнего. На три дня Зимний был отдан на разграбление. Первым делом были выколоты глаза государю-императору Николаю II на портрете работы Серова. Позднее портрет был полностью уничтожен. К счастью, в преддверии октябрьских событий коллекция Эрмитажа по указанию Временного правительства была отправлена в Москву, в Кремль.

Второй штурм, менее известный, но куда более страшный, начался в самом конце октября. Приступом брали императорские винные подвалы под зданием Эрмитажа. Люди тонули в вине и убивали друг друга в пьяных драках.

По воспоминаниям Троцкого, вино стекало в Неву и его лакали прямо из канав. Пьянка в Зимнем продолжалась больше недели, а потом пошли по другим домам.

Бывший депутат Госдумы Василий Шульгин в своей книге воспоминаний «Дни» написал:

«Все, что можно было испакостить, испакостено, и это – символ. Я ясно понял, что революция сделает с Россией: все залепит грязью, а поверх грязи положит валяющуюся солдатню».

Власть завоевана. Во всяком случае, в Петрограде. Надо формировать правительство. Ленин разговаривает с Троцким:

– Как назвать правительство? Только не министрами. Гнусное название.

– Можно бы комиссарами, – отвечает Троцкий. – Что, если «народными»?

– Народные комиссары, – повторяет Ленин. – Что ж, пожалуй, подойдет. А правительство в целом?

– Конечно, Совет. Совет народных комиссаров.

– Совет народных комиссаров? – задумывается Ленин. – Это превосходно: ужасно пахнет революцией.

1918

Шел тридцать второй день с тех пор, как большевики пришли к власти. На этот день, 25 ноября 1917 года, были назначены выборы делегатов в Учредительное собрание. Большевики эти выборы проиграли. Партия, лихо взявшая власть всего месяц назад, получила только четверть мест. Результат выборов Ленина не смутил и не удивил. Ленин прямо говорил, что октябрьские события – это переворот, что он сделан профессионалами, что на массовую поддержку рассчитывать нечего. Власть далась неожиданно легко. Чем черт не шутит, ее надо попробовать удержать.

По решению ЦК партии членов комиссии по выборам в Учредительное собрание арестовали. Газета «Правда» несколько дней назад называла Учредительное собрание хозяином земли русской. Ленин-тактик выбросил это из головы.

Ленин-стратег заявил: «Республика Советов – более высокая форма демократии, чем республика с Учредительным собранием».

Учредительное собрание – мечта и лозунг всего 1917 года. Учредительное собрание должно определить форму правления в России. Когда на следующий день после переворота Ленин и Троцкий создали Совет народных комиссаров, они заявили в декрете, что это временное рабоче-крестьянское правительство до созыва Учредительного собрания.

Если бы игра шла по-честному, то Совет народных комиссаров должен был бы войти в российскую историю как Временное правительство-2. Потому что название «Временное» не означает политическую оценку, а передает суть: временное до созыва Учредительного собрания, которому и карты в руки. Но это была бы совсем другая, не большевистская история.

Открытие Учредительного собрания в Таврическом дворце было намечено на 12 часов дня 5 января 1918 года. В назначенный час собрание не открылось. На улицах начались демонстрации. Колонны шли с лозунгом: «Власть Учредительному собранию!» Колонны наткнулись на большевистские части, которые открыли стрельбу. Десятки убитых, сотни раненых. Как назло, на свой съезд в Петроград съехались крестьяне. Делегатов от большевиков среди крестьян также не оказалось. Крестьяне тоже вышли на демонстрацию. В них тоже начали стрелять. Тоже убитые и раненые. К вечеру Учредительное собрание открылось.

Председательствующий на Учредительном собрании эсер-ветеран Чернов в бурлящем зале прокричал: «Сам факт открытия Учредительного собрания означает конец гражданской войны в России!»

На самом деле то, что произошло в здании Таврического дворца к утру 6 января 1918 года, означало прямо противоположное – а именно только самое начало ранее невиданной гражданской войны в России.

В пять утра, в разгар дебатов, к председателю Чернову подошел матрос Анатолий Железняков и отчетливо произнес: «Предлагаю всем покинуть Таврический дворец. Караул устал». С многопартийностью было покончено. Если не считать левых эсеров, с которыми большевики еще полгода имели дела.

Лев Давыдович Троцкий, практический организатор Октябрьского переворота в 1917-м, в 1918-м лично сделал все возможное и невозможное, чтобы однопартийное руководство овладело Россией на 73 года. Убежденный и вдохновенный фанатик, Троцкий был создан не только для захвата валявшейся под ногами власти, но и для ее удержания в гигантской стране. Ленин почувствовал это и благословил Троцкого.

Троцкий стал вторым после Ленина человеком в России. Кроме того, эти два человека испытывали действительную идейную близость. Ленин говорил о том, что Первая мировая война через революцию перерастет в войну гражданскую. Гражданская война – главная, давняя мечта Ленина. Троцкий мечтает, чтобы гражданская война длилась вечно. И не только в

России. Гражданская война, расплзающаяся по всему миру, – это и есть мировая революция, которую теоретик Троцкий назвал перманентной революцией.

«Перманент» – термин, хорошо известный советским женщинам старшего поколения. Для остальных уточню: перманент – это завивка волос сроком на шесть месяцев. В 1918-м сроки, а точнее срока, были другими: приговаривали к лишению свободы сроком до победы мировой революции. Хотя лишение свободы в 1918-м было редкостью. Обычно расстреливали.

«Мы пришли в Чрезвычайную комиссию повидаться со своими близкими, которых арестовали. Когда маму увели, чекисты стали выволакивать из двора посинелые трупы, на глазах у прохожих разрубать их на части, потом лопатами, как сор, бросать на грузовик. На дворе после этого остались кусочки кожи, кровь, косточки, и все это какая-то женщина спокойно, взяв метлу, смела в кучу и унесла».

Это фрагмент из воспоминаний детей, которые видели революцию, а потом оказались вне России. Книги детских сочинений изданы в Праге в середине 20-х годов. Мы еще вернемся к ним.

Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем была создана в декабре 1917-го. То есть организация, определяющая врагов народа и карающая их, была создана большевиками еще до разгона Учредительного собрания.

Учредительное собрание их не интересовало. Гораздо существенней было другое мероприятие. В ноябре 1917-го прошло заседание Петроградского комитета РСДРП. Каменев, Зиновьев и Луначарский выступили за объединение с меньшевиками и эсерами. Ленин был категорически против. Троцкий абсолютно поддерживал Ленина. Ленин не скрыл благодарности:

«Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего большевика».

Уже одного этого было бы достаточно, чтобы Сталин возненавидел Троцкого, но Троцкий дал Сталину, мягко говоря, не только этот повод.

Накануне празднования 10-й годовщины Октября участникам событий разослали «Анкету участника Октябрьского переворота». То есть в 1927 году еще не употребляется слово «революция», а тем более «Великая». В 1927 году Сталин уже реально пять лет у власти. Троцкий соответственно в глубокой опале. Но после долгих колебаний анкету выслали и ему. Троцкий анкету заполнил, а кроме того, написал в Комиссию по изучению истории партии письмо в надежде на историческую реабилитацию. По мысли Троцкого, реабилитировать его – значит признать, что благодаря его громадному организаторскому таланту власть большевиков, которых никто в России не выбирал, так вот, благодаря Троцкому эта случайная власть не рухнула в 1918 году.

Троцкий в книге «Моя жизнь» про 1918 год пишет:

«Останемся ли у власти или будем сброшены, предвидеть нельзя. Надо при всех условиях внести как можно больше ясности в революционный опыт человечества».

Уж что-что, а ясности внесли больше некуда.

Троцкий в воспоминаниях пишет:

«Вопрос о завоевании власти партией стоял передо мной всегда. Но вопрос о моей личной работе после завоевания власти не возникал передо мной никогда. Он застиг меня врасплох».

Ленин требовал, чтобы Троцкий занялся внутренними делами, то есть борьбой с разнообразными повсеместными внутренними врагами. Троцкий смог бы. Троцкий в этом смысле для Ленина то, что надо. Он быстро вырос в практика государственного терроризма ленинского призыва.

Вот его будущий приказ:

«Вологда, Губвоенкому. Заключайте подозрительных в концентрационные лагеря – это есть необходимое условие успеха».

В 1920 году Троцкий напишет теоретический труд под названием «Терроризм и коммунизм».

«Вопрос о форме репрессии, – напишет Троцкий, – или о ее степени, не является принципиальным. Это вопрос целесообразности. Именно этим простым фактором объясняется широкое применение расстрелов в Гражданской войне».

Это слова большевистского гимна государственному терроризму.

Из детских воспоминаний:

«Расстрелы у нас были в неделю три раза: в четверг, субботу и в воскресенье, и утром, когда шли на базар продавать вещи, видели огромную полосу крови на мостовой, которую лизали собачки».

Государственный терроризм – это высшая и последняя стадия терроризма. Троцкий продолжает: «Морально осуждать государственный террор революционного класса может лишь тот, кто отвергает насилие вообще – стало быть, всякую войну и восстание».

Большевики всякую войну не отвергали. Они отвергали чужую мировую войну и предвкусали свою мировую гражданскую войну. Для этого надо было удержаться у власти.

Гражданскую войну в России они уже развязали. Мировая война еще продолжалась. Воевать на два фронта сил не было. Ленин пошел на сепаратный мир с Германией. Троцкий возглавил дипломатическое ведомство.

Германия была в восторге: для нее кошмар войны на два фронта – Восточный и Западный – закончился. Появлялся шанс выиграть войну. Деньги, заплаченные большевикам до Октябрьского переворота, похоже, начинали окупаться. Через день после переворота Берлин секретно выделил еще 15 миллионов марок для поддержки большевиков.

Деньги в Петроград впервые были привезены в декабре 1917-го. 9 декабря 1917 года начались мирные переговоры в Брест-Литовске. Первая российская делегация с удовольствием завтракала, обедала и ужинала с германской стороной у фельдмаршала Леопольда Баварского.

За столом, по правую руку от принца Баварского – глава российской делегации Адольф Иоффе, недавно выпущенный из сибирской тюрьмы. За ним – глава австрийской делегации министр иностранных дел Оттокар граф Чернин фон унд цу Худениц. Граф Чернин пишет в дневнике после первого ужина:

«Что за странные создания эти большевики. Они говорят о примирении народов всего мира, и вместе с тем это самые жестокие тираны в истории. Их аргументами являются пулеметы и виселицы».

Иоффе наклоняется за столом к графу Чернину и шепчет: «Я надеюсь, мы сумеем поднять революцию в вашей стране тоже».

Троцкий приехал в Брест-Литовск позже и отменил совместные обеды. 5 января 1918 года Германия и Австро-Венгрия заявили, что согласны на мир при условии отторжения от России 150 тысяч квадратных километров территории.

В западной прессе, включая германскую социал-демократию, вовсю шли разговоры о том, что большевики и Германия на переговорах разыгрывают пьесу с четко распределенными ролями. Троцкого это крайне беспокоит, он пишет:

«Необходимо во что бы то ни стало дать рабочим Европы яркое доказательство смертельной враждебности между нами и Германией».

Именно отсюда появилась его знаменитая формула: «Войну прекращаем, армию демобилизуем, но мира не подписываем». То есть «ни мира, ни войны».

С этим Троцкий приехал к Ленину. Ленин задал Троцкому вопрос:

– А что, если немцы все-таки двинут войска против нас? Да и много ли против нас надо?

Троцкий ответил:

– Вот тогда мы заключим мир. Этим одним мы нанесем удар по всем разговорам о нашей закулисной связи с немцами.

– Конечно, тут есть свои плюсы, – согласился Ленин, – но вот какая штука. Если бы мы погибали для победы германской революции, тогда понятно. Потому что германская революция неизмеримо важнее русской. Но когда она придет? Неизвестно. Поэтому сейчас надо обезопасить нашу революцию.

На переговорах в Брест-Литовске германская сторона ужесточила требования.

Командующий германскими войсками на Восточном фронте генерал Гофман повесил карту и на карте показал Троцкому, какие российские территории Германия намерена аннексировать. Троцкий произнес речь: «Мир не подписываем, выходим из войны, армию полностью демобилизуем». Генерал Гофман громко произнес: «Неслыханно».

Со всех сторон Троцкому говорили: «Немцы начнут наступление».

Троцкий подписал приказ о демобилизации и уехал в Петроград.

17 февраля генерал Гофман пишет в своем дневнике: «Завтра мы начинаем боевые действия против большевиков. Другого пути нет. В противном случае эти скоты загонят бичами всех вместе – украинцев, финнов, прибалтов – в новую революционную армию и превратят всю Европу в свинарник».

Немцы начали наступление. Через два дня после начала наступления французская военная миссия обратилась к Троцкому с предложением от Франции и Англии оказать помощь России в войне с Германией. Троцкий согласился, Ленин его поддержал со словами:

«Уполномочить т. Троцкого принять помощь разбойников французского империализма против немецких разбойников».

Ленин любил каламбуры. Бухарин нагнал Троцкого в коридоре, обхватил голову руками и разрыдался. «Что мы делаем? – рыдал Бухарин. – Мы превращаем партию в кучу навоза». О стране никто не плакал.

Из детских воспоминаний:

«Из города мы убежали в деревню. Там большевики убили моих маму и папу. Потом большевики выкопали несколько ям и закопали всех убитых. И моих маму и папу тоже».

На следующий день, 23 февраля 1918 года, прошло заседание ЦК РСДРП. Голосовали ленинское предложение немедленно подписать мир на германских условиях. Ленин даже угрожал своей отставкой, в случае если его предложение не примут. Троцкий проголосовал бы против, если бы голосовал. Но он воздержался и тем обеспечил Ленину победу.

Итак, решение о подписании униженного мирного договора с Германией принято ЦК РСДРП 23 февраля. Именно этот день и стал Днем Советской Армии. 3 марта Сокольников

вместо Троцкого не глядя подписал мирный договор на германских условиях. Помимо прочего, Брестский мир вычеркнул из исторической памяти всех почивших в Первую мировую.

В центре Лондона стоит потрясающий памятник английским артиллеристам, погибшим в годы Первой мировой войны. Он поставлен британским правительством. Надпись гласит: «В гордую память 49 000 английских артиллеристов всех рангов и званий, отдавших жизни за Короля и Отечество». Миллионы русских солдат, павших в Первую мировую войну, памятника так и не удостоились.

В 1918 году Ленин уточняет: наша революция боролась с патриотизмом. Если ты социалист, ты должен все свои патриотические чувства принести в жертву во имя международной революции.

Надо сказать, что Ленину, что Троцкому не трудно было делать подобные заявления в России. В России эти люди были иностранцами. Ленин не был в России без малого 17 лет, Троцкий – 15, за исключением наезда в Петербург в 1905 году. В стране, где они захватили власть и натурализовались, они повели разговор на ранее неведомом языке. В январе 1918 года в статье «Как организовать соревнование?» Ленин предлагает «расстрел на месте одного из десяти виновных в тунеядстве».

Еще раньше, 11 декабря 1917-го, Совет народных комиссаров вводит словосочетание «враг народа». Партия кадетов – первые официальные враги народа. Газета «Правда» пишет: «Гимном рабочего класса отныне будет песнь ненависти и мести!» (31 августа 1918 года).

Дзержинский:

«Каждый, кто осмелится на малейшую пропаганду против соввласти, будет арестован и заключен в концентрационный лагерь».

Ленин:

«Время архивоемное. Надо всячески поощрять массовидность террора».

На таком языке Россия никогда раньше не говорила.

В 1918 году появляется песня:

*Цыпленок жареный, цыпленок пареный,
Цыпленок тоже хочет жить.*

В начале 1918-го в строчке «цыпленок тоже хочет жить» – гуманистический, антисоветский выпад. Но дерзкий цыпленок – редкость. Массовое настроение – оцепенение, волевой столбняк. Со вздохом облегчения встречают утро: ночью забрали кого-то другого, соседа, знакомого, кого-то другого расстреляли.

Большевики объявили регистрацию офицеров. Те, кто не явится на регистрацию, будет врагом народа, кто явится – будет арестован. Регистрация проводилась в Алексеевском военном училище, в Лефортове. Очередь в восемь рядов тянулась на версту. В очереди спорили из-за мест. Говорили, там было около 50 тысяч офицеров. Все покорно ждали.

В Вятке расстреливали за выход из дома после восьми вечера, в Брянске – за пьянство. Врачей в Кронштадте расстреливали за популярность среди рабочих, в Иваново-Вознесенске – за несдачу швейных машинок. Кроме того, расстрелы применяются на «всякий случай, впрок, чтобы отбить всякую охоту заговоры устраивать».

В 1918 году в прокат выходит новый художественный фильм по сценарию наркома просвещения Анатолия Луначарского. Снят за несколько дней. Кино называется «Уплотнение». Уплотнение – это тоже словечко из нового, большевистского языка. Уплотнение – это когда, скажем, в квартиру к профессору Московского университета, живущему на зарплату, или к инженеру поделяют в каждую комнату по многодетной семье, а хозяину оставляют одну ком-

нату. При этом мебель и личные вещи описываются, и переносить их к себе запрещается. Если только новые жильцы не окажутся добрыми и не вернут книги или пианино. За ненадобностью.

Отца Троцкого, не разобравшись, выгнали из дома. Он шел 400 километров пешком до Одессы. Троцкий вступился.

Из детских воспоминаний:

«Барышню Любу убили, потом вывели бабушку и меня. Когда уже нацеливались, то я закричала: „Бабушка, я не хочу умирать“. С бабушкой сделался столбняк, и она упала. Они позвали доктора, но доктор велел отвезти бабушку домой, сказал, что она и так умрет».

12 марта 1918 года большевистское руководство оставило Петроград и переехало в Москву, непосредственно в Московский Кремль. Логика переезда в Москву элементарна. Да, мирный договор подписали, но уверенности, что немцы не продолжат наступление, нет. Кроме того, в Мурманске 9 марта высадились англичане. Поэтому, пишет Троцкий в воспоминаниях, они с Лениным решили: «Пусть лучше захватят голодный Петроград без революционного правительства».

В Москву Троцкий прибыл на другой день после его назначения наркомом по военным делам.

До марта 1918 года Троцкий в Кремле никогда не бывал и вообще Москвы не знал, за исключением одного места – Бутырской тюрьмы, где он просидел 6 месяцев в 1898–1899 годах. Троцкий сохранил свои первые впечатления от себя в Кремле:

«Соприкосновение двух непримиримых культур забавляло. Проезжая по мостовой мимо Николаевского дворца, я не раз искоса поглядывал на Царь-пушку и Царь-колокол. – Тут Троцкий вспоминает Гамлета: – Порвалась связь времен, зачем же я связать ее рожден?»

Но Троцкий не Гамлет, он вот что говорит:

«Размышлять о противоречиях развития запоздалой страны можно, пожалуй, минутой-полторы, когда мчишься по касательной к кремлевскому прошлому с заседания на заседание, но не более того».

«Жены всех этих совсотрудников, засевающих в Кремле, разговаривают теперь по разным прямым проводам совершенно как по своим домашним телефонам» (Иван Бунин. «Окаянные дни»).

От Троицких ворот направо вдоль Кремлевской стены тянулась Дворцовая улица. Ее переименовали в Коммунистическую. На этой улице, в бывшем Кавалерском корпусе, в 1918 году поселились Ленин и Троцкий.

Обслуживали новых жильцов старые и молодые императорские лакеи. Молодые лакеи быстро приспособились к новым порядкам. Старые прислуживали на съездах и конференциях. Троцкий пишет, что они выполняли ту же работу, что на царских и великокняжеских приемах. Когда один из стариков лакеев находился при смерти, жена Троцкого посылала ему гостинцев. Старик плакал от благодарности.

Слезы благодарности у старика было вызвать нетрудно. В 1918 году большевики поделили население России на 4 категории и постановили, кому сколько можно есть. То есть вводится знаменитая советская система пайков.

Люди первого сорта, или I категории, – рабочие оборонных предприятий и транспорта – имели в день 300 граммов хлеба, 7 граммов сахара, 7 граммов соли, 7 граммов растительного масла и 50 граммов мяса.

Люди второго сорта – учителя, фельдшеры и остальные рабочие. Третий сорт – директора, инженеры, интеллигенция, священники.

IV категория – лица, живущие с доходов на капитал. При том что капиталы уже были национализированы. IV категории полагалось 100 граммов хлеба, 2 грамма сахара, 2 грамма соли и 17 граммов мяса.

Продукты выдавались нерегулярно. В губернских городах рабочий паек был еще меньше. Из детских воспоминаний:

«Видя мамыны страдания, маленькие мои братишки переставали плакать и говорили: „Мама, мы не хотим есть, это мы так“».

В ознаменование первой годовщины Октябрьского переворота и вследствие отсутствия хлеба и торговли в Москве в Филипповской булочной прошла выставка под названием «Год пролетарской диктатуры!». За участие выдавался дополнительный хлебный паек.

В Кремле вследствие прекращения экспорта в изобилии была красная икра. Троцкий пишет: «Этой неизменной икрой окрашены первые годы революции».

Народный комиссар государственного призрения, то бишь соцобеспечения, Александра Коллонтай указывала, что голодный паек вызывает у рабочих, особенно у женщин, чувство отчаяния и безысходности.

Для удержания власти надо было срочно создавать армию.

Троцкий отказывался занять пост наркомвоенмора. Ленин сказал: «Кого же поставить, назовите?»

Троцкий подумал и согласился.

Антибольшевистское белое движение начинается весной 1918-го. 25 мая – восстание корпуса чехословаков из бывших военнопленных. Части корпуса разбросаны по городам вдоль сибирской магистрали. Они катализируют сопротивление, оно распространяется с востока на запад. 26 мая небольшой белый отряд захватывает г. Петропавловск на севере Казахстана. 1 июня взята власть в Омске и Новониколаевске (ныне Новосибирск), 14 июня восстание в Иркутске, затем в Барнауле и на Алтае. 29 июня взят Томск. На юге во главе Белой армии сначала Корнилов, после его гибели с 13 апреля армию возглавляет Деникин.

Л. Г. Корнилов в дни работы Государственного совещания в Москве. Август 1917 г. Л. Г. Корнилов – первый главнокомандующий Добровольческой армией.

В руках большевиков только Центральная Россия с Петроградом и Москвой. Здесь идет бешеная охота на офицерство.

По Театральной площади ведут группу в 500–600 офицеров, причем в первых двух шеренгах георгиевские кавалеры. На шинелях выгоревшие следы от сорванных Георгиевских крестов. Их ведут убивать. Это обычная картина начала 1918 года.

Из детских воспоминаний:

«Сколько обезображенных трупов я видел в России, даже лошади боялись».

Многие генералы Первой мировой войны, талантливые и бесталаные, убиты. Вместе с семьями. «На Тверской бледный старик – генерал в серебряных очках и в черной папахе что-то продает. Стоит робко, скромно, как нищий. Как потрясающе быстро все сдались, пали духом» (Иван Бунин. «Окаянные дни»).

На этом смертельном фоне Троцкий в Наркомате (располагавшемся в здании бывшего Александровского училища), несмотря на сильнейшее внутрипартийное сопротивление, решает привлечь царских военспецов – от поручиков до генералов – на службу в новую армию. Потому что командиры-самородки из народа победы не сделают. Мобилизации рабочих и крестьян также недостаточно. Среди них, говорит Троцкий, много элемента негодного, отбросов. Эти слова про отбросы Троцкий произносил на Первом Всесоюзном съезде военных комиссаров. Для присмотра за командирами и для воспитания солдат Троцкий приводит в армию комиссаров.

Троцкий уточняет:

«Комиссары с револьвером слева и справа от командира. Если военспец шатается, он должен быть вовремя расстрелян. Бывшее офицерство, которое не желает работать на нас, „запрятать в концентрационные лагеря”».

Герой Первой мировой генерал Брусилев два месяца сидел под арестом, пока не дал согласие на службу в новой армии.

В середине апреля 1918 года по дороге из Наркомата в Кремль Троцкий сформулировал текст «Социалистической военной присяги». Десятилетиями советские воины, принимая присягу, не догадывались, что ее авторство принадлежит Троцкому.

В середине 1918 года положение большевиков на грани безнадежного.

Троцкий в июне говорил: «Мы уже мертвы, но еще нет никого, кто мог бы нас похоронить». Человек, с которым так разоткровенничался Троцкий, – германский посол граф Вильгельм Мирбах. Немцы в этот момент стоят по линии Псков – Нарва. Через месяц после откровений Троцкого, 6 июля, посреди бела дня в посольском особняке в Денежном переулке граф Мирбах убит сотрудниками ВЧК, левыми эсерами по убеждениям Блюмкиным и Андреевым. Помимо убийства Мирбаха Блюмкин известен тем, что в 1920 году именно под поручительство его – тов. Блюмкина – из ВЧК был отпущен Сергей Есенин, обвиняемый в контрреволюции. Троцкий любил Есенина как поэта, Есенин уважал Троцкого как политика. Левых эсеров в ВЧК было много. Эсеры хотели войны с Германией.

Паника у большевиков сделалась невероятная. В Денежный переулок прибыли Свердлов, Дзержинский и сам Ленин. Все они рассыпались в извинениях, объяснениях и соболезнованиях. Еще бы им не рассыпаться. Посол Мирбах полагал, что власть большевиков наиболее соответствует германским интересам. МИД Германии рекомендовал Мирбаху: «Расходуйте больше денег». Мирбах телеграфировал: «Требуется 3 миллиона марок в месяц».

В июне в Берлине создан спецфонд – 40 миллионов марок. Кроме того, летом немцы были уже готовы к экономическому броску в Россию.

7 августа, после сдачи Симбирска белым, Троцкий выехал на Восточный фронт. Пока он был в пути, красные сдали Казань. Поезд Троцкого дошел до Свияжска.

Вот что говорит Троцкий про это, теперь никому не известное место: «Судьба революции решалась под Свияжском. Октябрьская победа далась легко. Стихийный напор ослабел».

Ввиду отсутствия стихийного напора 8 августа Троцкий продиктовал приказ № 10:

«Всем! Всем! Всем!

В поезде наркомвоена, где пишется этот приказ, заседает военно-революционный трибунал, который снабжен неограниченными полномочиями.

Назначенный мною начальник обороны железнодорожного пути Москва-Казань тов. Каменщиков распорядился о создании в Мироме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей, куда будут заключаться агитаторы, контрреволюционные офицеры, паразиты, саботажники, кроме тех, которые будут расстреливаться на месте.

Лев Троцкий».

Теперь вопрос: кто были эти «все, все, все», к которым был обращен приказ Троцкого? На стороне большевиков воюют партизанские отряды. Февральская революция породила в

городах привычку к постоянным митингам и демонстрациям, на которых слушали всех ораторов подряд. В провинции, в деревне, куда возвращались с фронта вооруженные люди, вместо митингов сбивались в отряды. Пахать вернувшиеся с фронта не хотели. Эти отряды идеей не руководствовались, кое-что понаслышке знали о новой власти в Москве, новое всегда заманчивое, поэтому вроде как бились за новую власть, но легко отступали, бежали или переходили на противоположную сторону.

Вот к этим людям, в панике бежавшим от Казани, и явился в Свияжск на своем поезде Троцкий. Бывший поезд императора Николая II по приказу наркомвоена был оснащен типографией, морозильными камерами, телеграфом, радиостанцией, самолетом, синематографом со съемочной группой, несколькими автомобилями и цистерной с топливом. В 12 вагонах – свита из 231 человека, включая латышских стрелков, моряков, кавалеристов, пулеметчиков, мотоциклистов, шоферов, самокатчиков, телефонисток и проч. Самая большая группа – агитаторы. Поезд – ноу-хау Троцкого. Троцкий называет это импровизацией.

В поезде с Троцким и самостоятельно из промышленных центров прибыли комиссары. Все в коже. Вместе с комиссарами привезли царских офицеров.

Многие из этих офицеров в феврале 1917-го легко изменили главнокомандующему Николаю II и присягнули Временному правительству. Потом бросили Керенского и пошли к большевикам. В армии существенна первая измена. Расплата за нее настигла красных царских командиров много позже, в 30-е годы, перед совсем уже другой войной.

В 1918-м прямо здесь, под Свияжском, опытные военные специалисты из бандитствующих партизан, беженцев со всех сторон, из мобилизованных поблизости крестьян формировали роты, батальоны и полки. В части внедряли по несколько десятков опытных бойцов плюс баня, несмолкающая агитация, кормежка, табак и спички. Интенданты, снабженцы были также из старой армии. В отношении старых военных специалистов введена система заложников.

На командные должности ставятся только те офицеры, семьи которых находятся в пределах советской родины. Офицер должен всегда помнить, что его жена и дети – заложники. Производит впечатление. Русская армия такого никогда не знала. Это свияжская импровизация Троцкого. Он пишет: «Без новых и новых импровизаций во всех областях война была бы для нас невыносима».

Позиция Троцкого:

«Надо заставить сражаться. Если ждать – мужик расчухается и, пожалуй, поздно будет».

Со снабжением плохо, и Троцкий в Свияжске принимает решение о введении заградотрядов. «Они должны размещаться в ближайшем тылу и подталкивать сзади отстающих колеблющихся и голодных. В распоряжении заградотряда должен быть грузовик с пулеметом, легковая машина с пулеметом или кавалеристы с пулеметами» (письмо Троцкого из Свияжска командиру заградотряда).

Поезд Троцкого снабжен антенной и принимает тринадцать радиостанций, включая Париж. Мировая информация из первых рук, из рук Троцкого, поступает к жителям Свияжска, к солдатам, которым не хватает портянок и кожи на подметки. Именно так подключаются к мировой революции.

С 1918-го по 1922 год в Свияжске расстреливают священнослужителей, в 1922-м переходят к расстрелу мирного населения. В конце 1920-х концлагерь Троцкого перерастает в филиал ГУЛАГа Сталина. Сталин умер – на месте лагеря возникла психиатрическая больница. После 1993 года здесь, на острове, коррекционная школа.

В разгар подготовки красного контрнаступления на Восточном фронте белая бригада впоследствии знаменитого полковника Владимира Оскаровича Каппеля атаковала Свияжск. Атака была отбита, но 2-й Петроградский рабочий полк бежал с поля боя вместе с командиром

и комиссаром. По указанию Троцкого военно-полевой суд приговорил командира, комиссара, а также каждого десятого из солдат к расстрелу. Убийство каждого десятого, децимация – это еще одна свияжская импровизация Троцкого.

Населения осталось около 300 человек. В Свияжске Троцкий получает телеграмму:

«Немедленно приезжайте. Ильич ранен. Полное спокойствие. Свердлов».

Председатель ВЦИК Яков Свердлов действительно демонстрировал полное спокойствие и даже говорил управделами Совнаркома Бонч-Бруевичу: «Вот, Владимир Дмитриевич, и без Владимира Ильича все-таки справляемся».

По неофициальной версии, именно Свердлов был причастен к заговору против Ленина. Внутрипартийная борьба на самом деле началась не при Сталине, она всюду шла уже в 1918 году. Ввиду того, что летом 1918 года власть большевиков практически издыхала и, соответственно, авторитет Ленина падал, Свердлов вполне мог приступить к осуществлению собственного амбициозного плана. К этому времени Свердлов сосредоточил в своих руках все руководящие советские и партийные посты: он председатель ВЦИК и секретарь ЦК; кроме того, руководил кадровой политикой в ВЧК, ему подчинялась охрана Кремля. Оставалось только возглавить Совет народных комиссаров. После ранения Ленина Свердлов председательствовал в Совнаркоме в очередь с Рыковым. В ссылке Свердлов был вместе со Сталиным. Свердлов умер не старым, неожиданно, в марте 1919 года. Сталин занял место Свердлова в партаппарате. Сталину в 1922 году удалось отстранить Ленина от руководства.

По официальной до сих пор версии, в Ленина 30 августа 1918 года стреляла Фейга Файвеловна Каплан, 1887 года рождения, известная под именем Фанни. Полуслепая. Зрение потеряла в 1909 году на нерчинской каторге в Восточной Сибири, где находилась в бессрочном заключении за взрыв в Киеве.

Освободилась в Февральскую революцию. Летом 1917 года в Крыму в санатории встретила с братом Ленина Дмитрием Ильичом. Она понравилась младшему Ульянову и по его рекомендации сделала операцию на глазах в Харькове.

30 августа на заводе Михельсона проходил митинг на тему «Диктатура буржуазии и диктатура пролетариата». Когда Ленин после выступления вышел на улицу, в него трижды выстрелили. Стрелявшую взяли сразу. На допросе сказала:

«Стреляла в Ленина я. Ни к какой партии не принадлежу. Я стреляла в него, потому что его существование подрывает веру в социализм».

Допрашивали Каплан в ВЧК на Лубянке. До Лубянки ВЧК размещалась в знаменитом в Москве «Доме Ростовых», описанном в «Войне и мире» Л. Н. Толстым. Прошло всего восемь лет, как умер Толстой. С Лубянки Свердлов неожиданно увез Каплан в Кремль и лично вынес приговор о ее расстреле.

Уже 3 сентября Каплан была расстреляна комендантом Кремля Мальковым, а тело сожжено в бочке с бензином в Александровском саду. За этим процессом наблюдал поэт Демьян Бедный. От запаха упал в обморок.

5 сентября 1918 года принято постановление Совета народных комиссаров «О красном терроре». На самом деле это была просто легализация террора. Врач Лефортовского военного госпиталя вспоминал:

«6 сентября в анатомическом театре видел брезент, на котором 24 трупа с раздробленными от выстрелов в упор черепами. Вскоре привезли

еще 40. Некоторые фамилии расстрелянных печатались в „Еженедельнике Всероссийской чрезвычайной комиссии“.

В № 6 за 1918 год вместе с Каплан еще 89 человек. Эти люди – 4 царских министра и обычные граждане – были расстреляны днем в Петровском парке в присутствии московской публики. Это было только начало.

Осмотр места покушения на Ленина совершал сотрудник ВЧК Яков Юровский.

В ночь с 17 на 18 июля 1918 года Яков Юровский руководил расстрелом царской семьи.

В годы Гражданской войны были убиты 18 членов семьи Романовых.

В ночь с 12 на 13 июля 1918 года в Перми был расстрелян брат императора Михаил Александрович.

В ночь на 18 июля вблизи Алапаевска в шахту были сброшены пять человек: сестра императрицы Елизавета Федоровна, четверо великих князей – Иоанн, Константин и Игорь Романовы и Владимир Палей. В шахту они были сброшены живыми. Их забросали гранатами. Залили известью. Единственный из Романовых, кто оказал сопротивление, – великий князь Сергей Михайлович. Он бросился на солдат, ему прострелили голову и в шахту сбросили мертвым.

В январе 1919 года в Петропавловской крепости были расстреляны четверо великих князей.

Семья императора была расстреляна в ночь с 16 на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге. Решение о расстреле принимали Ленин и Свердлов. Свердлов Троцкому сказал: «Мы здесь решили». Троцкий узнал о происшедшем постфактум. Он должен был быть раздосадован. Он намеревался быть государственным обвинителем на процессе по делу российского императора. Зрелище «Троцкий против Николая» не состоялось.

Четыре дочери и сын российского императора, которые лично не несли никакой вины перед народом, – это первые в России дети, которых жизнью или, точнее, смертью заставили ответить за родителей. Это первая официально санкционированная смерть детей. Потом будут убивать и забирать в лагеря тысячи и тысячи детей любого возраста, даже грудных. Убьют и сыновей Каменева, и сына Зиновьева, и сыновей Троцкого.

В соответствии с указом ЦИК и Совета народных комиссаров от 7 апреля 1935 года к детям, начиная с 12-летнего возраста, применяется высшая мера наказания – расстрел. Дети Романовы просто были первыми.

1919

Летом 1919 года большевистские полки всюду распевали песню, содержание которой хорошо известно людям старшего поколения:

*Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И с радостью умрем
За все за это.*

В Добровольческой армии песню пели по-старому, так, как она звучала еще в 1914 году:

*Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую
И с радостью умрем
За дорогую.*

Оригинальный текст песни приводит в своих воспоминаниях генерал Антон Иванович Деникин. В 1919 году генерал Антон Иванович Деникин – главное действующее лицо на Южном фронте антибольшевистского сопротивления.

В 1919 году Троцкий считает Южный фронт самым опасным и указывает:

«Силы врага состоят из двух самостоятельных частей – казачества, особенно кубанского, и добровольческой Белой армии, набранной со всей страны».

Насчет всей страны – чистая правда.

Осенью 1917 года в городе Быхово, в Белоруссии, в здании бывшей женской гимназии, превращенной в тюрьму, находились под арестом главные участники корниловского мятежа в августе 1917-го.

В их числе – генерал Корнилов, генерал Марков, генерал Романовский, генерал Деникин. Общение между арестованными постоянное. Обсуждают, что делать дальше. Принято решение разными путями двигаться в сторону Ростова и Новочеркасска.

Из тюрьмы вышли беспрепятственно. Это ведь осень 1917-го. Никто не понимает, кого надо держать под арестом. Переоделись, резко изменили внешний облик. Марков в образе солдата, имитирует манеру «сознательного товарища». Романовский сменил генеральские погоны на прапорщичьи. Деникин в соответствии с конспиративной легендой – польский помещик. Часть этой легенды – правда, но только часть.

Деникин родился в Варшавской губернии Российской империи. Мать Деникина – полька. Отец – из крепостной крестьянской семьи. Сдан был помещиком в солдаты. Вышел в отставку в чине майора. Нужда в семье большая. Кроме памяти о бедности, из детских воспоминаний генерала Деникина – рассказ отца об армейском наказании «прогнать сквозь строй»: провинившегося гонят между двух шеренг солдат, которые бьют его ружейными шомполами. Часто забивали насмерть. Это Лев Николаевич Толстой хорошо описал.

Осенью 1917-го поезд, в котором Деникин ехал из Быхово в Ростов, был битком набит солдатами. Деникин лежал на верхней полке, на него не обращали внимания, он слушал, потом вспоминал:

«Во всех разговорах была разлита безбрежная ненависть. О большевиках говорили мало, но революционная истерия легла на душу. Ненависть даже

к неодоушевленным предметам, к любым признакам культуры. С одинаковой ненавистью рвут в клочья обивку вагонных скамеек, выбрасывают в окно вагона буржуя, разбивают череп начальнику станции на остановке.

Царило одно желание – захватить и уничтожить. Не подняться, а принизить до себя все, что так или иначе выделялось. Враг – всякий, кто умственнее и социально выше. Кто-то рассказал, что товарищ Ленин уже начал выплачивать крестьянам и рабочим их убытки за сто прошлых лет за счет буржуазских состояний. Все этому верили. Также верили и другому рассказу: говорят, на Аральском море водится птица, которая несет яйца в добрый арбуз, и оттого там никогда голода не бывает, потому что одного яйца довольно на большую крестьянскую семью».

На пересадке неожиданно Деникин сталкивается с генералами Марковым и Романовским. Марков изображает денщика Романовского, бежит за кипятком. Какой-то случайный поручик посылает Маркова за папиросами, потом нерешительно мнет бумажку в руке: дать на чай или обидится? Поручик неожиданно обращается к Деникину: «Ваше лицо мне очень знакомо. Вы не были во Второй дивизии в 1916 году?» 2-я дивизия действительно входила в состав корпуса Деникина на Румынском фронте в 1916-м. Деникин смеется: «Что вы, что вы».

Наконец прибывают в Ростов. Деникин прощается с поручиком: «Во 2-й дивизии, милый поручик, мы с вами действительно виделись и вместе дрались. Прощайте, дай вам Бог счастья». Поручик немеет от изумления.

В это же самое время на станции Конотоп один из бывших корниловских офицеров идет в буфет за провизией. Его окликает хромой старик в стоптанных валенках: «Здорово, товарищ». – «Здравия... Здравствуйте». Старик исчез в толпе. Старик в стоптанных валенках был генерал Корнилов. Через три дня после этого генерал Корнилов встретится с генералом Деникиным уже в Новочеркасске.

27 декабря 1917 года в воззвании были обнародованы цели Добровольческой армии:

«Как 300 лет назад, как при Минине и Пожарском, вся Россия должна подняться всенародным ополчением на защиту своих оскверненных святынь. Добровольческая армия не может принять и никогда не примет партийной окраски.

Что касается будущего государственного устройства, необходимо избрать Учредительное собрание. Оно определит форму управления государством».

Потом в течение всего 1919 года военный человек, сын крепостного, генерал Деникин много раз будет повторять: «Русский народ сам выразит свою волю, когда закончится стихийное помешательство». И только в воспоминаниях гораздо позже с генштабовской четкостью он напишет:

«Теория разошлась с практикой. Мы не учли элемента времени. Мы стремились к прозе, а народ все еще хотел „поэзии“ демагогических лозунгов».

Трудно сказать, каких лозунгов хотелось русским офицерам.

Важнейшие центры России – Петроград, Москва, Киев, Одесса, Минеральные Воды, Владикавказ, Тифлис – были просто забиты офицерами. Они выжидали, их убивали, отправляли в ЧК, или они покорно шли регистрироваться к большевикам, или снимали форму и превращались в штатских. В первую психическую атаку под Новочеркасском пошли не офицеры, а мальчишки – батальон юнкеров. Это мальчишки шли во весь рост практически без оружия. Один взвод погиб полностью. Это они прикрывали Новочеркасск от большевиков за неделю до приезда Корнилова. Деникин пишет:

«Когда напор большевиков сдерживали дети, кафе Новочеркаска были полны молодыми здоровыми офицерами, не поступившими в армию».

И так не только в Новочеркасске. В Ростове находилось до 18 тысяч офицеров, на призыв откликнулись 300 человек.

Генерал Алексеев, идеолог и фактический создатель Добровольческой армии, на похоронах кадетов, погибших в первых боях с красными, сказал: «Я вижу памятник, который Россия поставит этим детям. На горной скале – разоренное гнездо и убитые орлята. А где же были орлы?»

В начале 1918-го численность Добровольческой армии не превосходила 3–4 тысяч человек. Во время тяжелейших боев за Ростов она сокращалась вообще до ничтожных размеров. Армейская казна позволяла выплачивать только нищенские оклады. Иногда только паек. Как солдатам, так и офицерам. При этом в офицерских батальонах офицеры несут службу рядовых.

В начале 1918 года в Добровольческой армии насчитывалось всего 235 рядовых. Нужда во всем: не хватает вооружения, боеприпасов, нет кухонь, теплых вещей, сапог, хотя на донских военных складах – огромные запасы. Но нет денег, чтобы платить казачьим комитетам, которые распродают все подряд на сторону по бешеным ценам. В начале 1918-го казачество вообще не поддерживает добровольцев. Казачьи полки, возвращающиеся с фронта, насквозь пропитаны большевистской агитацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.